

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

К-44038
314681

309 '87

8

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ
СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

1 р. 10 к.

ISSN 0453-7998. Вестн. Харьк. ун-та. Динамика социально-классовой структуры социалистического общества. — 1987. № 309. 1—112.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00297114

4

309 '87

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 309

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ
СТРУКТУРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1987

В вестнике раскрываются некоторые общие тенденции и особенности развития социально-классовой структуры общества на этапе совершенствования социализма, рассматриваемой как самостоятельная система, а также во взаимосвязи с другими сферами общества. Значительное внимание уделено исследованию конкретных механизмов и факторов, реально обеспечивающих повышение трудовой и общественно-политической активности различных социальных групп советского общества в свете требований XXVII съезда КПСС.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: д-р филос. наук, проф. *Н. И. Сазонов* (отв. ред.), канд. филос. наук, доц. *А. Д. Дмитришин* (отв. секр.), д-р филос. наук, проф. *Н. Ф. Николаевский*, канд. филос. наук, доц. *М. М. Копаница*, канд. ист. наук, доц. *А. М. Куц*.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра научного коммунизма, тел. 45-71-63

Редакция общественно-политической литературы
И. О. зав. редакцией *Л. Н. Авраменко*

Издано по заказу Харьковского государственного университета.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 309

Динамика социально-классовой структуры социалистического общества

Редактор *Л. А. Копецкая*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *Л. Н. Быкова*

Н/К.

Сдано в набор 25.03.87. Подп. в печать 18.06.87. БЦ 16757. Формат 60×90/16.
Бумага типогр. № 3. Лит. гарн. Выс. печать. Печ. л. 7. Кр.-отт. 7,25.
Уч.-изд. л. 8. Тираж 500 экз. Изд. № 1563. Зак. 7-89. Цена 1 р. 10 к.
Заказное

Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц книжной фабрики «Коммунист» в Харьковской городской типографии № 16, 310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. 1428.

0302030000-076
M226(04)-87

© Харьковский государственный
университет, 1987

К-14038
Центральная научная
библиотека ХДУ
Тел. № 214681

**XXVII СЪЕЗД КПСС О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

XXVII съезд глубоко проанализировал качественное состояние советского общества на современном этапе, итоги и перспективы его развития. В новой редакции Программы КПСС, в выступлениях делегатов съезда пристальное внимание уделялось развитию социально-классовых и национальных отношений, их взаимосвязи. Об этом свидетельствует и тот факт, что названные отношения рассматривались в одном разделе Политического доклада ЦК КПСС «Совершенствование социально-классовых и национальных отношений».

Вопрос об органической связи развития национальных отношений с социально-классовой структурой общества, с господствующим способом производства впервые был поставлен основоположниками научного коммунизма.

Классы и нации существуют объективно и охватывают все общественные отношения. Взаимосвязь этих общностей проявляется в том, что в классовом обществе нация и народность всегда состоят из различных классов. Классовые и национальные отношения не могут рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку они всегда реально взаимосвязаны. Всякая национальная общность людей выступает как производное от экономической и классовой организации общества. Являясь важными структурными элементами общества, классовые и национальные отношения тесно переплетаются между собой. Однако они различаются по роли в системе взаимодействующих социальных явлений. Классы определяют социальное содержание общественной жизни, а нации — необходимая форма общественного развития.

На каждом этапе исторического развития в национальных отношениях отражались интересы определенных классов. Поэтому отношения между нациями во многом определяются отношениями классов и социальных групп страны в целом, в том числе и внутри данной нации.

История показала, что капитализм не в состоянии решить национальный вопрос. В новой редакции Программы КПСС отмечается, что в капиталистических странах «сохраняется позорная дискриминация национальных меньшинств. <...> На политическую арену все активнее выходит неонацизм. <...> Стремясь ослабить интернациональную солидарность трудящихся, империализм разжигает и провоцирует национальный эгоизм, шовинизм и расизм, презрение к правам и интересам других народов, их национальному культурно-историческому наследию... Используя экономическую и технологическую зависимость, неравноправное положение освободившихся стран в мировом капиталистическом

хозяйстве, империализм нещадно эксплуатирует их, взимая многомиллиардную дань, истощающую экономику этих государств» [3, с. 131, 135]. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» [1, т. 4, с. 445].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социалистического общества в нашей стране впервые обеспечили подлинное равноправие наций, взаимное доверие между ними. «Итоги пройденного пути убедительно свидетельствуют: национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен» [3, с. 156].

В условиях победившего социализма происходит дальнейшее сближение классов и социальных групп, наций и народностей нашей страны. Эти процессы тесно связаны между собой, но они не совпадают ни по времени, ни по характеру. Сближение наций — более многоплановый процесс, чем сближение классов, который предполагает преобразование не только социальных отношений, но и традиционных институтов, форм взаимодействия, уходящих корнями в национально-специфическое. Для сближения наций не может быть иного пути кроме преобразования социально-классовых отношений и достижения социального единства общества. Сущность социалистического сближения наций В. И. Ленин сформулировал следующим образом: «Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок» [2, т. 26, с. 39—40]. Поскольку национальные отношения являются «срезом» всех общественных отношений, сближение наций необходимо рассматривать в связи с процессом общесоциальной интеграции, который и раскрывает сущность новой формы человеческого общежития.

Образование новых исторических общностей людей свидетельствует о том, что общественный прогресс перерастает рамки отдельных наций и нуждается в более широких, интернациональных объединениях. «Образование советского народа обусловлено исторической необходимостью, выражающей имманентную социалистической системе общественную потребность в интегральных связях всех составляющих ее компонентов движения к коммунизму. При рассмотрении данного вопроса нужно принимать во внимание, во-первых, внутреннюю противоречивость и определенную историческую «узость» нации как формы общественного развития, и, во-вторых, последствия интернационализации общественной жизни» [4, с. 95—96].

Интернациональные основы социалистического национального развития включают в себя: создание и развитие единого народно-

хозяйственного комплекса; государственное единство политической жизни наций; формирование однотипной социально-классовой структуры социалистических наций; процессы интеграции национальных культур; утверждение марксистско-ленинского мировоззрения.

Новая историческая общность не ограничивает развитие наций и народностей, а, наоборот, ускоряет их дальнейший расцвет. Для этого она создает более широкие интернациональные основы, увеличивая не только потребности, но и возможности их удовлетворения путем интернационализации всех сфер общественной жизни. Национальное и интернациональное в каждой нации олицетворяет диалектику общего и особенного, части и целого. Национальные процессы являются частью общих, интернациональных процессов строительства нового общества.

Советский народ — это органическое единство и гармоническое сочетание общего и особенного, классового и национального в жизни социалистических наций. Он представляет собой единство социально-классовых и национальных факторов, результат изменения социально-классовой структуры общества и происходящих процессов в национальных отношениях.

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается: «Важная закономерность развития социальных отношений на современном этапе — сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, становление бесклассовой структуры общества при решающей роли в этом процессе рабочего класса» [3, с. 155]. Рабочий класс играет ведущую роль в достижении социального и национального единства, сближении социалистических наций. Занимая важное положение в социальной структуре нации, рабочий класс определяет ее социальное содержание, основные тенденции развития и движения нации, как и всего общества, к полной социальной однородности. Рабочий класс выступает главной социальной силой, формирующей экономические предпосылки сближения наций, поскольку создаваемые им материальные богатства способствуют развитию производительных сил, их интернационализации.

Углубляющаяся общность экономической жизни всех наций и народов СССР является предпосылкой и в то же время определяющим условием процесса сближения социалистических наций, развития социальных и национальных отношений в целом. XXVII съезд КПСС взял курс на дальнейшее углубление экономической общности народов нашей страны. В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. ставятся задачи совершенствования территориальной структуры общественного производства, обеспечения рационального сочетания экономического и социального развития каждой союзной республики и каждого экономического района, улучшения их взаимодействия в едином народнохозяйственном комплексе страны [3, с. 274, 276].

КПСС последовательно проводит в жизнь ленинскую национальную политику. В своих выступлениях на съезде делегаты от

разных республик отмечали, что идеи интернационализма обрели материальную силу, получили прочную экономическую базу и все ощутимее влияют на духовный мир трудящихся. В Грузии живут и трудятся представители более 80 наций и народностей: грузины, абхазы, осетины, русские, армяне, азербайджанцы, греки, евреи, курды и др. На шести языках ведется преподавание в школах и вузах, на семи языках издаются книги, журналы и газеты, транслируются теле- и радиопередачи. Здесь недавно открыт Абхазский университет [5, 1986, 27 февр.].

Отмечая выдающиеся достижения нашей страны в области национальных отношений, XXVII съезд КПСС указал и на серьезные недостатки: «...еще не изжиты и порой болезненно заявляют о себе стремление к национальной замкнутости, местничеству, иждивенческие настроения» [3, с. 53]. В Казахстане, например, с единицы основных производственных фондов «снимается» национального дохода на треть меньше, чем в среднем по народному хозяйству. В Туркмении производительность общественного труда за 15 лет вообще не выросла [3, с. 38]. Не все республики принимают активное участие в экономическом освоении новых районов, в подготовке квалифицированных кадров рабочих из лиц коренной национальности.

Критика имеющихся недостатков прозвучала и в выступлениях делегатов съезда. Было отмечено, что созданный в Узбекистане с помощью всех народов СССР, и прежде всего великого русского народа, огромный производственный и научно-технический потенциал используется пока малоэффективно [5, 1986, 28 февр.]. Задания пятилетки по темпам роста объемов производства не выполнила Туркмения. Здесь слабо внедряются в народное хозяйство достижения научно-технического прогресса, много нереализованных возможностей во всех отраслях экономики [5, 1986, 2 марта].

В новой редакции Программы КПСС среди основных задач по совершенствованию национальных отношений поставлена задача «развивать межреспубликанский обмен кадрами рабочих и специалистов» [3, с. 157].

Сотрудничество между народами нашей страны в этой области имеет давние традиции. Прежде всего речь идет о помощи ранее отсталым народам. Например, на развитие Дагестана огромное влияние оказали учителя, врачи, партийные и советские работники, кадровые рабочие, прибывшие из многих областей РСФСР и других республик. Они сыграли неоценимую роль в становлении экономики, формировании кадров, интернациональном воспитании трудящихся [5, 1986, 5 марта]. В свою очередь в промышленных и научных центрах РСФСР, Украины готовились национальные кадры для союзных республик.

На современном этапе развития советского общества особую остроту приобретает использование излишков трудовых ресурсов республик Средней Азии, Закавказья в районах, имеющих общесоюзное значение. В двенадцатой пятилетке значительно расширится участие трудящихся Узбекистана в преобразовании Нечер-

ноземья, освоении Сибири и Дальнего Востока. Число посланцев республики превысит 30 тыс. чел., а объем выполненных работ составит 450 млн. р. [5, 1986, 28 февр.]. Большой отряд рабочих и специалистов из Туркмении трудится на сооружении объектов Байкало-Амурской магистрали, в Нечерноземье, на строительстве объектов соцкультбыта и жилья для нефтяников Тюменской области. В Амурской области за счет свободных трудовых ресурсов республики намечено создать на селе хозяйства. Свыше 600 семей из Туркменистана уже поселились на дальневосточной земле [5, 1986, 2 марта].

Большое значение для развития межнационального общения, укрепления дружбы между народами нашей страны имеет русский язык. «...Овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры» [3, с. 157]. Однако в изучении русского языка в национальных республиках, как отмечалось на съезде, имеется ряд серьезных проблем: нехватка учителей, слабая методика преподавания русского языка в национальных школах и др. Раньше существовала хорошая традиция — направлять на преподавательскую работу в национальные республики выпускников вузов Российской Федерации. Делегаты съезда поднимали вопрос о возрождении такой традиции [5, 1986, 2 марта].

На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что укреплению единства советского народа способствует «принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились» [3, с. 54]. Эта борьба особенно важна в условиях резко обострившегося идеологического противоборства двух мировых систем.

Частнособственнические тенденции, всякое идеологическое ослабление, низкий динамизм социальной жизни создают условия для существования предрассудков и вредных обычаев. В идеологической борьбе против народов Средней Азии, Кавказа классовые враги стараются использовать так называемый «исламский фактор» [5, 1986, 28 февр.] Соединенные Штаты до сих пор не признают республики Советской Прибалтики. Американские ученые заявляют о закате культуры этих народов, потере ее самобытности, муслируя пресловутый тезис о «русификации» [5, 1986, 28 февр.]. В этой обстановке во главу всей нашей идеологической, контрпропагандистской работы необходимо ставить воспитание политической бдительности трудящихся, и прежде всего молодежи, защиту ценностей социализма.

Большое внимание съезд уделил развитию социальной сферы, которая «охватывает интересы классов и социальных групп, наций и народностей...» [3, с. 44.] С партийных, классовых позиций были проанализированы состояние национальных отношений, перспективы их развития, вскрыты имеющиеся в этой области недостатки,

подчеркнута ответственность каждого члена партии за укрепление дружбы между нашими народами. В Политическом докладе Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Мы, коммунисты, должны неуклонно следовать мудрым ленинским заветам, творчески применять их в новых условиях, быть предельно внимательными, принципиальными в национальных отношениях во имя дальнейшего упрочения братской дружбы всех народов Союза Советских Социалистических Республик!» [3, с. 54].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. 5. Правда.

Поступила в редколлегию 04.03.86

А. Л. АВКСЕНТЬЕВ, А. А. ФИСУН

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРИЗВАНИИ СОЦИАЛИЗМА

Осуществление стратегического курса КПСС на ускорение социально-экономического развития страны и достижение на этой основе качественно нового состояния советского общества неотделимы от дальнейшего теоретического осмысления сущности социализма и задач, стоящих на пути его всестороннего совершенствования.

Социализм не может быть понят сам по себе, вне его, говоря ленинскими словами, «общего значения», «места во всемирном историческом развитии» [2, т. 38, с. 41]. В этом смысле особую методологическую ценность приобретает изложенная в новой редакции Программы КПСС формулировка исторического призвания социализма — «поставить на службу коммунистическому строительству достижения передовой науки, самую совершенную и могучую технику, возрастающую силу творческого коллективного труда» [3, с. 141].

Существенное значение для осмысления исторического призвания социализма и с этой точки зрения — коммунистической перспективы развития человечества имеет разработанная К. Марксом общая трехчленная периодизация общественного процесса, на актуальность которой применительно к теории социализма уже указывалось в литературе [см., например: 6]. Данная периодизация дает возможность понять не только диалектику поступательной смены формаций, но и всемирно-исторический процесс формационного развития человечества в целом как становление «царства свободы», а значит, и как человеческую «предысторию». К важнейшим аспектам такого членения относятся следующие.

Во-первых, перерастание преимущественно естественных производительных сил с половозрастным разделением труда в общественные, основанные на общественном разделении труда, а затем — во всеобщие производительные силы. Последние характеризуются тем, что индивид, включаясь в общечеловеческую кооперацию творческой деятельности, выходит из непосредственного процесса производства и «становится рядом с ним» [1, т. 46, ч. II, с. 213].

Во-вторых, превращение синкретичного материального производства, в котором вся жизнедеятельность человека обеспечивала материально-вещественные результаты и развитие его способностей, в одностороннее материальное производство, ориентированное прежде всего на производство и присвоение средств к жизни, вещей и антагонистичное по своей сути: «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [1, т. 3, с. 31]. Наконец, превращение одностороннего материального производства в органический синтез материального и духовного производства (т. е. во всестороннее материально-духовное производство, основной целью которого является всестороннее развитие личности), «делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» [1, т. 46, ч. I, с. 476].

В-третьих, движение от натуральной формы общественной связи к товарной, а от нее — к непосредственно общественной.

Третья, завершающая ступень указанных переходов соответствует собственно коммунизму, отношения которого не возникают сразу в развитом виде, поскольку они не зреют в недрах предыстории человечества в виде особого уклада. Победа пролетарской революции и решение задач переходного периода от капитализма к социализму знаменовали становление основ общекommунистических отношений социализма, существующих в силу своей незрелости в диалектически противоречивом единстве с глубоко преобразованными, но еще носящими печать своего предысторического прошлого и в этом смысле «остаточными» отношениями. Ведущая роль в системе отношений социализма, исходя из его формационной определенности, принадлежит общекommунистическим, непосредственно общественным отношениям. Анализ степени их зрелости позволяет определить место унаследованных отношений в этой системе, пути их преодоления, отразить фазную специфику социализма. Только с таких позиций можно раскрыть теоретическое значение ленинской абстракции «коммунизма вообще» [2, т. 43, с. 219] — абстракции формационного уровня, фиксирующей общекommунистическую сущность, и методологически важное положение о том, что «социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации» [3, с. 138].

Повышение степени зрелости общекommунистических отношений и диалектическое отрицание на данной основе «остаточных» отношений составляют сущность становления собственно коммунизма.

«Образно говоря, «сквозь призму» абстракции «коммунизма вообще» важнейшие аспекты исторического призвания социализма заключаются в следующем.

Прежде всего в развитии непосредственно общественного производства в высшую форму — коммунистическое всеобщее непосредственно общественное производство, что предполагает превращение одностороннего материального производства во всестороннее материально-духовное. В конечном итоге решается задача обеспечения материального существования человека средствами к жизни, вещами. Создание материальной основы всестороннего материально-духовного производства ведет к постоянному сокращению человеческой жизнедеятельности, связанной с производством средств к жизни, уменьшению доли труда, «при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» [1, т. 46, ч. I, с. 280]. Это возможно лишь на основе ускорения научно-технического прогресса и превращения науки в непосредственную производительную силу, в результате чего деятельность людей «выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности» [1, т. 46, ч. I, с. 281], как всеобщий творческий, научно-поисковый труд, являющийся жизненной потребностью человека.

Другой аспект исторического призвания социализма — осуществление перехода от предистории человечества к его подлинной истории, скачок из «царства необходимости» в «царство свободы», которое «начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1, т. 25, ч. II, с. 386—387]. Социализм призван завершить процесс создания материального основания, на котором, по словам Маркса, «как на своем базисе» вырастает «истинное царство свободы» [1, т. 25, ч. II, с. 387].

Историческое призвание социализма заключается также в диалектическом отрицании товарной формы экономической связи и развитии непосредственно общественных отношений в высшую, собственно коммунистическую форму — прямую. Непосредственно общественная связь, конституирующая сущностное единство двух фаз коммунизма, с момента возникновения представляет собой альтернативу, прямую противоположность товарной связи. Поскольку социализм — это становление непосредственно общественного производства, то непосредственно общественная связь не может с самого начала принять зрелую, адекватную себе форму и выступать в тождественном виде и при социализме, и при коммунизме. Социализм призван развить эту связь до такой формы, преодолевая тем самым собственную фазную ограниченность и исчерпывая формационную линию всемирно-исторического развития человечества.

Думается, что с точки зрения исторического призвания социализма, его места во всемирном историческом процессе можно понять и фундаментальный источник развития социализма — его

основное противоречие, являющееся объектом научных дискуссий (одна из них ведется на страницах журнала «Вопросы экономики» [см.: 5]).

Как категория «сущность» выражает внутреннюю причину существования предмета, так и понятие основного противоречия социализма вскрывает глубинную сущность, внутренний источник развития социализма — первой фазы коммунизма, определяя целостность, качественную определенность социализма и направление развития, самодвижения этой целостности. Основное противоречие характеризует социализм как исторически необходимую, но преходящую фазу коммунизма и выражает особенности диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений, конкретизация которого «улавливает» специфику низшей фазы коммунизма.

С точки зрения исторического призвания социализма и общей логики трехленной периодизации всемирно-исторического процесса основное противоречие социализма должно отразить специфику взаимодействия непосредственно общественного характера производства с непосредственно общественным характером присвоения, происходящего в условиях низшей фазы коммунизма отнюдь не прямолинейным образом. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «практика показала несостоятельность представлений, согласно которым в социалистических условиях соответствие производственных отношений характеру производительных сил обеспечивается как бы автоматически» [3, с. 38]. Отношения присвоения в условиях социализма складываются преимущественно не по поводу самой деятельности человека и его личностных способностей, раскрываемых и развиваемых в ней, а по поводу результатов данной деятельности, предметно-вещных материальных благ. На высшей фазе коммунизма, где непосредственно общественные отношения предстают в своей зрелой, адекватной себе и в этом смысле «прозрачной» форме, отсутствует обособление отношений между людьми по поводу результата производства, качественно отличного от человеческой деятельности. На низшей фазе коммунизма указанные отношения выступают в иной, неадекватной своей непосредственно общественной сущности форме, наталкиваясь на объективную невозможность осуществления в полной мере. Так как на первой фазе «коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым...» [2, т. 33, с. 98] и коммунистическая непосредственно общественная сущность носит неразвитый характер, то и непосредственно общественные отношения (прежде всего по поводу присвоения результатов деятельности) не выступают в высшей, коммунистической форме. Следовательно, основное противоречие социализма должно выразить усиливающийся непосредственно общественный характер производства и незрелую, незавершенную непосредственно общественную форму присвоения материальных благ.

Представляется, что в качестве основного противоречия социа-

лизма может быть выделено противоречие между растущим всеобщим характером непосредственно общественного производства и возмездной формой непосредственно общественных связей, складывающихся в сфере присвоения результатов деятельности. Возмездная форма связей, обоснование которой впервые дал К. Маркс в «Капитале», а затем в «Критике Готской программы», по сути представляет собой конкретизацию процесса диалектического снятия товарной формы непосредственно общественной связи применительно к первой фазе коммунизма. С одной стороны, возмездная форма связи непосредственно общественной как отрицание, устранение, сбрасывание товарной, основанной на меновой стоимости связи уже не есть товарная связь (граница последней — превращение рабочей силы в товар и обратно). С другой стороны, для нее характерно сохранение, «удержание», развитие того же принципа, «что и при обмене товарами эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой» [1, т. 19, с. 18—19]. Диалектически противоречивое единство неразвитых общекommунистических непосредственно общественных отношений с «остаточным» принципом эквивалентности обмена предстает в специфически-социалистической, возмездной форме непосредственно общественных связей. Эта форма, как и непосредственно общественное производство, не является неизменной и по мере подведения соответствующего материального основания развивается в прямую, безвозмездную форму непосредственно общественных связей, присущую высшей фазе коммунизма.

Логически можно выделить две основные ступени развития возмездной формы, являющиеся последовательными ступенями диалектического отрицания товарной связи: стоимостная и нестоимостная (непосредственно трудовая) возмездность. Каждая из них детерминирована определенным уровнем социалистического обобществления труда и производства. Перспективы перерастания возмездной формы непосредственно общественных связей в безвозмездную, прямую состоят в следующем. По мере развития материальных возможностей общества возмездная форма развивается в пропорциональную (неэквивалентную) возмездность. Кроме того, с ростом общественной производительности труда вносимый трудовой вклад работника или коллектива становится неизмеримо больше того, что они могут потенциально взять у общества в виде жизненных благ. Возмездность отношений присвоения материальных результатов труда исчерпывает себя; развитое непосредственно общественное присвоение «не нуждается» более в дополнении собственной противоположностью — «остаточным» отношением эквивалентности обмена; непосредственно общественная связь выступает в адекватной себе форме — прямой, собственно коммунистической.

Основное противоречие, будучи «стержнем» системы противоречий социализма, так или иначе присутствует в качестве внутреннего момента всех общественных отношений, имманентных первой фазе коммунизма. Научное познание присущих социализму диа-

лектических противоречий, их целенаправленное, сознательное разрешение — залог поступательного развития социализма в зрелый коммунизм. Этапы собственно первой фазы коммунизма связаны с достижением (в рамках специфической определенности социализма) новой качественной «степени зрелости имманентных социализму общекommunistических начал, равно как и фактической меры способности производительных сил эти начала реализовать» [4, с. 29]. На основе приведенного положения выделяются и ступени этапов социализма. Очевидно, речь идет о различных уровнях периодизации: ступени развитого социализма, этапы социализма, а тем более фазы формации неоднородны.

Этап развитого социализма, в начале которого находится в настоящее время советское общество, характеризуется новым уровнем целостности, единства всех составляющих системы отношений; в то же время достигается и новый уровень целостности противоречивого процесса становления собственно коммунизма. Социально-экономическая политика партии и государства не может оставаться пассивной по отношению к данному процессу. Реализация концепции социально-экономического ускорения предполагает осуществление коренных преобразований в экономической, социальной, политической и духовной сферах общественной жизни, ведущих к достижению качественно нового состояния советского общества. Его историческое место, согласно характеристике, содержащейся в новой редакции Программы КПСС, соответствует этапу развитого социализма, но не начальной его ступени, а высшей, и вместе с тем высшей ступени социализма вообще. В движении к этому качественному состоянию общества «будет сделан исторический шаг вперед на пути к высшей фазе коммунизма» [3, с. 141], на пути осуществления исторического призвания социализма.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Куликов В. Общекommunistические начала социализма и экономическая стратегия партии // Коммунист. 1985. № 18. 5. Куликов В. Противоречия экономической системы социализма как источник ее развития // Вopr. экономики. 1986. № 1. 6. Мазур В. К непосредственно-общественному производству — сущность скачка и этапы становления // Коммунист. 1984. № 15.

Поступила в редколлегию 03.03.86

Л. С. РУБАН

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА В УСКОРЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА

Экономическая политика КПСС нацелена на неуклонное повышение материального и культурного благосостояния советского народа, создание условий для высокопроизводительного труда, всестороннего развития личности, совершенствования социалистиче-

ского образа жизни. Реализация этих установок партии зависит прежде всего от решения продовольственной проблемы, которая имеет политический, экономический и социальный аспекты.

Выполнение Продовольственной программы СССР, указывалось в выступлении М. С. Горбачева на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, — задача неотложная, требующая особого внимания [3, с. 13]. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось: «В аграрном секторе нужен решительный перелом, чтобы уже в двенадцатой пятилетке заметно улучшить продовольственное снабжение» [2, с. 30].

Наряду с удовлетворением потребностей страны в сельскохозяйственной продукции Продовольственная программа предусматривает социальное переустройство села на основе превращения аграрного труда в разнородность индустриального.

Социальное переустройство села является предпосылкой и условием стирания существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, создания бесклассовой структуры общества, которое должно произойти уже в пределах первой фазы коммунистической формации. Преодоление классовых различий, формирование социально однородного общества происходит путем сближения рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции при решающей роли в этом процессе рабочего класса [2, с. 155]. «Благодаря своему положению в системе социалистического производства, политическому опыту, высокой сознательности и организованности, трудовой и политической активности рабочий класс сплачивает наше общество, играет ведущую роль в совершенствовании социализма, коммунистическом строительстве», — отмечал М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии [2, с. 50].

В данной статье исследуются объективные факторы повышения роли рабочего класса в ускорении социально-экономического развития села, стирании межклассовых и внутриклассовых различий в обществе. К числу таких факторов в первую очередь, на наш взгляд, относятся: техническое перевооружение сельского хозяйства; обобществление сельскохозяйственного производства, создание межхозяйственных предприятий; усиление агропромышленной интеграции.

В. И. Ленин говорил на I Всероссийском съезде земельных отделов: «...чудеса техники должны пойти в первую голову на преобразование самого общенародного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого» [1, т. 37, с. 358]. Руководствуясь этими указаниями, КПСС проводит планомерную работу по наращиванию технического потенциала села путем переоснащения всех отраслей сельскохозяйственного производства более совершенными и производительными машинами. Огромную роль в техническом перевооружении сельского хозяйства играют агропромышленные комплексы.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии выдвинута концепция совершенствования хозяйственного механизма агропромышленного комплекса, намечена система крупных социаль-

но-экономических мер, осуществление которых придаст ускорение развитию сельского хозяйства. «В двенадцатой пятилетке, — отмечалось на XXVII съезде КПСС, — более тесным и согласованным станет взаимодействие отраслей, входящих в агропромышленный комплекс, что будет способствовать достижению высоких конечных результатов его работы» [2, с. 247].

Агропромышленный комплекс представляет собой совокупность отраслей, обеспечивающих материально-техническое снабжение сельского хозяйства и его производственно-техническое обслуживание, производство сельскохозяйственной продукции, ее переработку, хранение и сбыт на современной индустриальной основе. Следовательно, он включает в себя несколько сфер, которые расположены и в городе, и в селе. Этим объясняется сложность социально-классовой структуры агропромышленного комплекса. Каждая из сфер функционирует благодаря ведущей роли рабочего класса, как промышленного, так и аграрного.

Отрасли, обеспечивающие материально-техническую базу села, и часть отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, находятся в основном в городе. Перед рабочими промышленных предприятий стоит задача осуществить в широких масштабах техническую перестройку производства, что позволит более полно удовлетворять потребности сельского хозяйства в необходимой высокоэффективной технике. Для этого необходимо в первую очередь ускорить развитие машиностроения для сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей, от которого зависит успех научно-технического прогресса на селе, повышение темпов роста и производительности труда в сельскохозяйственном производстве. Технический прогресс, писал В. И. Ленин, «дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество сельскохозяйственных продуктов на увеличивающуюся массу населения» [1, т. 5, с. 106].

В условиях реализации Продовольственной программы СССР значительно увеличились поставки сельскому хозяйству техники и оборудования. Однако, как указывалось на XXVII съезде КПСС, Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения срывает поставку машин для подготовки и внесения в почву удобрений и применения химических средств защиты растений, еще не освоило выпуск около 250, и Минживмаш — 80 типов машин, крайне необходимых колхозам и совхозам. В выступлениях делегатов отмечалось, что до сих пор остается острым вопрос повышения технического уровня и надежности сельскохозяйственных машин. Трудоемкость технического обслуживания отдельных марок тракторов в 2—3 раза выше зарубежных образцов. Повышение надежности всех видов сельскохозяйственной техники только до нормативных сроков снизило бы затраты хозяйств примерно на 2 млрд. р. в год, высвободило около 300 тыс. рабочих [8, 1986, 3 марта].

XXVII съезд КПСС поставил задачу коренным образом изменить отношение к выполнению заказов села. В Политическом докладе подчеркивалось, что «партия и государство будут и впредь последовательно развивать материально-техническую базу агропромышленного комплекса. Но столь же ясно и то, что главным двигателем прогресса, его душой был, есть и останется человек» [2, с. 31].

Таким образом, развитие технического прогресса на селе тесно связано с повышением роли рабочего класса в развитии сельского хозяйства, с ростом числа рабочих, труд которых косвенно применяется в полеводстве и животноводстве.

Рабочий класс оказывает непосредственную помощь в переводе сельского хозяйства на индустриальную основу, в осуществлении комплексной механизации земледелия и животноводства, в обеспечении села техникой и оборудованием, внося тем самым основной вклад в укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Об этом свидетельствует тот факт, что около 80 % основных фондов сельского хозяйства создаются в различных отраслях промышленности [4, с. 80]. Рабочие возводят предприятия для отраслей промышленности, обслуживающих сельскохозяйственное производство, снабжают село минеральными удобрениями, запасными частями к сельскохозяйственным машинам и механизмам, делятся опытом с сельскими тружениками по рациональному использованию техники и внедрению новой технологии. Применение в животноводстве и овцеводстве индустриальных технологий объективно способствует возрастанию роли промышленного отряда рабочего класса.

Важное место в социально-экономическом развитии села занимает шефская помощь рабочих коллективов промышленных предприятий, транспорта,строек совхозам и колхозам. Оказывая помощь селу, рабочий класс руководствуется указаниями В. И. Ленина о том, что необходимо «установить общение между рабочими города и работниками деревни, установить между ними ту форму товарищества, которая между ними может быть легко создана...» [1, т. 45, с. 367]. Шефство рабочих над селом, считал он, должно проявляться в практической помощи, а его эффективность может быть усилена «внесением сознания, планомерности и систематичности в этой работе» [1, т. 45, с. 368].

В настоящее время шефская помощь селу осуществляется в разнообразных формах, например, таких, как проектирование и строительство жилья, объектов социально-культурного и бытового назначения; систематическое участие рабочих промышленных предприятий в сельскохозяйственных работах, особенно в период уборки урожая, заготовки кормов для нужд животноводства, организации зимовки скота. Только в Харьковской области за годы двенадцатой пятилетки с участием шефов построено 6 семяперерабатывающих заводов, 80 хранилищ для травяной муки, оборудовано 120 ремонтных мастерских и 153 кормоцеха, создано 24 агрохимкомплекса. Создание последних позволило перейти на центра-

лизированное агрохимическое обслуживание колхозов и совхозов области, в результате чего, отмечал на XXVII съезде КПСС первый секретарь Харьковского обкома партии В. П. Мысниченко, вдвое сокращены потери удобрений при транспортировке и хранении, на 25 % повышена их эффективность, в три раза увеличено применение жидких удобрений, заложена прочная основа для научного программирования урожая [8, 1986, 3 марта].

В шефстве города над селом как форме социального движения отражаются характерные аспекты ведущей роли рабочего класса в индустриализации труда сельских тружеников, их быта и облика. Вместе с тем в реализации Продовольственной программы данная форма общественного труда используется еще недостаточно. В выступлениях делегатов указывалось, что значительная часть ресурсов выделяется селу за счет экономии. Однако этих ресурсов не хватает, чтобы решить крупные экономические и социальные проблемы. Приводился такой пример. В Удмуртии 12 районных центров из 25 не связаны со столицей республики дорогами с усовершенствованным покрытием. Это влияет на развитие агрокомплекса, закрепление кадров в деревне, хотя промышленность, строительные организации в состоянии сделать намного больше. Надо только, чтобы лозунг «Развитие агропромышленного комплекса — наше общее дело» стал обязательным и для рабочего, и для директора, и для министра [8, 1986, 1 марта].

Шефство как действенная форма общественного труда по осуществлению товарищеской помощи города селу должна основываться на принципах добровольности и инициативы трудящихся. В современных условиях необходимо развивать многосторонний, планомерный и систематический характер шефской помощи.

Под непосредственным влиянием рабочего класса сельское хозяйство становится производством индустриального типа. Усиливается процесс специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, создаются новые формы организации общественного производства в деревне, идет интенсивный рост и совершенствование межколхозных, межсовхозных и колхозно-совхозных предприятий и объединений, агропромышленных комплексов. В них широко применяются наиболее эффективные формы соединения промышленного и сельскохозяйственного труда, что ведет к изменению профессионального состава работников аграрного сектора экономики. Растет квалификация сельских тружеников, повышается их культурно-технический уровень, увеличивается количество работников, связанных с машинными системами. В настоящее время в сельском хозяйстве и сфере обслуживания трудятся работники свыше 160 специальностей, половина которых — индустриального профиля [6, с. 71—72].

Однако сокращение ручного труда в сельском хозяйстве остается по-прежнему одной из неотложных задач, так как до 350 производственных операций в этой отрасли выполняется вручную. Поэтому предпринимаются меры по увеличению производства и поставок колхозам и совхозам машинных комплексов, позволяющих

совершенствовать механизацию сельскохозяйственного производства. Так, с целью получения высоких конечных результатов сельскохозяйственного производства в соответствии с Продовольственной программой и Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. предусмотрено повысить в 1,5—1,8 раза производительность систем машин для механизации сельскохозяйственных работ, увеличить в 3 раза выпуск набора орудий к энергонасыщенным тракторам, а также поставить сельскому хозяйству в двенадцатой пятилетке 1900 тыс. тракторов, 1600 тыс. грузовых автомобилей, 1700 тыс. тракторных прицепов, сельскохозяйственных машин и оборудования на сумму не менее 43 млрд. р., в том числе на 17 млрд. р. — для животноводства и кормопроизводства [2, с. 290, 299—300].

Процесс превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального влияет на сближение труда рабочего и крестьянина по уровню обобществления и общественному значению. Под воздействием слияния двух форм общественной собственности на средства производства труд работников села наполняется новым содержанием, отвечающим требованиям индустриальной технологии производства. В свою очередь данный процесс оказывает влияние на совершенствование социально-классовой структуры советского общества в направлении к социалистическому бесклассовому обществу.

Решающая роль в становлении бесклассовой структуры общества принадлежит реальному обобществлению труда и производства в агропромышленном комплексе. Сегодня насчитывается свыше 10 тыс. межхозяйственных предприятий и организаций различного типа (районные и областные агропромышленные объединения, агропромышленные комбинаты и др.), в которых государственные предприятия и колхозы участвуют на равных правах, что ведет к сближению двух основных форм собственности [5, с. 35—36].

Сближению государственной и колхозно-кооперативной собственности способствует также переход к однотипным формам оплаты труда в колхозах и совхозах. Все большее распространение получает на селе коллективный подряд — наиболее совершенная форма внутрихозяйственных экономических отношений, основанная на материальной заинтересованности работников в конечных результатах труда. Госагропром СССР выдвинул задачу перевести в ближайшие два года в основном все колхозы и совхозы на полный хозрасчет, который должен стать главным звеном противозатратного механизма [8, 1986, 3 марта]. «Подлинный хозрасчет, зависимость доходов предприятий от конечных результатов должны стать нормой для всех звеньев агропромышленного комплекса, и прежде всего колхозов и совхозов», — подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии [2, с. 32].

В объединениях агропромышленного комплекса, созданных на средства колхозов и государства, усиливается воздействие общенародной собственности на кооперативную. По характеру отношений собственности эти объединения не являются кооперативными. В них

сочетаются элементы двух форм собственности, что свидетельствует об изменениях в структурной организации аграрного отряда рабочего класса, в состав которого входят не только рабочие совхозов, но и работники межхозяйственных предприятий (в том числе и межколхозных) и научно-производственных объединений. Усложнение структуры аграрного отряда рабочего класса — один из важнейших факторов усиления влияния рабочего класса в социально-экономическом развитии села.

Возрастание роли рабочего класса в развитии сельского хозяйства связано с увеличением количества совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. В результате успешного претворения в жизнь ленинских указаний о колоссальном значении крупных государственных сельскохозяйственных предприятий последовательно социалистического типа в становлении и дальнейшем движении сельского хозяйства по пути к коммунизму [1, т. 38, с. 27—30; т. 53, с. 224] за годы последних пятилеток в совхозном строительстве произошли глубокие количественные и качественные изменения. Укрепилась материально-техническая база совхозов, улучшились их производственные показатели. Быстрыми темпами развиваются производительные силы совхозов. По подсчетам П. К. Ферцева, в 1960—1980 гг. основные производственные фонды совхозов выросли с 14,6 до 128,2 млрд. р., или в 8,8 раза; фондовооруженность на одного работника — в 4,6 раза; фондообеспеченность на 100 га посевной площади — в 5,7 раза; энерговооруженность на одного работника — в 3,7 раза; энергообеспеченность на 100 га посевной площади — в 3,7 раза [7, с. 94].

Качественные изменения в совхозном строительстве свидетельствуют о наличии тенденции постоянного повышения роли совхозов в социально-экономических процессах современного села. Совхозы как наиболее прогрессивная форма ведения сельского хозяйства успешно справились с задачей переустройства деревни на социалистический лад. Благодаря крупным размерам производства, более высокой степени механизации, наличию высококвалифицированных специалистов многие совхозы являются образцом высокой культуры земледелия и животноводства, широкого использования науки и передовой практики интенсивного ведения хозяйства.

На базе совхозов создана сеть многочисленных научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству. Они становятся ядром организуемых в сельском хозяйстве научно-производственных объединений. В совхозах апробированы и действуют новые прогрессивные формы и методы ведения социалистического сельского хозяйства. Эти формы активно внедряются в колхозах, что свидетельствует о преодолении социальных различий между колхозным крестьянством и аграрным отрядом рабочего класса. Но преодоление социальных различий нельзя рассматривать как односторонний процесс приближения колхозников по своему статусу к работникам совхозов. М. Н. Руткевич отмечал, что «этот процесс двусторонний, имеющий своим содержанием возрастание роли масс в управлении» [5, с. 37]. Демократические формы колхозного

управления находят выражение во всем агропромышленном комплексе страны, который согласно решениям майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС выделен в качестве самостоятельного объекта планирования и управления. XXVII съезд КПСС поставил задачу «значительно расширить самостоятельность колхозов и совхозов, поднять их заинтересованность, ответственность за конечные результаты. По сути, речь идет об использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям» [2, с. 31].

Создаваемый в стране единый агропромышленный комплекс позволит достигнуть большей по сравнению с предшествующим периодом интеграции классовых интересов рабочих и колхозного крестьянства, местных, ведомственных и общенародных интересов при ведущей роли последних. Важнейшим звеном аграрной политики КПСС и действенным фактором выполнения Продовольственной программы станет намеченное XXVII съездом партии улучшение управления агропромышленным комплексом, приведение системы управления в соответствие с современными требованиями. «Надо отрешиться от некомпетентного вмешательства в производственную деятельность на селе», — подчеркнул на съезде М. С. Горбачев [2, с. 32]. Создание в центре и на местах единых органов управления АПК будет способствовать не только ускорению развития сельского хозяйства, но и возрастанию руководящей роли рабочего класса в социальном преобразовании села. Перед Госагропромом СССР и его органами поставлена первоочередная задача — полное обеспечение страны продовольствием. С этой целью определены следующие меры: установление твердых по годам пятилетки планов государственных закупок продукции, создание системы экономически обоснованных цен, стимулирование сверхплановой продажи государству зерна за счет дополнительного выделения материальных ресурсов повышенного спроса и других мер поощрения.

Таким образом, аграрные рабочие вместе с промышленным отрядом рабочего класса выступают ведущей силой успешного развития агропромышленного комплекса. Возрастает их влияние не только на развитие экономики, но и на все стороны общественно-политической жизни и быта сельских тружеников. К важным факторам нарастания творческого потенциала советского рабочего класса относится подъем его производственной и общей культуры. Рост квалификации и уровня сознания рабочих создает объективные предпосылки для повышения их трудовой, социальной и политической активности.

Основными направлениями деятельности КПСС по обеспечению главной роли рабочего класса в осуществлении аграрной политики являются дальнейшая модернизация и реконструкция заводов, выпускающих сельскохозяйственные машины, ускорение научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, перевод экономики села на интенсивный путь развития, неуклонный рост благосостояния тружеников советской деревни, углубление интеграции совхозов и колхозов и связанных с ними предприятий пере-

рабатывающей промышленности, развитие демократических начал в управлении агропромышленными объединениями.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 2 апреля 1985 г. М., 1985. 4. Кисель В. П. Рабочий класс и переустройство быта современного села. Минск, 1982. 5. Руткевич М. О развитии советского общества к бесклассовой структуре // Коммунист. 1985. № 18. 6. Современный сельскохозяйственный труд и его проблемы: Передовая // Коммунист. 1985. № 14. 7. Ферцев П. К. Социальные проблемы преобразования села на этапе развитого социализма. Саратов, 1984. 8. Правда.

Поступила в редколлегию 10.03.86

М. М. ВОЛОШАН, канд. филос. наук, Б. Т. ЛЫЧКО, канд. филос. наук

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЛИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ И АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Одной из особенностей современного этапа совершенствования социалистической деревни, всего общества в целом является взаимосвязь ускорения социально-экономических преобразований с возрастающей ролью человеческого фактора, повышением трудовой и социально-политической активности трудящихся. «Партия и государство,— отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Политическом докладе XXVII съезду партии,— будут и впредь последовательно развивать материально-техническую базу агропромышленного комплекса. Но столь же ясно и то, что главным двигателем прогресса, его душой был, есть и останется человек. Сегодня сельскому хозяйству как никогда нужны люди, заинтересованные работать активно, с высоким профессиональным мастерством, с новаторской жилкой» [2, с. 31].

Всемерная интенсификация, индустриализация сельскохозяйственного производства на основе ускорения научно-технического прогресса, расширения масштабов межхозяйственной кооперации (МК) и агропромышленной интеграции (АИ) закономерно вызывают качественные изменения во всех сферах общественной жизни тружеников села и прежде всего в их социальном облике. Однако для перестройки мышления, выработки новой психологии, повышения трудовой и социально-политической активности сельскохозяйственной интеллигенции необходима более полная реализация идейно-нравственных, воспитательных потенций, заложенных в социалистической демократии, коллективистских отношениях. Как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, партия, развивая общественную инициативу масс, «придает принципиальное значение единству идейно-теоретической, политико-воспитательной,

организаторской и хозяйственной деятельности, бескомпромиссной борьбе с любым застоём и консерватизмом, творческому поиску эффективного решения возникающих проблем» [2, с. 184].

Рассматривая повышение общественно-политической активности, совершенствование социально-политического облика сельскохозяйственной интеллигенции в качестве одного из основных аспектов этой сложной комплексной работы, следует отметить, что детерминируемая производственными отношениями общественно-политическая деятельность трудящихся расширяет круг их интересов, укрепляет дисциплину, приобщает к решению задач, касающихся общества в целом. Без повышения сознательности, трудовой и общественно-политической активности специалистов и руководителей сельскохозяйственного производства невозможно в полной мере реализовать огромные преимущества и объективные возможности социалистического сельского хозяйства. Поскольку превращение возможности в действительность осуществляется через деятельность людей, то эта деятельность будет тем эффективнее, чем глубже идейная убежденность человека, его социально-политическая активность, политическая культура, общий политический настрой на дела. Значимость социально-политического облика сельскохозяйственной интеллигенции предопределяется и закономерностью возрастания ее социальной роли в выполнении функций по обслуживанию классов, в последовательной реализации интересов и идеалов рабочего класса.

Социально-политический облик, являясь важным структурным компонентом социального облика сельскохозяйственной интеллигенции, отражает ее способность быть субъектом общественно-политических отношений и объективируется в занимаемом ею общественном положении, в конкретных видах и формах социально-политической деятельности. Качественные показатели социально-политической активности, а тем более социально-политического облика интеллигенции села до сих пор мало изучены исследователями. Поэтому содержание ее социально-политического облика раскрывается через совокупность тех социальных перемен, которые получили апробацию в практике социологических исследований. Данные социальные качества и связи характеризуют участие сельскохозяйственной интеллигенции в социально-политической деятельности, отношение к этой деятельности, уровень социально-политической активности (мотивы, характер и интенсивность участия в массово-политических мероприятиях; общественной, пропагандистской и лекторской работе, в управлении делами государства и общества, осуществляемом на разных уровнях и в разных сферах, в повышении идейно-теоретического уровня и т. п.), а также степень осознания и реализации ею единства интересов личности и общества. Эти показатели, разумеется, не могут дать исчерпывающего представления об активной жизненной позиции, социально-политическом облике сельскохозяйственной интеллигенции, но они выступают в качестве косвенных критериев существенных изменений в ее облике.

Воздействие МК и АИ на изменения в социально-политическом облике специалистов наиболее полно проявляется в усилении воспитательной деятельности сельских трудовых коллективов, в качественных сдвигах в материальной обеспеченности работников сельскохозяйственного производства, в повышении их идейно-политической зрелости, в развитии мотивационной структуры участия сельскохозяйственной интеллигенции в массовых политических мероприятиях, в возрастании активности и результативности выполнения ею общественных поручений. МК и АИ являются необходимой предпосылкой роста профессионально-квалификационного и идейно-теоретического уровня специалистов и руководителей сельского хозяйства, их активизации в научно-теоретической и практической деятельности общественных организаций. Создавая новые производственную и внепроизводственную ситуации, МК и АИ требуют от работников сельскохозяйственного производства глубокого осмысления ими своего места в жизни коллектива и современного села, укрепления единства личных, коллективных и общенародных интересов. В этих условиях возрастает взаимосвязь между разнообразной деятельностью трудового коллектива и социально-политическим обликом сельскохозяйственной интеллигенции. Эффективность воздействия трудового коллектива на социально-политический облик специалистов сельского хозяйства определяется комплексным осуществлением его главных функций — организовывать производство, добиваться высоких производственных показателей, повышать социальную активность, сознательность и сплоченность своих членов, а также уровнем деятельности партийных и других общественных организаций, стилем руководства и сложившимся в коллективе микроклиматом, состоянием трудовой дисциплины и действенностью социалистического соревнования, т. е. всем тем, что мы называем социально-политической зрелостью трудового коллектива. Воздействие социально-политического облика сельскохозяйственной интеллигенции на творческий потенциал трудового коллектива сказывается прежде всего в том, что «расширение прав предприятий, внедрение хозрасчета и усиление социалистической предприимчивости приобретают реальное содержание только в том случае, если растет активность самого человека труда» [2, с. 59]. Причем возрастание социально-политической активности и совершенствование социально-политического облика специалистов в трудовом коллективе, составляя сущность развития социалистической демократии, являются не самоцелью, а необходимым средством формирования всесторонне развитой личности, решения социально-экономических задач. «Всякая демократия,— подчеркивал В. И. Ленин,— служит, в конечном счете, производству...» [1, т. 42, с. 276]. Оказывая влияние на экономику, демократизм всегда будет «подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории» [1, т. 33, с. 79].

В условиях МК и АИ значительно улучшается политико-воспитательная работа в трудовых коллективах, которые используют

комплексный подход к решению проблем формирования нового человека и дальнейшего совершенствования производственных отношений. В настоящее время общественно-политическая деятельность трудовых коллективов сосредоточивается в специальных центрах, оснащенных необходимыми техническими средствами, литературой, наглядной агитацией.

Повышению эффективности массово-политической работы в межхозяйственных предприятиях (МХП) и агропромышленных объединениях (АПО) должно способствовать и то обстоятельство, что происходящий на базе МК и АИ объективный процесс концентрации сельских жителей и более развитая инфраструктура населенных пунктов намного облегчают проведение агитационных пропагандистско-воспитательных мероприятий, охватывающих все категории трудящихся, прежде всего по месту жительства. МК и АИ способствуют созданию условий для рационального использования трудящимися своего рабочего и свободного времени, что ведет к преодолению таких отрицательных явлений, как бесхозяйственность, расточительность, хулиганство и др. Кроме того, в интегрированных хозяйственных формированиях в силу более высокого уровня организации трудового процесса и управления, чем в колхозах и совхозах, возрастает заинтересованность работников в получении конечной продукции, что побуждает их бережно относиться к технике, сырью, оборудованию. Квалифицированная, компетентная деятельность руководителей всех звеньев МХП и АПО, хорошо подготовленных и в социально-психологическом отношении, обуславливает формирование благоприятного микроклимата в трудовых коллективах. Здоровая атмосфера в коллективе в немалой степени гарантирует от возникновения антиобщественных явлений. Практика показывает, что в МХП и АПО ведется активная работа по борьбе с нарушениями норм коммунистической морали. Так, на вопрос «Как относятся в Вашем коллективе к тем, кто нарушает дисциплину?» 66,7 % специалистов и руководителей МХП ответили, что каждый случай нарушения трудовой дисциплины обсуждается в коллективе. Аналогичный ответ дали 61,1 % руководителей совхозов и 52,5 % — колхозов. Вместе с тем 3,1 % опрошенных указали, что в их коллективах не получили огласки факты нарушений трудовой дисциплины, 8,1 % — расточительного расходования горючего, 5,1 % — злоупотреблений спиртными напитками, 22,3 % — грубого отношения к товарищам. От 31,9 % до 43,4 % работников отметили, что в их трудовых коллективах названные негативные явления обсуждаются редко. Как видим, далеко не всегда эффективно используются общественное мнение, опыт, активность трудового коллектива. К этому следует добавить, что общественные организации, администрация отдельных хозяйств уделяют недостаточное внимание предложениям, критическим замечаниям, инициативе работников. Так, 45,4 % опрошенных указали, что им не известны результаты рассмотрения их предложений, предусматривающие устранение недостатков в работе. Анализ ответов на вопрос «Получают ли под-

держку Ваши предложения, инициативы по улучшению положения дел в Вашем коллективе?» показал, что индекс оценки работниками деятельности партийных организаций в этом направлении составил в колхозах 0,36, в совхозах — 0,5, в МХП — 0,61; профсоюзной организации — соответственно 0,03, 0,18 и 0,25; комсомольской организации — (—) 0,23, 0,13 и 0,06; администрации — 0,01, 0,19 и 0,18. Следовательно, инициативы трудящихся находят наибольшую поддержку в партийных организациях во всех хозяйствах, а также в профсоюзных организациях интегрированных предприятий. Однако и здесь еще имеются неиспользованные резервы для улучшения работы с трудящимися. Администрации, партийным и другим общественным организациям необходимо добиваться, чтобы каждое полезное предложение влекло за собой принятие конкретных мер, ибо такие предложения и критические замечания трудящихся — одно из проявлений их общественной активности.

Важной сферой приложения творческих сил сельскохозяйственной интеллигенции является ее участие в общественно-политических мероприятиях. В. И. Ленин считал, что трудящихся необходимо знакомить «со всеми сторонами политической жизни и активно участвовать во всяком и каждом политическом событии» [1, т. 6, с. 73]. Поэтому интеллигенция обязана давать массам больше политических знаний, а у них перенимать творческую активность [Там же, с. 74]. Из этого следует, что каждый специалист и руководитель сельскохозяйственного производства не только должен обладать определенной суммой знаний и опытом, но и быть политически активным, причастным ко всему тому, чем живет советский народ, глубоко понимать свой общественный долг. Анализ участия сельскохозяйственной интеллигенции в общественно-политических мероприятиях показывает, что наибольшую активность она проявляет в обсуждении партийных и государственных документов, в проведении субботников и воскресников (88—95,7 %), митингов в защиту мира, в сборе средств в фонд мира (52,7—62 %), в овладении военно-техническими специальностями (6—9,8 %), в организации походов по местам революционной, боевой и трудовой славы (3,1—6,9 %). При этом работники интегрированных предприятий наиболее активно участвуют в названных мероприятиях, что способствует осознанию ими взаимосвязи своих повседневных дел с перспективами общественного развития.

Существенной характеристикой социально-политического облика сельскохозяйственной интеллигенции является ее участие в общественно-политической работе. Охватывая практически все стороны жизни сельских тружеников, общественная работа сплачивает людей, укрепляет дисциплину, облегчает адаптацию в коллективе новых работников, предотвращает конфликтные ситуации. Общественная деятельность — удобная форма проверки деловых и личных качеств специалистов и руководителей всех звеньев. Чтобы получить четкое представление о социально-политическом облике сельскохозяйственной интеллигенции, следует проанализировать мотивы ее участия в общественно-политической деятельности.

Согласно данным социологических исследований, подавляющее большинство тружеников советской деревни считают, что общественно-политическая деятельность формирует личность, позволяет ей полнее проявлять свои гражданские и политические права, помогает решительнее бороться с недостатками, лучше выполнять производственные задания, обогащает новыми знаниями, развивает способности. В качестве главных мотивов, которыми руководствуются сельские труженики в выполнении общественных поручений, названы: стремление постоять за интересы коллектива (33,0 %), желание оправдать доверие коллектива (28,6 %), осознание важности порученного дела (15,7 %) [3, с. 72]. Проводив-

Таблица

Ответ	Работники		
	колхозов	совхозов	МХП
«Коллективизм»	57,5	54,5	62
«Навыки руководства людьми»	19,7	24,9	30,4
«Дает моральное удовлетворение»	15,2	14,4	10,9
«Повышает духовные запросы»	9,7	14,4	27,2

шийся нами опрос специалистов и руководителей сельскохозяйственного производства подтвердил эти данные. В таблице приведены (в %) ответы работников ряда колхозов, совхозов и МХП на вопрос «Какие черты развивает в человеке общественная работа?»

На наш взгляд, позитивные установки по отношению к общественной работе возрастают с изменением характера и содержания производственной деятельности. Кроме того, возможностей для их реализации в интегрированных предприятиях больше, так как общественная работа здесь в большей степени ориентирована на конечный результат. Что касается мотивов участия специалистов данных хозяйств в общественной работе, то у них имеются и позитивные, и негативные ориентации, причем последние связаны прежде всего с недостатками в организации идейно-воспитательных мероприятий. Основными мотивами участия в общественной работе опрошенные нами указали следующие: стремление сблизиться с коллективом, сделать полезное для коллектива дело (22,4—29,7 %); интерес к широкому кругу деятельности (20,5—27,6 %); интерес именно к доверенному делу (12,7—15,5 %) и др.

Наиболее полно социально-политическая активность сельскохозяйственной интеллигенции проявляется в выполнении общественных поручений. Интенсивность выполнения этих поручений зависит от степени воздействия на них МК и АИ, выражающегося в характере и содержании труда, типе предприятия, уровне образования и квалификации работников. Так, 96 % специалистов МХП с высшим образованием и 73,3 % — со средним специальным образованием имеют постоянные общественные поручения, в то время как в колхозах — соответственно 85,7 и 55,3 %, в совхозах — 75,6 и 46,7 %. Такая деятельность специалистов и руководителей сельскохозяйственного производства, как организация и проведе-

ние выборной кампании, работа местных выборных органов, выполнение постоянных партийных, комсомольских и профсоюзных поручений, непосредственно способствует совершенствованию общественных отношений, формированию у них лучших черт социально-политического облика рабочего класса и колхозного крестьянства.

Однако в общественно-политической деятельности сельскохозяйственной интеллигенции имеются и определенные недостатки. Специалисты и руководители всех рангов далеко не в полной мере оказывают помощь трудящимся в выполнении общественных поручений. В качестве факторов, мешающих заниматься общественной работой, опрошенные нами респонденты назвали: отсутствие поддержки в коллективе при выполнении тех или иных поручений (23,6—34,2 %), загруженность работой в личном подсобном хозяйстве (11,1—26,8 %), плохо налаженная учеба актива, а также неудовлетворительная организация общественной работы в коллективе (15,2—21,8 %), недостаточная информация о деятельности общественных организаций (5,1—11,3 %) и др. При распределении общественных поручений иногда не принимаются во внимание индивидуальные способности работников. Социологическое исследование показало, что 85 % активистов стараются выполнять поручения как можно лучше, но каждый четвертый делает это зачастую без желания и интереса, а часть работников вообще не привлекается к выполнению общественных поручений. Многие руководители не всегда используют имеющиеся возможности по привлечению специалистов к общественной работе. Например, 41,2 % работников МХП и АПО, 50,2 % — колхозов, 57,3 % — совхозов главной причиной отсутствия у них общественных поручений считают то, что их никто не вовлекал в общественную работу. Привлекая трудящихся к выполнению различных общественных и государственных поручений, КПСС последовательно воплощает в жизнь задачу, поставленную В. И. Лениным. Он писал, что необходимо втянуть трудящихся «в самостоятельную политическую жизнь..., чтобы действительно поголовно население училось управлять и начинало управлять. <...> Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упорочения социализма» [1, т. 36, с. 203—204].

Отмечая важную роль общественно-политической работы в совершенствовании организации сельскохозяйственного производства, в деле воспитания трудящихся, следует подчеркнуть, что эта работа рассчитана на использование прежде всего свободного времени. Между тем опрос специалистов МХП и АПО показал следующее: преимущественно в свободное от работы время общественную работу выполняют 33,9 % специалистов, и в свободное, и в рабочее время — 46,4, преимущественно в рабочее время — 19,6 %. Это свидетельствует о неравномерной нагрузке активистов и недостаточно продуманной организации общественной работы

в коллективах. Бережное отношение к рабочему времени имеет не только экономическое, но и идейно-воспитательное значение, является одним из условий здорового психологического климата в трудовом коллективе.

В условиях МК и АИ складываются объективные предпосылки для формирования у сельскохозяйственной интеллигенции социалистического общественного сознания, идейно-теоретического и нравственного роста. По данным нашего исследования, более $\frac{2}{3}$ специалистов и руководителей сельскохозяйственного производства постоянно повышают свой идейно-теоретический уровень (занимаются в университете марксизма-ленинизма, в системе партийного политического образования, являются пропагандистами, агитаторами, лекторами), причем наибольшую социально-политическую активность проявляют работники интегрированных предприятий. Основная часть занятий в системе политического и экономического образования проходит в форме семинаров, творческих дискуссий, деловых встреч с выездом на передовые предприятия. В ходе занятий специалисты и руководители получают возможность систематизировать свои знания по ключевым проблемам теории и практики совершенствования социализма, что позволяет им правильно оценивать события внутренней и международной жизни, способствует повышению их трудовой и социально-политической активности. Отметим также, что сельскохозяйственная интеллигенция МХП и АПО в отличие от специалистов многоотраслевых хозяйств характеризуется большим стремлением к расширению кругозора. Так, 57,1 % специалистов и руководителей интегрированных предприятий выписывают 3 и более газеты; 66,1 % — 1—2 общеполитических журнала; 60,7 % — 1—2 специальных журнала; в колхозах — соответственно 44,1 %, 51,8 % и 31,5 %; в совхозах — 41,5, 51,8 и 40,2 %. Среди специалистов и руководителей МХП и АПО регулярно читают общественно-политическую литературу 87,5 %, литературу по своей и смежным специальностям — 77,8 и 25,9 %, учебную и общеобразовательную — 33,9 и 38,9 %, а среди специалистов и руководителей совхозов — соответственно 54,3; 68,3 и 12,8 %; 16,5 и 34,8 %; колхозов — 74,4; 68,5 и 7,1 %; 20,8 и 16,7 %.

Анализ воздействия МК и АИ на социально-политический облик сельскохозяйственной интеллигенции показывает, что чем интенсивнее она осваивает производственные формы организации труда, индустриальную технологию, тем выше ее социально-политическая активность, идейно-теоретический и общеобразовательный уровень. Такой интеллигенции присущи более развитое чувство нового, умение учитывать политический смысл хозяйствования, т. е. те качества, которые создают основу ее социально-политической зрелости, помогают им добиваться высоких производственных показателей, формировать здоровый нравственно-политический климат в коллективе, способствующий повышению сознательности и активности трудящихся, укреплению дисциплины, воспитанию

непримиримости к любым фактам нарушения интересов данного коллектива и государства в целом.

Таким образом, глубокое изучение факторов, обуславливающих социально-политическую активность и зрелость сельскохозяйственной интеллигенции, механизма формирования и совершенствования ее социально-политического облика позволит целенаправленно и эффективно влиять на деятельность специалистов и руководителей, связывающую воедино идейно-воспитательную, политическую и хозяйственно-организаторскую политику КПСС.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Развитие социальной структуры сельского населения под воздействием межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. М., 1983.

Поступила в редколлегию 10.03.86

Л. А. ТИХОНОВА

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТРУКТУРА СЛОЯ «СЛУЖАЩИЕ — НЕСПЕЦИАЛИСТЫ» НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Целенаправленное и объективно ускоряемое движение социалистического общества к бесклассовой структуре — принципиальная закономерность становления и развития коммунистической формации. Эта закономерность была открыта основоположниками научного коммунизма и получила творческое обоснование в программных документах КПСС. Определяя пути совершенствования социальных отношений, партия исходит из важнейшего ленинского методологического принципа: «марксизм опирает политику на действительное, а не на «возможное» [3, т. 49, с. 384]. Поэтому, принимая во внимание все многообразие «элементного» состава социальной структуры общества, она «считает делом первостепенной значимости тщательный учет в своей политике особенностей интересов классов и социальных групп» [4, с. 156].

В настоящее время возрастает актуальность задач научного управления процессом преодоления сложившихся социальных различий. В контексте их решения представляется важным анализ основных социальных характеристик и исторических перспектив количественно заметного и функционально значимого общественного слоя «служащие-неспециалисты». Сам факт его выделения среди социально-промежуточных слоев общества имеет свою логику и традиции. В статистике всегда выделяется совокупность общественных групп, создающих нематериальные предпосылки развития общества и трактуемых как «служащие». Однако в их число включаются работники, овладевшие развернутой, максимально достигнутой обществом системой подготовки, которая позволя-

ет им профессионально выполнять интеллектуально напряженный труд, способствующий ускорению целостного социокультурного прогресса общества, а также работники, получающие хотя и разноразмерную, но целевую специальную подготовку и выполняющие нормативные функции на стыке материального и духовного производства, умственного и физического труда. Вклад второй группы в функционирование и развитие системы «общество» носит вспомогательный, а точнее, внутрисистемно связывающий характер и не может быть включен в конкретную совокупность завершенных основных и определяющих продуктов общественного труда. Но столь же объективно и обстоятельство, что без такого — в какой-то мере базируемого на рутинных моментах, несущих исторически необходимую долю «малоподвижных» состояний, аккумулирующих общеденность внутрисистемных связей — вклада, если и не возможна, то по крайней мере, значительно обеднена жизнедеятельность общества и снижена его конечная эффективность. В современных условиях началась активная переориентация общественного мнения на конкретные практические действия, в сторону повышения социального престижа инженера. Оказалось, что достичь такого повышения можно не только абсолютно наращивая творческий потенциал инженера, но и добиваясь высокой функциональной «чистоты» его труда. Последнее возможно, если часть функций, которые неоправданно исполняет инженер, будут переданы техническим исполнителям: делопроизводителям, лаборантам, секретарям, курьерам. Но именно группа работников низкоквалифицированного умственного (нефизического) труда на некоторых предприятиях неправомерно уменьшилась. По мнению социологов и производственников, точно знающих механизм достижения эффективности профессионально совокупного труда, «...следовало бы поднять значение рядовых служащих, а не «бороться» с машинистками, курьерами и делопроизводителями» [9]. В. С. Семенов, на наш взгляд, предпринял одну из конструктивных попыток функционального определения труда этой группы работников, охарактеризовав его как «специфический труд обслуживания» [13, с. 199]. В данном определении — независимо от того, является ли оно исчерпывающим или нет — «схвачено» важное свойство: труд служащего-неспециалиста характеризуется не столько как некая обособленная субстанция (целесообразное и неповторимое по проявлению развертывание существенных сил субъекта), сколько как заданный элемент общественно объективного разделения труда в социальной системе, ее внутренних связей. Поэтому полноценная значимость общественно-исторической реализации названной группы (слоя) может быть выяснена и измерена лишь в динамике движения общества по ступеням его зрелости.

Марксистско-ленинская концепция возникновения, развития и отмирания социально-классового деления общества строится на ряде фундаментальных положений. В. И. Ленин, в частности, учил, что «класс есть понятие, которое складывается в борьбе и разви-

тии» [3, т. 40, с. 309—310]. Ф. Энгельс, прогнозируя диалектику грядущих преобразований, отмечал: «...общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их» [1, т. 4, с. 335]. К. Маркс показал, что в самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия, но и «сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя, благодаря производству» [1, т. 46, ч. 1, с. 483—484].

Суммируя эти тезисы, можно прояснить некоторые основные социальные характеристики рассматриваемой группы, в частности ее природу, облик, будущность. Действительно, история неопровержимо подтвердила правоту марксистско-ленинского анализа: именно классы являются теми фундаментальными образованиями общества, которые на вполне определенных этапах истории предопределяют структурные сдвиги в развитии общества, его прогресс. Другие социальные образования в силу своей природы и места в обществе выполняют иную функциональную роль: они обеспечивают самосохранение системы, вносят качественно определенный вклад в ее эффективное функционирование. В то же время на рубежном этапе, когда доминирующими становятся глубокие, интеграционные тенденции, несущие в себе более емкую силу социальной неразделенности общества, его единства, встают исторически новые задачи: выявить и на научно-управляемой основе сознательно сформировать свойства составных элементов общества, которые в своем системном единстве воспроизведут оптимальные качества работников нового типа. Поэтому важно бережно относиться к уникальным чертам каждой социальной группы, видя в наиболее прогрессивных чертах те, которые будут «заложены» в облик членов коммунистического общества.

Естественно, эти качества присущи и представителям рассматриваемой группы. Труд таких категорий служащих-неспециалистов, как парикмахеры, фотографы, официанты, медицинский обслуживающий персонал, продавцы, в значительной мере основывается на стационарном, профессионально-нормативном учете индивидуальной специфики обслуживаемого человека. В силу функционального назначения «общественного труда» многим работникам указанной группы (слоя) свойственна четкая исполнительность (можно сказать, исполнительская культура), что также является немаловажной чертой в облике работника будущего.

В обществоведческом изучении самой емкости понятий «социальная природа» и «социальный облик», как и в выяснении субстанции реальных одноименных состояний соответствующего социального субъекта (личность или общность людей), еще не достигнута необходимая однозначность и точность исходных позиций.* «Под социальной природой класса,— пишет Н. И. Сазонов,—

* Применительно к рассматриваемому слою эта исследовательская задача еще не ставилась в развернутом виде.

мы понимаем его положение в системе общественного производства, то есть исходим из того, что она обусловливается ответственностью на средства производства, общественной организацией труда, отношениями распределения материальных благ» [12, с. 37—38]. В этом и других тезисах автора подчеркивается, что категория «социальная природа» глубже всего характеризует общественный класс, предопределяет его развернутую характеристику — социальный облик, который более масштабно отражает «размещение» данного субъекта (класса, слоя) во всех сферах общества, во всех его связях и опосредованиях [Там же]. В. И. Староверов отмечает: «Основные черты образа жизни ... достаточно полно и разносторонне отражают сущностные характеристики социального облика (колхозного села.— Л. Т.)...» [15, с. 54]. Л. Н. Коган трактует духовный облик личности как часть ее структуры, понимая под ним: а) степень освоения индивидуумом культуры общества и класса при социализме — единой социалистической культуры; б) истинность и характер участия личности в культурной деятельности — потреблении и производстве духовных благ; в) социально-психологические особенности личности, проявляющиеся в процессе общения [Там же]. Налицо неодинаковый масштаб жизнепроявления социального субъекта, описываемого обществоведами категориями «социальный облик»: от практически полного включения в жизнь общества и отождествления с образом жизни до более строгих характеристик, фиксирующих лишь особое качество во взаимосвязи «личность — общество».

В связи со сложившимися подходами к пониманию категорий «природа» и «облик» социального субъекта выделим следующие моменты. Общественная практика неопровержимо доказала научную обоснованность материалистического понимания истории, согласно которому определенную роль в жизни всего общества и его отдельных компонентов играют производственно-экономические отношения, процессы и факторы. Вместе с тем история убедительно демонстрирует правоту марксистско-ленинского учения о системности процессов в обществе, об интенсивной взаимосвязи его базисных и надстроечных сфер и возрастании влияния последних (социально-политических, духовных состояний) на динамику целого. Этот методический принцип применим также к общественной системе и ее внутренним структурам. Следовательно, наряду с емкими фундаментальными социально-экономическими признаками класса, сформулированными В. И. Лениным [3, т. 39, с. 15], важно видеть и те внеэкономические свойства, с которыми основоположники научного коммунизма связывали сущность каждого элемента социальной структуры. К. Маркс писал: «Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов,— они образуют класс» [1, т. 8, с. 208]. Здесь подчеркнуты не просто линия детерминации и иерархическая зависимость основ-

ных факторов, а важные духовно-психологические черты класса: образ жизни, образование и интересы, которые постоянно воспроизводятся под воздействием экономических явлений.

Серьезную методологическую нагрузку несет и следующий тезис Ф. Энгельса. Разоблачая ненаучность метафизического мышления, он отмечал, что если это мышление и правомерно в чем-то, то лишь в «... ограниченных областях, размер которых обуславливается природой соответствующего предмета» [2, с. 5]. Тем самым Энгельс указывал на необходимость выяснить сущность объекта независимо от того, является ли предмет биологическим или социальным не только через полнокровность его функциональных связей (роль и место), но и через ограниченность, обособленность предмета, позволяющую «схватить» его целостность и совершенность внутрисистемных связей.

На наш взгляд, социальная природа и социальный облик как особые характеристики социального субъекта могут быть раскрыты с учетом сложности его развития по принципу «система в системе». Эти характеристики воплощают в себе, хотя и в разной мере, во-первых, совокупность ведущих, определяющих социально значимых свойств социального субъекта; во-вторых, такую их интеграцию и меру, которые обеспечивают целостность и самобытную (только ему делегированную) функциональную предназначенность в рамках объективно существующего разделения труда в более сложной системе. Социальная природа в концентрированном виде отображает своеобразную (и при этом обобщенную, совокупную) реакцию социального субъекта на сложившуюся конкретно-историческую практику (механизм, образ деятельности и т. д.) обеспечения бытия и движения родовой системы. Именно поэтому социальная природа одноименных социальных общностей (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, служащие, этносоциальные группы) в условиях различных общественно-экономических систем принципиально разнятся, хотя какие-то (назовем их генетические) признаки могут быть схожими. Социальная природа аккумулирует ту меру качественной определенности социального субъекта, которая характеризует его взаимосвязи как бы на стыке с другими объектами в движении. Иными словами, социальная природа — это не вся совокупность наиболее существенных черт, а тех из них, посредством которых субъект (как элемент социальной системы) вносит неповторимый, только ему присущий вклад в динамику целого. Это не столько то, чем социальный субъект обладает и является, сколько то, чем и как он себя проявляет по взаимосвязи с другими субъектами. Социальный облик отражает более широкую статическую картину интеграции существенных свойств субъекта. Образно говоря, социальный облик — это своеобразный паспорт, лицо субъекта, а природа — его душа, основа характера.

Рабочий класс выступает главной производительной силой на последних этапах предыстории и в начале неисчерпаемого во времени собственно человеческого прогресса. Благодаря отведенному

месту (понимаемому в социальном измерении) рабочего класса в системе «общество» его природе свойственны особая чувствительность к происходящим сдвигам, высокая ответственность за судьбы общества, т. е. качества, которые воплощаются в комплексной социальной активности, в коллективизме собственного бытия и развития и передаются всей структуре и элементам общественной системы.

Применительно к социальной природе слоя «работники умственного труда» можно выделить несколько типичных общих и специфических моментов. Например, совокупность трудящихся, объединенных определенным характером труда (преимущественно высококвалифицированным умственным или средне- и малоквалифицированным трудом обслуживания). Важно отметить, что данный совокупный слой (как и его часть) является социально-промежуточным и размещен достаточно равномерно (но не однозначно) в центральных, определяющих и периферических зонах общественной системы. Здесь ядро (центр) и периферия — понятия не региональные, а социальные. Периферийность как категория скорее близка к понятию «неосновной», «неопределенный». Конечно, интеллигенции и служащим делегированы неповторимые, только им свойственные функции. В. И. Ленин отмечал: «Рабочий класс показал, что он умеет без интеллигенции и без капиталистов организовать промышленность» [3, т. 37, с. 134]. Эти слова сказаны в экстремальной социальной обстановке и, следовательно, не могут отражать стремление социалистического общества облегченно относиться к растущему воспроизводству интеллигенции. Но в них точно выражена логика субординационного влияния различных социальных сил на структурные сдвиги в системе. В конкретном духовном аспекте можно сказать, что классы социалистического общества учатся у интеллигенции, поскольку интеллигенция призвана возвышать уровень общества в культуре, технике, духовной зрелости. В социально-идеологическом плане этот конкретный «пласт» поведения интеллигенции выглядит подчиненным, ибо процесс (масштаб, качество, направленность) передачи знаний обусловлен позициями классов и в целом уровнем совокупной зрелости общества, полностью определяемой основными внутрисоциальными элементами — классами. Таким образом, промежуточность интеллигенции может рассматриваться как всеобщий момент доведения всех жизнепроявлений системы до максимального уровня, достигнутого ею на каком-то участке в условиях социализма, начал в труде, самоуправлении, быте.

Такие же доводы могут быть приведены относительно места, роли и образа жизнепроявления (природы) определенной группы «служащие-неспециалисты». Своим общественным вкладом они также призваны привести в соответствие ритм и сбалансированность движения различных звеньев системы, добиться органичной взаимосвязи фундаментальных (производственных) и социально-инфраструктурных элементов общества.

Социальный слой «интеллигенция и служащие» имеет сложную внутреннюю структуру. Он делится на собственно интеллигенцию, владеющую особыми функциями умственного, интеллектуального труда, и служащих-неспециалистов, занятых специфическим трудом обслуживания. Группа специалистов-практиков — пограничная. Хотя специалисты-практики и занимаются преимущественно умственным трудом, по образованию и профессиональной квалификации они не являются в полном смысле, по словам Ленина, «интеллигентными работниками» [3, т. 53, с. 117]. Следует также сказать, что категория служащих-неспециалистов появилась в результате общественного разделения труда: во-первых, путем выделения исполнительских функций из функций умственного труда; во-вторых, вследствие обособления в государственном аппарате категории служащих, функции которых связаны с выполнением указаний руководства, канцелярской работой, делопроизводством; в-третьих, в силу развития еще в рабовладельческом обществе торговли, сферы обслуживания и возникновения функции обслуживания непосредственных потребностей и нужд населения. Разделение по характеру труда внутри социального слоя интеллигенции и служащих имеет социальный характер и может быть преодолено только с уничтожением всех других социально-классовых различий.

По профессионально-квалификационному признаку служащие-неспециалисты делятся на три основные группы в соответствии не только с профессией или специальностью и квалификацией, но и с характером труда каждой из них. К первой группе относятся служащие, занятые малоквалифицированным умственным трудом: счетоводы, кассиры, лаборанты, экспедиторы, телефонисты, телеграфисты и др. Во вторую группу входят служащие, занятые достаточно квалифицированным трудом обслуживания: парикмахеры, официанты, диспетчеры, почтальоны и др. Их труд по характеру далек как от преимущественно умственного, так и от преимущественно физического труда, а точнее, по выражению С. Л. Сенинского, «... содержит гипертрофированные элементы того или другого» [14, с. 214]. Третья группа служащих-неспециалистов занята неквалифицированным трудом обслуживания. Это — курьеры, уборщицы, вахтеры, кладовщики, гардеробщики и др. Как и интеллигенция, служащие-неспециалисты дифференцируются по признакам отношения к собственности на средства производства и принадлежности к городским и сельским слоям населения.

В научной литературе имеется несколько подходов к определению сущности категории служащих-неспециалистов. Например, по мнению Р. О. Карапетяна, служащие как социальная группа включают в себя часть работников нефизического труда, которые выполняют работу, не требующую среднего специального или высшего образования, большого опыта и знаний [7, с. 36]. М. Круминь считает, что служащие — это занятые во всех сферах народного хозяйства работники вспомогательно-обслуживающего нефизического труда средней и низкой квалификации [8, с. 18].

С. Л. Сенявский понимает под служащими-неспециалистами работников малоквалифицированного труда обслуживания [14, с. 211]. Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение В. С. Семенова: служащие-неспециалисты — это занятые во всех сферах народного хозяйства работники специфического труда обслуживания, содержанием которого является не целенаправленная умственная деятельность, как в собственно интеллектуальном труде, а выполнение специфических конкретных функций главным образом по обслуживанию нужд производства, потребностей людей, самого умственного труда (отсюда его обозначение как труда обслуживания) [13].

Существует мнение, что служащие и интеллигенция — «перекрывающиеся» и «совпадающие» понятия, так как под служащими понимаются все лица, состоящие на службе в государственных учреждениях и предприятиях и не занятые физическим трудом. Однако данное утверждение не выдерживает критики, поскольку «служащий» в так называемом «анкетном» смысле этого слова не совпадает с социальным понятием «служащий-неспециалист».

Существующие различия в характере труда работников квалифицированного умственного труда и работников специфического труда обслуживания обуславливают социальные различия между ними, например различия в роли в общественной организации труда, размерах доходов, квалификации, культурно-техническом уровне и уровне образования, в условиях быта и др.

Отмеченные различия отрицательно влияют на престиж профессий служащих-неспециалистов, особенно среди молодежи, что в частности, подтверждается результатами конкретно-социологического исследования, проведенного в 1970 г. в Нижнем Тагиле М. Н. Руткевичем и Ф. Р. Филипповым [11]. Среди работников данной социальной группы высока и текучесть кадров, но вместе с тем этот показатель свидетельствует и о профессиональной мобильности и социальных перемещениях указанных работников.

Многие авторы полагают, что служащие-неспециалисты являются самой отсталой социальной группой страны. Так, Н. А. Аитов пишет: «...эту группу отличает и самый низкий уровень политической активности, известный вообще в советском обществе, низкий уровень сплоченности коллективов, трудовой дисциплины» [5, с. 47]. Безусловно, такое утверждение спорно, но оно не лишено основания.

За последние годы численность и удельный вес служащих-неспециалистов снижались во всех сферах народного хозяйства, кроме сферы обслуживания и строительства. Здесь рост служащих-неспециалистов был связан с расширением сферы обслуживания и объема строительства, а также с замедлением темпов роста рабочего класса в данных отраслях.

Большинство авторов считает, что в настоящее время крайне не необходим труд служащих-неспециалистов, особенно тех групп, которые заняты малоквалифицированным умственным трудом и неквалифицированным трудом обслуживания. Эта необходимость в значительной степени порождена несовершенством и нехваткой

оргтехники, лабораторного оборудования, средств и практики учета. С устранением перечисленных недостатков слой служащих-неспециалистов будет сокращаться. Однако существует точка зрения (Л. С. Бляхман, О. И. Шкаратан), согласно которой в ближайшем будущем начнется количественный рост отряда служащих-неспециалистов за счет неуклонно увеличивающейся численности служащих, занятых на предприятиях и в организациях, оказывающих непосредственные услуги населению [6].

В социалистическом обществе при общегосударственном планировании нет необходимости в гипертрофированном росте производственного и управленческого персонала. Поэтому в нашей стране увеличивается в основном численность работников тех профессий, которые призваны служить всему советскому обществу, удовлетворять его материальные и духовные потребности.

Деятельность всех групп служащих в условиях НТР постепенно качественно видоизменяется. Сохраняя основную функциональную направленность своей деятельности, эта категория работников приобретает новые функции.

Современное производство с его разветвленными хозяйственными связями требует больших затрат на сбор, обработку, анализ и воспроизведение информации. В результате увеличивается объем работ, выполняемых служащими-неспециалистами, что характерно для большинства профессий этой категории работников. Увеличение потока информации и необходимость ее быстрой обработки приводят также к появлению новых профессий служащих, например операторов счетно-вычислительной техники, бухгалтерских автоматов, перфораторов и др.

На этапе совершенствования социалистического общества все большее значение придается активизации человеческого фактора, кадровой политике. Особенность решения проблемы кадров заключается в том, что потребность в работниках, занятых обработкой огромного потока информации, выше, чем потребность в работниках, непосредственно занятых на производстве. С каждым годом возрастает необходимость в дополнительных кадрах работников планирования, учета, делопроизводства. К концу 70-х годов в нашей стране на 100 инженеров приходилось 40 чел. вспомогательного персонала, поэтому 20—40 % рабочего времени инженеры затрачивали на выполнение технических функций. Современным инженерам, организаторам, ученым нужны высококвалифицированные помощники, владеющие современным копировальным, вычислительным и множительным оборудованием, знающие научные основы делопроизводства, окончившие специальные ПТУ или техникумы.

В настоящее время наблюдаются две основные тенденции в развитии слоя служащих-неспециалистов.

Серьезные изменения претерпевает характер труда служащих-неспециалистов: неуклонно растет их культурно-технический уровень, уменьшается доля занятых малоквалифицированным трудом. Исполнительский труд обслуживания под влиянием механи-

зации, автоматизации и совершенствования технологии в сфере обслуживания и управленческого труда все больше насыщается функциями умственного труда. При этом по своему характеру труд служащих-неспециалистов сближается с трудом интеллигенции и квалифицированных рабочих. Механизация многих операций учета и делопроизводства высвобождает людей, занятых монотонным нетворческим трудом.

Ведущей тенденцией в развитии групп работников умственного труда остается дифференциация интеллигенции и служащих: происходят дальнейшая специализация функций, связанных с движением потоков информации во всех отраслях народного хозяйства, и отделение этих функций от непосредственно исполнительских и организаторских.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Энгельс Ф. Набросок введения к «Анти-Дюрингу» // Коммунист. 1985, № 18. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 5. Аитов Н. А. Проблемы социально-классовой структуры советского общества. Саратов, 1982. 6. Бляхман Л. С., Шкаратан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973. 7. Карапетян Р. О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974. 8. Круминь М. Я. Социально-классовая структура социалистического общества. Рига, 1973. 9. Дороги, которые нас выбирают // Правда. 1985. 2 нояб. 10. Инженер в инженерном веке // Правда. 1985. 23 янв. 11. Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. М., 1970. 12. Сазонов М. И. Зміна соціальної природи селянства. Х., 1972. 13. Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977. 14. Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма. М., 1982. 15. Советская социология. М., 1982. Т. II: Динамика социальных процессов в СССР.

Поступила в редколлегию 10.03.86.

Л. А. ДЕМИНА

О СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОЛЛЕКТИВА

Решение крупномасштабных задач, поставленных XXVII съездом КПСС, требует дальнейшего совершенствования производственных отношений. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что «действующие в настоящее время формы производственных отношений... в основном сложились в условиях экстенсивного развития экономики. Постепенно они устарели, стали утрачивать стимулирующую роль» [2, с. 38].

Большое значение в достижении зрелых производственных отношений имеют трудовые коллективы, ибо они являются важным звеном в системе совершенствования социалистических производственных отношений. В условиях социализма, утверждающего органическую связь общественной собственности на средства производства с превращением труда в свободный и всеобщий, формируется и новое отношение человека к труду. Сама сущность нашего строя делает коллективный интерес действующей пружиной инте-

ресов личных. Происходит углубление коллективистских отношений. Этот процесс особенно хорошо прослеживается на примере производственных бригад — первичных звеньев трудового коллектива. Ныне они объединяют свыше 60 % рабочих промышленности, что характерно для современного производства. Массовое утверждение бригадных форм организации труда можно без преувеличения назвать одним из элементов процесса, связанного с приведением производственных отношений в соответствие с достигнутым уровнем развития производительных сил.

Усиление коллективистских, демократических начал в самой первооснове нашего общества — производственных отношениях — вызвало потребность в правовом регулировании жизнедеятельности трудовых коллективов. И Закон СССР о трудовых коллективах должен стать политическим инструментом, обеспечивающим повышение общественной производственной активности человека, одним из важных путей его участия в управлении.

Решения XXVII съезда КПСС обуславливают необходимость дальнейшей разработки проблемы развития всех сфер жизни трудового коллектива, определения достигнутого им уровня зрелости, а также пути совершенствования отношений в коллективе.

Обзор достаточно обширной социологической литературы, посвященной исследованию трудового и особенно производственного коллектива, свидетельствует, что проблема его социальной зрелости еще не стала предметом глубокого самостоятельного изучения. В большинстве случаев она затрагивается при анализе других сторон жизнедеятельности коллектива. В результате можно говорить о наличии лишь общих подходов к определению сущности данного явления.

Зрелость коллектива связывают с его развитием как субъекта определенных отношений, со степенью единства индивида и коллектива, а также единства коллектива и личности со сплоченностью коллектива, с уровнем развития в нем сотрудничества и взаимопомощи.

Анализ литературы, в которой косвенно или частично освещаются вопросы зрелости трудовых коллективов, позволяет выделить три основных направления в изучении проблемы: педагого-психологическое, социологическое и социально-экономическое.

Педагого-психологическое направление основывается на анализе трех этапов формирования и развития коллектива, определенных А. С. Макаренко. На первом этапе субъектами важнейших моральных требований выступают официальные руководители; на втором — наряду с руководителями — наиболее сознательная часть коллектива; на третьем — устанавливается здоровое общественное мнение, выражающее основные требования коллектива к отдельным его членам, причем каждый член коллектива проявляет высокую требовательность и к себе.

Л. И. Уманский конкретизировал теорию поэтапного становления коллектива, разработанную А. С. Макаренко, свел ее к операциональным понятиям. Он выделил следующие этапы становления

коллектива. 1. Конгломерат людей, не имеющих между собой ни психологического, ни социального единства. 2. Группа-кооперация, характеризующаяся реально и успешно функционирующей организационной структурой, высокой степенью групповой подготовленности и определенным уровнем сотрудничества. 3. Автономная группа, характеризующаяся высоким уровнем психологического единства, создающего основу для перехода к высшему этапу развития коллектива, который отличается высоким уровнем сплоченности и социальной активности [11, с. 77—78].

Ряд исследователей (А. В. Петровский, Б. Д. Парыгин, Н. Н. Куртиков, В. Л. Арбенина и др.) отмечают важную роль коллективного сознания как ведущего фактора в формировании и функционировании социально зрелого коллектива. Коллективное сознание исследуется и рассматривается через идентификацию членов коллектива со своим коллективом и через общность норм, традиций, ценностных ориентаций. Отдельные работы посвящены проблеме лидерства, влиянию социально-психологического климата на социальную зрелость коллектива.

Социологическое направление в изучении коллектива связано с проведением исследований прежде всего в производственном коллективе. К основным проблемам, которые изучают представители данного направления (В. Н. Иванов, А. С. Фриш, Т. П. Горелова и др.), относятся: функции коллектива, особенности его функционирования в различных условиях, личность в коллективе, а также отдельные аспекты социальной зрелости трудового коллектива. Так, В. Н. Иванов отмечает: «Магистральный путь решения этих проблем (возрастания значения трудовых коллективов в жизни общества. — Л. Д.) и укрепление социальной роли трудовых коллективов — это повышение уровня их социальной зрелости, который зависит от того, в какой мере каждый из них реализует все функции, возложенные на него обществом» [3, с. 15]. Анализируя воспитательную деятельность трудового коллектива, он указывает, что в понятие социальной зрелости трудового коллектива входит и успешное осуществление им воспитательных функций, возложенных на него обществом» [4, с. 69].

Социально-экономическое направление представлено исследованиями М. В. Грамова, Н. Г. Корытова, С. П. Сироткина и других авторов, занимающихся изучением таких проблем, как производительность труда, его стимулирование, текучесть кадров. Авторы ряда работ затрагивают также вопросы социальной зрелости коллективов. Например, исследуя текучесть кадров, они рассматривают стабильность и зрелость трудового коллектива как однопорядковые явления, хотя это далеко не идентичные понятия.

Необходимо четко разграничивать понятия «зрелый коллектив» и «стабильный коллектив». Зрелость коллектива связана с развитием его сущности, стабильность — черта зрелого коллектива. Стабильность характеризует его свойства, в частности устойчивость к случайным изменениям социальной среды, окружающей коллектив, а также к изменениям его собственного внутреннего

развития. Стабильность и зрелость коллектива обуславливают друг друга, составляют диалектическое единство. Но стабильность кадров и коллектива не одно и то же. Первое понятие уже второго. Стабильность кадров или, другими словами, низкий уровень их текучести — один из показателей стабильности коллектива.

К числу немногих работ, в которых анализируется проблема зрелости коллектива, принадлежит статья Б. В. Князева и В. М. Горюнова [7]. В ней дается четкое определение исследуемого понятия, подробно раскрывается система эмпирических показателей зрелости, критерии и оценки. По мнению авторов, «зрелость трудового коллектива означает полноту претворения в жизнь возможностей, которые включает в себя коллективистский способ организации и функционирования этих ячеек социалистического общества» [5, с. 52]. Б. В. Князев и В. М. Горюнов определяют социальную зрелость коллектива исходя из анализа сущности трудового коллектива и полноты ее выражения, которая и характеризует его зрелость. Они считают, что полнота выражения сущности трудового коллектива характеризуется, во-первых, его социальным потенциалом, т. е. уровнем развития социальных сил коллектива, их концентрацией и объединением, и, во-вторых, практической реализацией этого потенциала, умением использовать его в интересах всех трудящихся [5, с. 53].

Следовательно, у названных авторов понятие «социальный потенциал трудового коллектива» отражает уровень развития его социальных сил, их «концентрации и объединения». В содержание данного понятия они включили все накопленные коллективом силы, носителями которых выступают материально-технические, социальные и идеологические компоненты коллектива. Основные из них следующие.

1. Материальные средства производства и жизнеобеспечения, которыми располагает коллектив.
2. Уровень развития труда в коллективе.
3. Сформированная способность коллектива как общественного рабочего организма, объединенного совокупного работника.
4. Развитость коллективистских отношений, организованность, от которых зависит решение больших и малых задач.
5. Уровень сознания коллектива или уровень его сознательности.

6. Единство воли коллектива и всех его членов [5, с. 53—55].

Концепция Б. В. Князева и В. М. Горюнова содержит рациональные моменты. Однако отдельные ее положения требуют дальнейшего уточнения и разработки. Материальные средства производства и уровень развития труда в коллективе, на наш взгляд, логичнее включать в материально-технический потенциал, который является определяющим внешним фактором по отношению к социальному потенциалу. Он как бы задает значение всех его параметров, служит условием его формирования, функционирования и развития. При определенных характеристиках материальных средств производства и жизнеобеспечения, уровне развития труда

(агрессивность производственной среды, монотонность труда и т. д.) может произойти снижение трудоспособности совокупного работника и даже ее утрата (травматизм, профзаболевание). Свидетельствует ли это о неумении трудового коллектива использовать свой социальный потенциал? Делать подобный вывод было бы ошибкой, так как он не отражает фактического положения вещей.

Авторы правильно отметили различие между сформированным и реализованным социальным потенциалом. Но если такое различие обусловлено внутренними факторами, зависящими от самого коллектива, то эти факторы являются характеристиками его социального потенциала. Другое дело, если речь идет о влиянии внешних факторов на процесс формирования и практической реализации социального потенциала. В данном случае внешние факторы характеризуют условия реализации и развития его социального потенциала.

Анализируя литературу по вопросам социального потенциала, можно заключить, что в широком философском плане понятие «социальный потенциал» используется для отражения возможностей, средств, сил и способностей общественного человека в процессе духовно-практического освоения действительности. Содержание понятия «социальный потенциал» при этом соотносится со всей системой общественных отношений.

В советской литературе имеется и другой подход к раскрытию содержания социального потенциала. Оно рассматривается только относительно социальных отношений, т. е. отношений между социальными общностями и группами [6, с. 13].

Многие авторы определяют «социальный потенциал» как возможность или совокупность возможностей. Такой подход к определению данного понятия ориентирует прежде всего на раскрытие его содержания в плане «возможность — действительность», другими словами, в плане превращения объективно существующих потенциальных сил, средств и способностей социальной общности в действительность. Причем вопросы специфики содержания этого понятия, его сущность и ее проявления остаются в «тени».

На наш взгляд, наиболее перспективной является позиция тех ученых, которые пытаются определить социальный потенциал через социальную силу способности общности. Основанием для такого подхода служат методологические принципы изучения социальных явлений, выработанные классиками марксизма-ленинизма. В «Капитале» К. Маркс писал, что рабочая сила — это «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека», существующая «только как способность живого индивидуума» [1, т. 23, с. 178, 181]. По его определению; «природные жизненные силы» человека «существуют в виде задатков и способностей, в виде влечений» [1, т. 42, с. 163]. В работе «Теории прибавочной стоимости» К. Маркс, касаясь вопроса о противоречивости прогресса сущности человека, указывал на антагонизм развития способностей рода «человек» и

«каждого отдельного индивида» [1, т. 26, ч. I, с. 143]. Относительно «универсально развитых индивидов» он отмечал: «Та степень и та универсальность развития потенций (*der Vermögen*), при которых становится возможной эта индивидуальность ..., впервые создают так же всеобщность и всесторонность его отношений и способностей» [1, т. 46, ч. I, с. 105].

Таким образом, в марксистской теории понятие «способность» служит для отражения деятельных свойств человека, его физических, интеллектуальных и духовных сил, потенций. Потребности и способности — это различные стороны одного и того же явления — сущностных сил человека, которые тесно взаимосвязаны и взаимобусловлены [8, с. 19—22]. В своей сущности они фиксируют отношение социального самоутверждения, хотя отражают разные моменты самоутверждения социальной общности (группы). Потребности выражают отношение объективной социальной необходимости, а способности — объективной социальной возможности. Потребности и способности образуют между собой диалектическое единство, определяющим началом в котором являются потребности. Некоторые ученые, например Е. Г. Куделин, называют способности ведущим началом в системе «потребности — способности» [7, с. 17]. М. Н. Перфильев считает, что в общественном развитии переоцениваются потребности человека [10, с. 40—41]. Совокупность потребностей и способностей социальной общности (группы) образует ее качественную определенность, а взаимодействие — внутренний источник развития данного социального образования. Следовательно, разработка понятия «социальный потенциал» во многом зависит от того, как соотносятся между собой способности, потребности и социальные отношения. Эта проблема требует самостоятельного исследования. Ограничимся некоторыми замечаниями.

Социальные отношения всегда являются отношениями в связи и по поводу человеческих потребностей и способностей, которые выступают противоположными сторонами указанных отношений, и диалектически связаны. Качество социальных отношений проявляется в специфическом признаке общественных отношений социализма и коммунизма — коллективности. Мера ее выраженности может быть различной и зависит от характера сочетания интересов общества и личности, единства этих интересов. Их общий интерес формируется на основе взаимной способности удовлетворять взаимные потребности.

Способности социальной общности существуют как коллективные способности входящих в них индивидов, как «сила, которой отдельный человек не обладает изолированно, а только лишь взаимодействуя одновременно с другими» [1, т. 47, с. 288]. Объединение способностей в связанную совокупность создает «живую ткань» коллективных способностей, социальную силу общности, ее социальный потенциал. Итак, социальный потенциал — это порождаемая отношениями коллективности социальная сила, проявляющаяся в коллективных способностях и потребностях социальной общности.

Основными элементами структуры социального потенциала являются индивидуальные и коллективные потребности и способности, различные виды социальных отношений, формы и средства выражения, осуществления, закрепления и развития того или иного вида социальных отношений. Возрастание социального потенциала определяется в первую очередь прогрессивным изменением его содержательных моментов. Важными критериями развития социального потенциала являются всесторонность и гармоничность. В основе его развития лежит развитие коллективности и индивидуальности, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены: развитие одного невозможно в отрыве от развития другого. Установление подлинной коллективности — главное условие развития человеческой индивидуальности, а становление индивидуальности происходит только на основе развития коллективности.

Анализируя различные определения социального потенциала, производственного коллектива, содержащиеся в работах Б. В. Князева и В. М. Горюнова [5], В. С. Панюкова и А. А. Харычева [9] и других исследователей, можно прийти к выводу, что большинство определений нечетко отражают его содержание. Авторы неточно определяют содержательные моменты социального потенциала, их взаимосвязь и взаимодействие; не выявляют место социального потенциала коллектива в структуре совокупного потенциала производства, его качественную определенность. Без выяснения этих вопросов невозможно познать закономерности движения социального потенциала, его производства и воспроизводства, а значит, нельзя целенаправленно управлять процессами его формирования, функционирования и развития. На наш взгляд, наиболее плодотворными являются исследования тех авторов, которые используют следующий подход: целостное, системное отражение изучаемого явления в диалектическом единстве его противоположных сторон, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Социальный потенциал производственного коллектива — это обобщенная характеристика целостности, единства специфического социального образования, выражающая свойства производственного коллектива как социальной общности. Это интегральное, системное качество производственного коллектива как социальной ячейки общества. Иначе говоря, социальный потенциал производственного коллектива представляет собой порождаемую отношениями коллективности социальную силу, которая проявляется в его способностях (потребностях), в способе коллектива к самоопределению, самореализации, самоутверждению. Социальный потенциал коллектива как совокупная социальная сила реализуется и развивается через его функции. Мера реализации социального потенциала и есть уровень его социальной зрелости.

На XXVII съезде КПСС особо подчеркивалась роль трудовых коллективов в умелом использовании общественного богатства. Умение использовать, реализовать достигнутый социальный потенциал является характеристикой зрелости общества и его основных ячеек — трудовых коллективов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС, М., 1986. 3. Иванов В. Н. Трудовой коллектив — первичная ячейка экономической, политической и духовной жизни нашего общества. М., 1979. 4. Иванов В. Н. Школа гражданственности. М., 1979. 5. Князев Б. В., Горюнов В. М. Зрелость трудового коллектива и ее значение для коммунистического строительства // Науч. коммунизм. 1978. № 3. 6. Косичев А. Д. Творческое развитие КПСС теории научного коммунизма. М., 1978. 7. Куделин Е. Г. Диалектика производства и потребностей. М., 1979. 8. Лавриненко В. Н. Проблема социальных интересов в ленинизме. М., 1978. 9. Панюков В. С., Харычев А. А. Социальный потенциал в системе управления социальным развитием производственного коллектива. М., 1979. 10. Перфильев М. Н. Общественные отношения: Методологические и социологические проблемы. Л., 1974. 11. Уманский Л. И. Поэтапное развитие группы как коллектива. М., 1975.

Поступила в редколлегию 05.03.86

Н. Б. МАЛАХОВА

ВСЕОБЩИЙ ТРУД И СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОДНОРОДНОСТИ ОБЩЕСТВА

Творчески развивая марксистско-ленинскую теорию, КПСС уделяет большое внимание обоснованию путей формирования бесклассовой структуры социалистического общества и достижения полной социальной однородности. В определении высшей фазы коммунистической формации, содержащемся в новой редакции Программы КПСС, бесклассовость — первый фундаментальный признак, который вызревает на основе развития общественного характера труда и производства. В Программе КПСС отмечено, что «в результате окончательного преодоления остатков старого разделения труда и связанных с ним существенных социальных различий будет завершен процесс формирования социально однородного общества» [3, с. 138]. Для достижения этой цели партия наметила следующие задачи: «создание в основном бесклассовой структуры общества, стирание существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней; все более органичное соединение физического и умственного труда в производственной деятельности» [3, с. 140]. И хотя полное преодоление указанных различий завершится на высшей фазе коммунизма, необходимо уже сейчас изучать вопросы формирования социально однородного общества с точки зрения глубоких перемен в содержании и характере труда. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось: «Сложившиеся условия требуют от нас направить теоретическую и политическую мысль не на фиксацию достигнутого, а на обоснование путей и методов ускорения социально-экономического прогресса, с которым связаны качественные изменения в различных сферах жизни» [3, с. 93—94].

В современной научной литературе изменения, происходящие в социальной структуре советского общества, рассматриваются, как правило, с точки зрения эволюции взаимоотношений рабочего клас-

са, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, процессов их развития и взаимного сближения. Однако возможен и другой подход: анализировать социальные процессы преимущественно не от частного к общему, а наоборот, отталкиваясь от общесоциалистических черт общности; иначе говоря, с точки зрения углубления, расширения и закрепления тех свойств социально однородной целостности, которые соответствуют коммунистическому идеалу в его социалистической фазовой специфике. Такую возможность дает обращение к категории всеобщего труда.

Понятие всеобщего труда необходимо для изучения качественно нового, высшего типа трудовой деятельности, которая реализуется как практически истинная в условиях коммунистической действительности. При социализме всеобщий труд отражает общественное признание труда всех членов общества как важнейшего вида их жизнедеятельности. Следует заметить, что в данном случае всеобщий труд — это не абстрактно-общее, не результат мысленного отвлечения определенного признака или особой формы, а конкретно-общее, феномен самой объективной реальности коммунистической формации, исторически выступающий наиболее развитой, высшей формой в практике коммунистического созидания.

В понятии всеобщего труда фиксируется непосредственно общественный характер труда, если производители материальных и духовных ценностей экономически не обособлены, отсутствует общественное разделение труда и господствует непосредственно общественный тип связи между ними. [7, с. 25]. Подобная ситуация была характерна для натурального производства эпохи первобытно-общинной собственности. На качественно иной основе она создается в коммунистической формации.

К. Маркс различал всеобщий труд и совместный. Такое различие труда утвердилось в научной литературе. Оно помогает глубже понять сущность и эволюцию всеобщего труда.

В процессе исторического развития общественное разделение труда противопоставляет всеобщий труд совместному, сосредоточивая производство материальных ценностей преимущественно в системе совместного труда, а в рамках всеобщего труда — духовное производство (научную деятельность, искусство). [5, с. 245]. Всеобщий труд, если рассматривать его со стороны живого труда, всегда направлен на раскрытие способностей и развитие свободной индивидуальности человека. И напротив, совместный труд, как он представлен, например, в современном материальном производстве, отрицает самостоятельность, независимость каждого отдельного участника от определенного процесса производства, от особенностей данной техники и технологии. Совместный труд превращает рабочий персонал в единого многорукого и многоголового участника процесса производства, нивелируя при этом личные склонности и способности людей за пределами тех ограниченных различий, которые обуславливаются технологическим процессом [6, с. 223]. Всеобщий труд как наиболее благоприятный способ продуцирования и всестороннего использования челове-

ских способностей неизмеримо выше совместного труда, «является уже не делом отдельной личности, а делом общества» [1, т. 1, с. 292].

Всеобщий труд — это как раз та форма общественной деятельности, в которой имеется не только возможность, но и необходимость полностью реализовать принцип «каждый — по способностям». Действительно, в науке, искусстве характер труда таков, что постоянное применение и развитие многогранных творческих способностей — правило, объективная необходимость, диктуемая самим процессом духовного производства. В ходе всеобщего труда способности человека не просто реализуются, но и формируются — происходит постоянное совершенствование творческих способностей. Следовательно, человек не отчуждает себя от деятельности, а самоутверждает собственную личность в деятельности. Собственно труд только тогда и эффективен, когда выражает органическую потребность к творчеству. Пока труд носит механический, стандартизированный, монотонный характер, связан с выполнением определенной технической функции, осуществляется под давлением внешней необходимости (в частности, для получения заработка как средства существования), он не может превратиться в первую жизненную потребность человека.

В сфере материального производства также имеются предпосылки для всеобщего труда, но они определяются социальными условиями. В любом виде трудовой деятельности человек решает задачу теоретического освоения предметного мира, превращает внешнее предметное содержание в свое внутреннее. Внутреннее содержание обогащает, развивает человека, потому что концентрирует культурно-исторический опыт человечества, знания, навыки, умения и помогает решению стоящих перед человеком новых проблем. Это и есть всеобщее богатство, непосредственно включающее в себя результаты духовной практики и опосредованно-предметную реальность материального мира. Оно стимулирует человека к самоизменению, саморазвитию, творческой преобразующей деятельности. Такое богатство — не бездействующее сокровище, а импульс творческой деятельности [4, с. 145].

В своей производственной деятельности человек всегда опирается на объективные всеобщие законы предметного мира (которые призвана выявлять наука). Производство знаний, научная деятельность захватывают практически всю производственную деятельность, взятую в плане способности человека осваивать, формировать всеобщее. Поскольку современный переворот в производительных силах характеризуется интеллектуализацией труда, постольку саморазвитие, творческая деятельность все больше ориентируются на познание и освоение всеобщих законов, усиление значимости духовной деятельности в производстве. Неизбежность культурного, образовательного, научного развития участников процесса производства наталкивается на социальные барьеры классового общества. Чтобы заниматься наукой, творчеством, искусством и т. п., требуется свободное время, источником которого являются приба-

вочный труд и прибавочный продукт. В условиях классового общества борьба за присвоение прибавочного продукта суть классовых взаимоотношений. Именно от этого зависит решение вопросов: кем быть (эксплуататором или эксплуатируемым), как жить (вкладывать бремя тяжелого физического труда, заниматься привлекательным делом либо просто бездельничать). Такова основа социально-экономического неравенства во всех классово-антагонистических обществах. «...Стремление реализовать себя, дать себе через себя, самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя» [2, т. 29, с. 194] еще не воплощается всеми участниками процесса производства в системе социалистически организованного совместного труда.

К. Марксу приходилось делать предположение о всеобщем труде в прогностической форме, проецируя его в отдаленное будущее, когда основой «производства и богатства выступает... не время, в течение которого он (человек) работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы» [1, т. 46, ч. II, с. 213]. Во многих отношениях труд современного ученого — образ всеобщего творческого труда будущего, потому что он протекает по законам свободного времени, а не рабочего. Процесс научного труда не втиснешь в рамки рабочего времени, ибо труд ученого не поддается регламентации по времени. Специфика интеллектуальной, духовной деятельности в отличие от физического труда заключается, в частности, в том, что границы рабочего дня практически нельзя обозначить. Всеобщий труд не может быть соизмерен на основе закона стоимости. Однако и без закона стоимости, понятия абстрактного труда, товарного обмена трудно уяснить предысторию всеобщего труда. Превращение всеобщего труда в объект исследования могло произойти лишь на сравнительно высоком уровне развития общества, в связи с появлением товарного обмена, рынка, стоимости и цены как реальных социальных абстракций. По мере роста товарного производства, особенно на его высшей, капиталистической стадии, всеобщность труда развивается в сфере материального производства не прямо, а опосредованно, путем приравнивания различных частных работ друг к другу. При капитализме всеобщность, заключающаяся в обобществлении условий живого труда и его формальной коллективности, превращается в особую, исторически преходящую форму выражения общественного характера труда. Капитализм осуществляет гигантское обобществление производства в масштабах всего общества. «...Производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство. Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда» [1, т. 26, ч. III, с. 327].

Но если в условиях частной собственности даже реально осуществившаяся «общность орудий», обобществление выражены в материальном производстве лишь в абстрактной общественной всеобщности — стоимости, то духовное производство остается всеобщим общественным производством. Общественное содержание

духовного труда не сводится к абстрактному моменту в труде прежде всего благодаря тому, что всеобщность духовной деятельности неадекватна, несопоставима, противоположна таким качествам деятельности по производству материальных благ, как однородность (с точки зрения затрат рабочей силы) и соизмеримость результатов труда, получающих вещную форму. Обмен овеществленными способностями, продуктами труда предполагает наличие принципа эквивалентности, а для обмена самими способностями достаточно непосредственно общественного признания их как результатов развития всего общества.

Исторически первым шагом на пути к уничтожению классового деления общества стала социалистическая революция. В ходе ее осуществления были ниспровергнуты эксплуататорские классы и та форма общественной организации производства, которую они закрепляли. Трудящиеся экспроприировали и средства производства, и свободное время, превратив прибавочное рабочее время в необходимое для всего общества, а не только для избранных, равномерно распределив его между всеми работающими. Таковы главные преобразования в характере труда, положившие начало практическому осуществлению труда всеобщего.

Исходной формой реализации всеобщего труда в процессе строительства основ социализма стало обязательное привлечение всех работоспособных граждан к труду в общественном производстве. За годы первых пятилеток в нашей стране благодаря утверждению общественной социалистической собственности, организации плановой системы хозяйства был обеспечен переход к полной или всеобщей занятости. В результате изменилась социально-классовая структура общества, навсегда покончившего с эксплуатацией человека человеком, социальным угнетением. Определяющей характеристикой социальных отношений являлся нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Главный итог первого этапа становления социальной однородности общества сформулирован в новой редакции Программы КПСС: «Человек труда стал полновластным хозяином страны» [3, с. 125—126]. В новых общественно-исторических условиях значительно расширились масштабы полной занятости населения страны. Речь идет о полной и эффективной занятости, о предоставлении «всем трудоспособным гражданам возможности работать в избранной сфере деятельности согласно призванию, способностям, образованию, профессиональной подготовке с учетом общественных потребностей» [3, с. 151].

Важная закономерность развития социальных отношений на втором этапе формирования полной социальной однородности общества — сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, становление бесклассовой структуры общества при решающей роли в этом процессе рабочего класса. Коренные преобразования в содержании и характере труда предопределяют направление и характер социальных изменений. По уровню обобществления, технической оснащенности и интеллектуальной

насыщенности сельскохозяйственный труд отличается от труда в индустриальных отраслях. Чем больше труд рабочего насыщен машинами, механизмами, передовыми технологиями, тем больше такой рабочий имеет возможностей для повышения образовательного, культурного, профессионального уровня, трудовой и общественно-политической активности, тем целенаправленнее его стремление познать всеобщие законы природы и предметного мира, раскрыть новые способности. На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «качественные сдвиги в социальной сфере невозможны без **глубоких преобразований в содержании труда**» [3, с. 48].

Всеобщий труд прежде всего утверждается в индустриальных отраслях как основа их развития, а в сельскохозяйственном производстве и других доиндустриальных формах деятельности сложилось отставание в масштабах и темпах индустриализации. С этим связано существование иной, менее развитой по уровню обобществления формы собственности — кооперативной.

Индустриализация в сущности означает процесс вытеснения живого труда овеществленным. Механизация, химизация, мелиорация, использование более продуктивных сортов и пород, применение биотехнологии и генной инженерии позволят уже в недалеком будущем перейти от рутинных, физически тяжелых видов деятельности к более сложным, требующим от человека способностей к овладению всеобщими законами природы, техники, общественного развития. Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального в совокупности с преодолением социальных и культурно-бытовых различий между городом и деревней ведет к сближению образа жизни и характера труда крестьянства и рабочего класса. Следовательно, утверждение всеобщего труда путем индустриализации является основой сближения двух форм собственности.

Современная научно-техническая революция несет глубокие качественные преобразования в производительных силах. Революционные изменения в средствах производства, орудиях труда, технологических процессах ведут к возрастанию удельного веса умственного труда в деятельности широких трудящихся масс. Одновременно повышается творческий вклад интеллигенции в материальное производство и различные сферы общественной жизни. Иными словами, изменяются содержание и соотношение материального и духовного производства, историческая перспектива которых предполагает их слияние. На базе все более органичного соединения физического и умственного труда в производственной деятельности каждого работника будут устранены последние остатки существовавшего различия в присвоении членами общества прибавочного труда и продукта.

Преобразуется содержание рабочего и свободного времени. При полной автоматизации определенность затрат рабочего времени на изготовление продукта станет техническим законом самого производства, что послужит одной из предпосылок для измерения затрат не в стоимостной форме, а непосредственно в рабочем вре-

мени. Через прямое высвобождение рабочего времени из материального производства на основе его планомерного развития, путем сведения необходимого труда до минимума будет расширяться пространство для всестороннего развития трудящихся, все больше увеличиваться время свободной человеческой деятельности, подлинно свободное время.

Таким образом, стирание существенных различий между умственным и физическим трудом, между материальным и духовным видами деятельности станет завершающей ступенью в превращении всего труда во всеобщий, его полным распределении соответственно способностям индивидов. Связывая с этими крупномасштабными перспективами социальную политику, партия особое значение придает «усилению творческого содержания и коллективистского характера труда, повышению его культуры, поощрению высококвалифицированной и высокопродуктивной работы на благо общества. Все это будет способствовать постепенному превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека» [3, с. 151].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч, 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974. 5. Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. 6. Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976. 7. Семенов Е. В. Кооперация деятельности как проблема исторического материализма. Новосибирск, 1983.

Поступила в редколлегию 06.03.86

Е. Р. БАБИЧЕВ

О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул стратегию ускорения социально-экономического развития страны [3]. На XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил: «...ускорение социально-экономического развития страны — ключ ко всем нашим проблемам...» [4, с. 27]. Одним из основных путей ускорения является интенсификация нашей экономики, в том числе и сельского хозяйства. Важнейшее значение придается повышению производительности труда — одному из рычагов подъема сельского хозяйства.

На процесс повышения производительности труда оказывают влияние многие факторы, среди которых особую роль играют социальные.

Классики марксизма-ленинизма указывали на конкретные обстоятельства, условия и пути, обуславливающие развитие производительности труда, динамику ее роста. К. Маркс писал, что

«производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями» [1, т. 23, с. 48]. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин называл следующие условия повышения производительности труда: обеспечение материальной основы крупной индустрии, образовательный и культурный подъем массы населения, повышение дисциплины труда, лучшая его организация, материальное и моральное стимулирование [2, т. 36, с. 187—190].

Как видим, производительность труда поставлена в зависимость от объективных условий производства и от субъективных факторов: развития производительных сил, с одной стороны, и развития производственных отношений, с другой.

Эти положения К. Маркса и В. И. Ленина — методологическая основа для выявления и изучения механизма действия сил, стимулирующих производительность труда, разработки научно обоснованной системы их эффективного использования.

Долгие годы различные вопросы производительности труда изучали преимущественно экономисты, рассматривая в основном материально-технические и экономические факторы ее повышения. Однако научно-техническая революция повысила роль человека в производстве, поэтому интерес к социальным факторам повышения производительности труда стал возрастать.

В нашей экономической и социологической литературе предпринимались попытки проанализировать процесс влияния материально-технического развития производства на социальные отношения. Влияние же социальных факторов на повышение эффективности производства исследовалось недостаточно. Социологи ставили вопрос в самом общем виде, а в большинстве классификаций факторов повышения производительности труда, разработанных экономистами, социальные факторы даже не упоминались. Например, в единой классификации факторов роста производительности труда, приводимой в работе Г. В. Теплова [18, с. 274], социальные факторы отсутствуют. Здесь только названы: повышение технического уровня работников, улучшение организации производства и труда, изменение природных условий, структурные изменения производства, повышение качества продукции, изменение удельного веса новых изделий и др.

В исследовании А. М. Ковалевского также не приводятся социальные факторы роста производительности труда [10, с. 203]. Некоторые из них (повышение средней квалификации работников, укрепление дисциплины труда, распространение передового опыта) указываются в квалификации факторов роста производительности труда, предложенной К. С. Петкевич [11, с. 17]. Не лучше обстояло дело и с классификацией факторов повышения производительности труда в сельском хозяйстве. В. И. Староверов подверг

критике общепринятую в начале 70-х годов классификацию, включающую в себя факторы технического прогресса; факторы организации производства; факторы организации труда; факторы, связанные с природными условиями; факторы структурных изменений и др. [15, с. 49]. В существующей ныне классификации факторов производительности труда, предложенной Госпланом СССР, социальные факторы не учитываются [12, с. 3].

Отсутствие в названных классификациях субъективного фактора не оправдано ни с теоретической, ни с практической точек зрения. Так, А. Г. Аганбегян считает, что «если социальные факторы приводят в действие, производительность труда увеличивается на 20—30 процентов, а иногда даже в два — три раза» [5].

Вместе с тем несправедливо утверждать, что проблеме социальных факторов повышения производительности труда не уделялось внимания. Значительный вклад в ее изучение внесли В. Г. Васильев [9], Л. С. Бляхман [6] и др. Следует отметить сборник под редакцией Л. Н. Когана «Социальные резервы трудового коллектива» [16], где даны классификации социальных резервов и их подробный анализ, а также коллективный труд «Рабочий и инженер» под редакцией О. И. Шкаратана [12], в котором обобщен многолетний труд ученых по изучению сущности и механизма действия социальных факторов повышения производительности труда на промышленных предприятиях, приведены общеметодологические определения понятий «социальные факторы» и «социальные резервы» повышения производительности труда.

Предпринимались также попытки по изучению социальных факторов повышения производительности труда в сельском хозяйстве. Исследованием данной проблемы занимались В. И. Староверов [15, с. 9—57], А. М. Гелюта [17], П. И. Симуш [13], И. М. Слепенков [14], А. А. Бондаренко и И. С. Панченко [8], В. Г. Бондаревский [7]. Так, П. И. Симуш проанализировал такие социальные факторы, как социалистическое соревнование, обеспечение культурного досуга трудящихся, воспитание стремлений молодежи к творческому труду [13]. В коллективной монографии «Социальные факторы повышения производительности труда в сельском хозяйстве», вышедшей под редакцией В. И. Староверова [15], содержатся определения факторов и резервов повышения производительности труда и приведена классификация социальных факторов повышения производительности труда [15, с. 9—57].

И все же, на наш взгляд, проблема социальных факторов повышения производительности труда в сельском хозяйстве изучена недостаточно. Эта проблема имеет свою специфику, так как связана с социально-экономическими, историческими, природными и другими особенностями проявления в аграрной сфере закона роста производительности труда, который в социалистическом обществе выступает в форме закона неуклонного повышения производительности общественного труда.

На уровень и темпы повышения производительности труда в сельском хозяйстве влияет наличие двух форм социалистической

собственности — колхозно-кооперативной и государственной, что определяет различия в сфере производства и распределения. Колхозы и совхозы различаются условиями воспроизводства, распределения и использования рабочей силы, уровнем технического оснащения и организации труда, характером внутриколлективных отношений и взаимосвязей с другими коллективами. Известно, что труд в подсобных личных хозяйствах качественно отличается от труда в общественном производстве. Сказываются также сезонность, перерывы в труде, обусловленные фазами естественного развития сельскохозяйственных культур. К тому же сельское хозяйство в большей степени, чем другие отрасли народного хозяйства, зависит от природных условий. Поэтому закон повышения производительности общественного труда проявляется здесь волнообразно: в неблагоприятные по природным условиям годы темпы роста производительности труда существенно снижаются, в благоприятные — повышаются.

Эти и некоторые другие особенности сельского хозяйства нашей страны предопределяют своеобразный подход к изучению и применению на практике социальных факторов повышения производительности труда, побуждают к разработке особых методик и классификаций указанных факторов. Однако отметим, что изучение данной проблемы базируется прежде всего на общеметодологической основе, изложенной в произведениях классиков марксизма-ленинизма, в документах XXVII съезда партии и Пленумов ЦК КПСС.

Факторы, влияющие на повышение производительности труда, принято разделять на технико-технологические, организационно-управленческие, экономические и социальные. Ряд исследователей, в частности В. И. Староверов [15, с. 9—57; 17], выделяют и естественно-исторические. При изучении социальных факторов предметом исследования служит человек как субъект труда, т. е. человек, функционирующий на производстве. Поэтому в качестве социальных факторов повышения производительности труда следует рассматривать прежде всего характеристики субъекта труда, его трудовой потенциал. По мнению О. И. Шкаратана, в понятие «трудовой потенциал» целесообразно включать: а) психофизиологический потенциал — способности и склонности, здоровье, работоспособность, выносливость, тип нервной системы и т. п.; б) квалификационный объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, обуславливающих способность к труду определенного качества; в) личностный потенциал — уровень гражданского сознания и социальной зрелости, степень усвоения работником норм коммунистического отношения к труду, его ценностные ориентации, социальные интересы, потребности и запросы в сфере труда» [12, с. 11—12].

Формирование, использование, развитие, воспроизводство трудового потенциала осуществляются в различных сферах деятельности разных социальных институтов. Наиболее важной является сфера материального производства. Среди социальных институтов

необходимо выделить семью, систему образования и подготовки кадров. Использование и развитие трудового потенциала в процессе трудовой деятельности выступает одновременно и как воспроизводство, которое обеспечивается учреждениями торговли, бытового обслуживания, здравоохранения. Здесь имеется в виду удовлетворение материальных и духовных потребностей людей.

Следовательно, нужно различать общие и специфические социальные факторы. Общие — это система общественных отношений, главный элемент которой — производственно-экономические отношения, обуславливающие ту или иную меру однородности или неоднородности общества, являющиеся наиболее общими социальными детерминантами повышения производительности труда. Общие социальные факторы выступают определяющими условиями формирования и развития всех трех компонентов трудового потенциала. Специфические факторы формирования и развития трудового потенциала представляют собой проявление общих условий в конкретных подсистемах и ячейках общества.

Итак, социальные факторы повышения производительности труда определяют трудовой потенциал отдельных работников, условия их формирования и воспроизводства. При этом решающая роль принадлежит факторам, действующим в сфере материального производства.

Сравним классификации социальных факторов повышения производительности труда, данные Э. М. Андреевым, А. В. Квитко [16, с. 309—326] и В. И. Староверовым [15, с. 9—57], применительно к сельскохозяйственному производству Э. М. Андреев и А. В. Квитко считают общим основанием для такой классификации тройственную структуру основных социальных отношений: «человек и природа», «человек и человек», «человек и его сознание, деятельность». (Сразу надо оговориться, что авторы приводят классификацию социальных факторов применительно к промышленному производству, но, на наш взгляд, это не имеет принципиального значения, ибо в данном случае мы анализируем общеметодологические основы). В качестве аргументов Э. М. Андреев и А. В. Квитко указывают на основные задачи коммунистического строительства: создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека. Решение этих задач предусматривает: планомерное регулирование социальных результатов научно-технического прогресса (совершенствование социальной и профессионально-квалификационной структуры коллектива, улучшение условий труда и др.); совершенствование социального управления коллективом предприятия (повышение эффективности работы с кадрами, системы стимулирования, социалистическое соревнование и др.); удовлетворение материальных и духовных потребностей, развитие общественной активности, коммунистическое воспитание трудящихся (повышение материального благосостояния, улучшение культурно-бытового обслуживания). Настоящая классификация имеет ряд достоинств, но в ней четко не выделены

социальные факторы, действующие в сфере материального производства.

В. И. Староверов исследует социальные факторы повышения производительности труда применительно к сельскому хозяйству. Его классификация является результатом глубоких социологических исследований. Автор разделил социальные факторы на факторы, обеспечивающие развитие способностей людей (повышение уровня жизни, забота о матери и ребенке, здравоохранение, получение общего образования, улучшение сферы обслуживания и др.), и на факторы, обеспечивающие позитивное отношение к труду и его результатам (улучшение условий труда и производственного климата в коллективе, наличие резервов профессионального роста, моральное и материальное стимулирование и др.).

Значение данной классификации заключается в ее многоплановости и научной обоснованности. Тем не менее первостепенное значение имеют факторы, действующие в сфере материального производства. Не отрицая научной ценности приведенных двух классификаций, более рациональной считаем классификацию В. И. Староверова, согласно которой в первую группу входят социальные факторы, действующие в сфере материального производства, во вторую — обеспечиваемые сферой нематериального производства. Так, к первой группе следует отнести совершенствование социальной организации предприятия, улучшение производственного климата в коллективе, моральное и материальное стимулирование, обеспечение профессионального роста работников, укрепление трудовой дисциплины, социалистическое соревнование, техническую реконструкцию колхозов и совхозов, профориентационную работу, закрепление молодежи в селе и др. Ко второй группе — заботу о матери и ребенке, здравоохранение, гармоничное воспитание, обеспечение общего образования, развитие сферы торговли и обслуживания и др. Подобная классификация, на наш взгляд, правильно отражает степень важности и влияния социальных факторов повышения производительности труда в сельском хозяйстве.

Таким образом, на повышение производительности труда в сельскохозяйственном производстве активно влияет ряд факторов, прежде всего социальных. Классифицируя факторы повышения производительности труда, надо иметь в виду, что решающее значение принадлежит факторам, действующим в сфере материального производства.

Предпринимаемая в настоящей статье попытка дать классификацию социальных факторов повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве, надеемся, свидетельствует в пользу необходимости их более глубокого изучения.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. 4. Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 5. Аганбегян А. Г. Ключевой фактор роста // Правда. 1982. 24 февр. 6. Бляхман Л. С. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973. 7. Бондаревский В. Г. Возрастание роли сельскохозяйственной интеллигенции в развитии производительных сил в условиях развитого социализма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Х., 1976. 8. Бондаренко А. А., Панченко И. С. Социальное развитие современного села // Науч. коммунизм. 1984. № 3. 9. Васильев В. Г. Проблемы повышения производительности труда на предприятиях промышленности и транспорта: Соц.-экон. аспекты. М., 1974. 10. Ковалевский А. М. Перспективное планирование на промышленных предприятиях и в производственных объединениях. М., 1973. 11. Петкевич К. С. Выявление и использование резервов роста производительности труда на предприятиях. М., 1974. 12. Рабочий и инженер: Социальные факторы эффективности труда. М., 1985. 13. Симуш П. И. Сельский трудовой коллектив: Вопросы воспитания. М., 1984. 14. Слепенков И. М. Научно-технический прогресс и особенности труда сельской молодежи. М., 1974. 15. Социальные факторы повышения производительности труда в сельском хозяйстве. М., 1973. Вып. 1. 16. Социальные резервы трудового коллектива. М., 1978. 17. Староверов В. И., Гелюта А. М. Социальный облик рабочего-интеллигента. М., 1977. 18. Теплов Г. В. Теория и практика планирования на промышленном предприятии. М., 1970.

Поступила в редколлегию 05.03.86

Л. А. ТИХОНОВА

АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО СЛУЖАЩЕГО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Одна из актуальных потребностей ускоренно развивающегося социалистического общества заключается в необходимости массовой, нарастающей по темпам, масштабам и качеству реализации комплексного творческого потенциала всех членов общества, рационального использования той созидательной энергии, которая заложена в человеческом факторе. Эта потребность, всесторонне обоснованная в решениях XXVII съезда КПСС, в новой редакции Программы партии, не только превратилась в весомый стратегический ориентир развития, но и воплощается в конкретную практику. И поэтому любой шаг, например, обществоведческий анализ или практические действия трудового коллектива, направленные на обеспечение и стимулирование условий комплексной инициативной общественной отдачи личности или общности людей (будь это первичный производственный коллектив, неоформленная группа, целый общественный слой или класс) имеет важное значение для повышения зрелости общества.

В потенциально деятельном состоянии социального субъекта, трактуемом как «активная жизненная позиция», заложены большие резервы для приведения в действие творческих сил личности и управления этим процессом. Отметим, что в самом понятии

содержится емкий синтезирующий итог развития личности: зафиксировано особое состояние (позиция), с рубежей которого оценивается и прогнозируется система поведения (жизнь), несущая неоднозначно инициативно-деятельный характер (активность). Естественно, в силу интегративной внутренней природы интенсивного вовлечения в толщу социальных процессов такое качественное состояние является особо «чувствительным» к носителю (субъекту активной жизненной позиции) и конкретно-историческим условиям окружающей действительности, в рамках которых она разворачивается. В данном случае рассматриваются некоторые аспекты усиления активной жизненной позиции молодежи (группа служащих — неспециалистов) в условиях решения переменных задач по достижению качественного нового состояния общества.

Анализируя категорию и реальный объект «активная жизненная позиция», обществоведы по-разному трактуют ее сущность, определяющие системообразующие свойства. Среди многочисленных вариантов осмысления названной категории правомерно выделить несколько основных подходов. Например, активная жизненная позиция определяется как особое развернутое нравственное состояние (процесс, продукт или сложносоставное качество) [3, с. 155; 10, с. 6]. Рассматриваемый феномен дефинируется также наряду с признанием за ним права быть показателем моральной зрелости личности, как нацеленное социально обусловленное, воспринимающее и преобразующее отношение личности к окружающей действительности [8, с. 195]. Сюда же примыкает точка зрения тех, кто определяет активную жизненную позицию как способ социального поведения группы, борьбу за удовлетворение ее интересов [4; 5; 9; 11]. Кроме того, под активной жизненной позицией понимается не столько «внешняя» социальность поведения, сколько его внутренняя «сквозная» взаимообусловленность как интегральное качество через единство знаний, убеждений и действий, «когда нравственные потребности пронизывают всю систему побудительных факторов жизнедеятельности личности» [6, с. 149; 7, с. 15]. Обозначены и другие плодотворные, подчас нетрадиционные попытки моделирования указанного феномена в качестве одной из особых специфических форм более емкого родового образования — жизненная позиция [9, с. 16, 18].

Перечисленные и многие другие подходы в основном (при всей реальной неоднозначности понимания сущности активной жизненной позиции) одинаковы, поскольку не сводят данное явление к некой одномерной субстанции; напротив, постоянно варьируется идея о сложности изучаемого объекта, о наличии в нем нескольких взаимосвязанных сторон. Вместе с тем, рассматриваемый феномен системен по своим признакам, внутренней природе и характеру движения (функционирования и развития). Проанализируем те его моменты, в которых содержатся резервы для оптимизации и управления этим сложным объектом.

Возникает вопрос, какой из опорных, исходных элементов (познание, жизнь как неисчерпаемый многообразный объект

субъективации индивида или активность) является несущим звеном, определяющим в конечном счете природу исследуемой системы. Здесь нужно учесть, что существует ряд обобщающих характеристик взаимодействия личности и общества (целостность, социальная активность, нравственная зрелость, хозяйское отношение к общему делу, коммунистическая сознательность и др.), которые достаточно емко выражают многие духовно-психологические и поведенческие качества, отнесенные учеными непосредственно к активной жизненной позиции. По данным социологических исследований, проведенных учеными ИСИ АН СССР в 1981—1984 гг., в широких кругах носителей активной жизненной позиции (молодежь) преобладают следующие суждения: 57,1 % молодых людей считают, что такая позиция есть прежде всего сознательное отношение к общественному делу; 76 % юношей и девушек полагают, что активная жизненная позиция должна проявляться во всех сферах трудовой общественно-политической и духовной деятельности; каждый пятый (19,8 %) подчеркнул, что в это интегральное качество должны быть непременно включены новаторство, инициативный подход к выполнению производственных заданий и общественных поручений [12, с. 6].

Думается, что среди нормативных элементов системы «активная жизненная позиция» ключевым, придающим качественную определенность всему объекту является элемент «позиция». Именно в нем фиксируется диалектически противоречивый и индивидуально неповторимый миг «встречи» личности и общества, непосредственной реакции на общественные цели, задачи и потребности через выработку живой, полнокровной модели поведения. Социальная практика и ее наиболее адекватные теоретические обобщения, воплощенные в учении марксизма-ленинизма, решительно опровергают тезис о том, что путь к производству личности с новым осознанием и поведением лежит через самонаблюдение, самоусовершенствование, вне и независимо от общественных отношений. Человек действует, решает актуальные или перспективные задачи, поставленные ходом истории или уточненные текущими установками и ориентирами общества. В этом процессе достигается необходимое единство саморазвития и детерминирующего влияния социальной среды, в результате которого продуцируется новое качественное состояние личности: сознательная внутренняя мобилизация всего потенциала социального субъекта на уяснение и творческое разрешение задач, заостренных сегодняшней обстановкой в обществе, приведением в действие ресурсов, позволяющих оптимизировать и ускорять прогресс общества. Другими словами, активная жизненная позиция как качество личности имеет жизнеспособный смысл не только как некая абстракция, собирательная характеристика, а как высокий субстрат живого полнокровного действия, могучий импульс комплексной общественно-исторической и в то же время конкретно-исторической реализации личности, ее общности.

На современном этапе развития нашего общества молодому поколению важно осмыслить свою причастность к общему делу и решать насущные задачи с позиций революционно-творческого, всестороннего восприятия и преобразования действительности. В начале 80-х годов одним из весомых компонентов активной жизненной позиции стало качество «социалистической воспитанности», аккумулирующее в себе высокую гражданскую отзывчивость человека, когда ему безразличны не только собственные трудовые успехи, благополучие, авторитет, но и дела товарищей по работе, трудового коллектива, всей страны [2, с. 235]. В новой редакции Программы КПСС сказано: «Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижениях» [1, с. 24—25]. Таковы несущие звенья сложной конструкции расширенного воспроизводства и осуществления активного социального потенциала человека.

Некоторые проблемы реальной сформированности активной жизненной позиции (главным образом ее определяющих структурных элементов) и возможные направления совершенствования этого деятельного качества выяснены нами путем целевого изучения общественного мнения молодых служащих-неспециалистов. Всего по специальной программе и инструментарию были изучены суждения и предложения 1112 молодых людей в возрасте до 30 лет, сконцентрированных в нескольких типичных социально-профессиональных подгруппах: парикмахеры, продавцы, телефонисты, контролеры ОТК, распределители работ, операторы вычислительных машин и т. д. В данной статье за основу анализа взяты обобщенные точки зрения представителей трех первых групп (выборка 355 чел.). Большинство опрошенных удовлетворены своей повседневной работой (75,6 % молодых парикмахеров, две трети продавцов и половина телефонисток). Так, 55—61,5 % молодежи под активной жизненной позицией понимают прежде всего безукоснительное выполнение профессионального долга («работать честно, дисциплинированно, качественно, выполнять и перевыполнять производственные планы»); 15,3 % телефонисток, 26,2 % продавцов и 30,7 % парикмахеров неразрывно связывают активную жизненную позицию с инициативным творческим отношением к работе; почти половина телефонисток (46,1 %), треть продавцов и каждый четвертый молодой парикмахер — сторонники комплексного понимания указанного феномена и убеждены, что нельзя считать активную жизненную позицию сформированной без широкого участия человека во всех делах трудовой ассоциации. Отметим, что названные параметры оценки согласуются и с суждениями других групп молодежи, опрошенных московскими социологами. В то же время некоторые опорные компоненты активной социальности молодежи представлены не столь емко. Например, только 9—10 % опрошенных (по всем группам) считают, что творческое отноше-

ние к общественным поручениям имеет общественную значимость; 9—17 % — готовы личным примером и через деятельное участие в самоуправляемых органах коллектива формировать у товарища, других членов коллектива хозяйское отношение к труду и общественному достоянию; 15,6—20 % — глубоко осознают необходимость бескомпромиссной борьбы со всем старым, косным, нарушениями дисциплины, отклонениями от социалистических норм.

Оценивая существующее положение дел в коллективе и наличие проблемных ситуаций, тормозящих его развитие, молодые работники считают определяющими не столько традиционные соотношения между проблемной направленностью действий, сколько острую потребность (или, напротив, отсутствие таковой) в реальном коллективе. Поэтому мнения представителей рассматриваемых групп разделились: телефонистки на первый план выдвинули необходимость борьбы с равнодушием, грубостью, хулиганством, рвачеством (49,5 %) и укрепление сплоченности, взаимной ответственности членов коллектива (43,5 %). Подчеркивая значение последнего компонента анализируемого феномена (41,5 %), опрошенные особо выделили «усиление творческого, заинтересованного отношения членов коллектива к делу» (35,1 %). Большинство молодых парикмахеров (51,6 %) указали на остроту задач по укреплению сплоченности и взаимной ответственности и лишь 21—24 % назвали другие задачи. Представители всех групп высказались (11—12 % опрошенных, а среди парикмахеров — 21,7 %) за необходимость повышения своей профессиональной квалификации, а 18—19 % — и культурно-эстетической образованности. Отметим, что 5—7 % молодых работников считают целесообразным для усиления активной комплексной отдачи молодежи развивать социалистическое самоуправление, искать и внедрять механизмы, позволяющие справедливо и принципиально оценивать индивидуальный вклад каждого в общее дело.

На наш взгляд, показательна и та сторона реально сформированной активной жизненной позиции, которая связана с конкретной борьбой молодежи, к примеру, с отклонениями от правовых норм. Здесь обозначились несколько типичных линий поведения. Так, 28,9—31,2 % молодых работников публично, прежде всего на собраниях коллектива, высказывают обличительную точку зрения на проступки и нарушения. Многие (31,2 % парикмахеров, 23,2 % телеграфистов, 19 % продавцов) предпочитают нелицеприятный разговор наедине с теми, кто совершил проступок. Некоторые предпочитают действовать опосредованным путем: стремятся сорентировать идейно-воспитательную работу в коллективе таким образом, чтобы в ней чаще заострялись вопросы, способствующие преодолению проступков (так поступает каждый шестой продавец, каждый тринадцатый телеграфист и каждый восемнадцатый парикмахер). Столь же опосредованно — личным примером безукоснительной нравственности — пытаются воздействовать на нарушителей правовых норм 10—13 % опрошенных. Есть и молча-

ливое меньшинство: они хотя и осуждают проступки товарищей, но молчат (15,2 % парикмахеров, 16,3 % продавцов, 26,3 % телефонистов). Наконец, есть большая группа «индифферентных» (10 %), позиция которых заключается в следующем: «никак не реагирую, это дело руководителей и общественных организаций».

С целью полнокровного — не обедненного набором альтернативных вариантов — познания приоритетов молодежи в исследовании предусматривались несложные социологические упражнения. На основе предварительного изучения общественного мнения (27 интервью с представителями различных групп молодых служащих) были разработаны пять возможных случаев (образов) социального поведения молодого служащего. В каждом из них заложены профессиональные, общественные и духовные устремления личности. Эти образы не идеальные: в них высокая профессиональная активность молодого служащего сочетается с пассивностью в общественной работе и наоборот. Затем, используя 5-балльную шкалу, было рекомендовано респондентам определить наиболее предпочтительный для них образ. Приведем содержание образов.

1. Работник имеет хорошие способности и высокую квалификацию. Инициативен, целеустремлен, решительно борется с недостатками, нетерпим ко всему, что мешает делу. Но в общественной жизни коллектива пассивен, общественные поручения выполняет без интереса и инициативы. Свободное время использует для повышения профессионального уровня. Искусством, литературой не интересуется. Каких-либо увлечений у него нет.

2. Работник имеет достаточно высокую квалификацию, стремится быть активным в производственной и общественной жизни коллектива. Охотно берется за любое дело, стремится работать творчески, выполнять любые поручения, но делает это нецелеустремленно, старается не вмешиваться в конфликтные ситуации, хочет быть со всеми в хороших отношениях. Свой профессиональный уровень повышает непоследовательно, от случая к случаю. Имеет много увлечений, в свободное время охотно общается с друзьями.

3. Работник имеет умеренные способности и среднюю квалификацию. Но постоянно повышает профессиональный уровень, зачастую обращается за помощью к товарищам и всегда готов им помочь. Откровенно выражает свою позицию по всем острым проблемам в жизни коллектива.

4. Работник имеет слабые способности и квалификацию. Работает не по призванию, в силу обстоятельств, но не намерен менять специальность или место работы. Настойчиво стремится овладеть специальностью, много энергии отдает коллективу: постоянно и заинтересованно участвует в деятельности по улучшению организации социалистического соревнования, внедрению полезных предложений своих товарищей, в воспитательной, организаторской и культурно-массовой работе. Если сталкивается с недостатками, отклонениями от норм морали, публично не выступает, а высказывает свое мнение наедине с тем, кто совершил проступок. В сво-

бодное время много работает над повышением духовного и профессионального уровня.

5. Работник надежен, исполнительен, достаточно грамотен. Характерная его черта — равномерность. Он делает все в меру, взвешенно, продуманно. В меру активен в труде, в меру поддерживает предложения своих товарищей, в меру участвует в общественной жизни коллектива. Но делает все это без особого интереса и инициативы. Свободное время проводит также размеренно: в меру занимается повышением квалификации или другими делами. Устойчивых увлечений нет.

Анализ результатов решений данной социологической задачи показал, что подавляющее число молодых людей категорически предпочло модель социального поведения 3. Именно этот образ жизнедеятельности, по мнению 85 % респондентов, заслуживает оценок «5» и «4» (средний балл по трем группам равен 4,25—4,56). Отметим, что среди респондентских групп нет единодушия. Молодые парикмахеры высоко оценили образ 2 (средний балл — 3,84, ранговое место — 2-е), в то время как другие респондентские группы «вывели» на 2-е место образ 4 (соответственно средние баллы 3,67 и 3,91). Что касается нижней части шкалы предпочтений, то продавцы ниже всех других оценили образ 1 (средний балл — 1,94, 5-е ранговое место), а телефонисты и парикмахеры — образ 5 (средние баллы — соответственно 1,93 и 1,57).

Взятые в совокупности размышления молодых служащих позволяют выявить следующие проблемные ситуации. Во-первых, выделяются такие черты характера молодого человека, как коллективизм и боевитость, даже если они проявляются на базе заданного высокого профессионализма (талант, способности и т. д.), последовательно приобретаемого. Неудивительно, что образ жизнедеятельности 1, носитель которого совмещает высокую квалификацию и равнодушие к делам коллектива, ценится низко, в то время как образ 3 (работник, обладающий умеренными способностями, но работающий системно, активно, как бы «открытый» делам и заботам коллектива) имеет высокую оценку. Во-вторых, престижным является творческое начало в деятельности молодых служащих. Это вполне понятно, поскольку повседневный труд парикмахеров, телеграфистов и продавцов носит в основном характер индивидуального контактного обслуживания, где само по себе творчество выступает продуктом индивидуальной мобилизации сущностных сил личности. Но тяготение к творчеству является (и это подтверждает проведенный срез общественного мнения) пока потенциальной, может быть, даже прогностической плоскостью деятельности молодежи.

Очевидно, именно поэтому навыки гибко и полнокровно соотносить свою позицию и ориентацию с запросами, ожиданиями общества — важный фактор воспитания и расширенного формирования комплексной творческой отдачи молодежи. Именно поэтому кажется тревожной столь невыдающаяся роль, которую придают рядовые молодые члены коллективов служащих само-

управляемым механизмам развития совместного труда, общения и досуга. Можно допустить, что причины сложившегося положения заключаются в некоторой некомпактности, разбросанности рабочих мест, слабой осведомленности о сущности механизма самоуправления и даже в неверии в свои силы. Важно уже сейчас наряду с утверждением таких рычагов наращивания творческой активности, как индивидуальные, персональные планы, паспорта, лицевые счета экономии, внедрять и более «коллективистские» нормативные документы, разработать на основе совместно изобретенных обязательств социальной ответственности коллектива мероприятия по активизации жизненной позиции молодых служащих.

Список литературы: 1. *Программа Коммунистической партии Советского Союза* (Новая редакция). М., 1986. 2. *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. М., 1983. 3. *Высотина Л. А.* Формирование активной жизненной позиции молодого рабочего в трудовом коллективе // *Активная жизненная позиция молодежи*. М., 1980. 4. *Джафарли Т. М.* Активная жизненная позиция и духовное развитие личности // *Вопр. филос.* 1981. № 6. 5. *Жихарева З. А.* Активная жизненная позиция: сущность и черты // *Формирование активной жизненной позиции*. Челябинск, 1981. 6. *Плакий С. И.* Активная жизненная позиция молодого советского рабочего: единство знаний, убеждений, действий // *Активная жизненная позиция молодежи*. М., 1980. 7. *Соколова Г. В.* Социализация и активная жизненная позиция: некоторые черты единства // *Формирование активной жизненной позиции молодежи*. Челябинск, 1981. 8. *Социалистический образ жизни*: Справочник. К., 1985. 9. *Таран Г. Е.* Активная жизненная позиция строителя коммунизма // *Вестн. Моск. ун-та*. Сер. 12. 1981. № 1. 10. *Титов В. А.* Активная жизненная позиция молодого человека. М., 1979. 11. *Фролов Н. В.* Особенности активной жизненной позиции нового человека // *Формирование активной жизненной позиции*. Челябинск, 1981. 12. *Аргументы и факты*. 1984. № 49.

Поступила в редколлегию 07.03.86

С. В. БАТЮШКО

УСИЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИСТСКИХ ОСНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВОИНСКОГО ТРУДА

Стратегический курс на ускорение социально-экономического развития нашей страны предусматривает, в частности, глубокие перемены в содержании и характере социалистического труда [3, с. 139]. При исследовании этих преобразований все большее внимание уделяется социологическому анализу коллективистских основ трудовой деятельности, поскольку именно такой анализ обеспечивает решение научно-теоретических проблем перестройки всей системы общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах. Поэтому развитие теории коллективизма социалистического труда в значительной степени способствует реализации программой цели КПСС — достижению нового качественного состояния общества — и является одной из насущных задач марксистско-ленинского обществоведения в современных условиях.

Развитие социалистического воинского (ратного*) труда, под которым понимается вся целенаправленная, многообразная деятельность военнослужащих армии и флота по поддержанию высокой боевой готовности войск, обеспечению безопасности страны и созданию мирных условий для совершенствования социализма, требует глубокого теоретического осмысления социально-экономической природы, специфики социалистической воинской деятельности, ее влияния на углубление социально-экономической однородности труда, на динамику социально-классовой структуры социалистического общества.

Знание закономерностей развития коллективистских основ социалистического воинского труда позволяет на каждом данном этапе эволюции военного дела правильно предвидеть и определять наиболее эффективные способы и формы ведения боевых действий по защите социалистического Отечества: умело решать проблему научной организации ратной деятельности; глубже осознавать и использовать воспитательные возможности воинского труда; вести аргументированную критику антимарксистских концепций, извращающих природу социалистического коллективизма и интерпретирующих ее с крайне реакционных позиций.

Изучение закономерностей развития коллективизма социалистического воинского труда занимает видное место в работах советских ученых-обществоведов [см.: 5; 8]. При этом, если раньше в их исследованиях преобладали методы описания, анализ эмпирического материала на основе количественных оценок, то сейчас на первый план выдвигаются методологические проблемы теории коллективистских основ социалистического ратного труда.

Социалистический коллективизм, как известно, проявляется в совокупности базисных и надстроечных общественных отношений, во всех сферах жизнедеятельности дружественных классов и наций, социальных групп и многообразных трудовых, воинских и других коллективов. Материальные основы такого коллективизма кроются прежде всего в характере и содержании трудовой деятельности людей, в том числе и в сфере воинского труда.

Методология подхода к определению характера и содержания социалистического воинского труда содержится в работах основоположников научного коммунизма, которые исходили из того, что каждый способ производства представляет собой в такой же мере отношение индивидов друг к другу, в какой и их определенное действительное отношение к природе [1, т. 46, ч. 1, с. 485]. Отсюда и возникает необходимость рассмотрения труда с социально-экономической стороны, т. е. с позиции взаимоотношения людей в процессе трудовой деятельности, и с производственно-технической стороны. В первом случае речь идет о характере труда, во втором — о его содержании.

* Ратный, к рати относящийся, воинский, военный, боевой (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1950. Т. 4. С. 86).

Пользуясь аналогией, мы имеем возможность дать определения характера и содержания социалистического воинского труда. Такая аналогия допустима, на наш взгляд, поскольку между созидательным и ратным трудом в условиях социализма существует органическое единство. Это единство проявляется в том, что, во-первых, воинский труд, как и труд созидательный, базируется на общественной социалистической собственности, на единой с ним социально-экономической основе. Во-вторых, и ратный, и созидательный труд советских людей направлены на дальнейшее укрепление могущества социалистической Родины, всемерное упрочение ее позиций на международной арене.

Следовательно, определить характер воинского труда — значит показать те специфические особенности в отношениях между военнослужащими в процессе их ратного труда, а также в отношениях между ними и всем социалистическим обществом, которые обусловлены прежде всего общественной собственностью на средства производства и господством социалистических производственных отношений.

Содержание воинского труда, в свою очередь, отражает уровень развития его вещественных и личных факторов, а также степень развития в процессе этого труда технологических отношений, которые возникают в результате последовательности и взаимозависимости трудовых функций различных военных специалистов, выполняемых ими при эксплуатации военной техники. Поэтому оружие и военную технику можно рассматривать как особую разновидность вещественных факторов, как средства целесообразной деятельности в сфере ратного труда. Характер и содержание воинского труда всегда находятся в диалектическом единстве, между ними существует прямая и обратная связь. Первичным выступает содержание труда, вторичным — его общественная форма, характер труда, который оказывает активное влияние на весь процесс воинской деятельности.

Коллективистские основы воинского труда будут определять не его содержание, не технологические, «вещные» процессы, а характер труда, интегрирующий те коренные формы социальной связи и отношений между людьми, которые, формируясь на основе социалистической общественной собственности, становятся отношениями коллективизма. Усиление коллективизма социалистического воинского труда в современных условиях обусловлено возрастанием его непосредственно общественного характера. Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их в непосредственно общественной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом» [1, т. 20 с. 321].

Непосредственно общественный характер воинского труда проявляется в том, что его организация и функционирование непосредственно регулируются обществом в лице социалистической

государства и, кроме того, этот труд не столько для себя, сколько для всех членов общества. В ратном труде, пожалуй, как в никаком другом, определяющими являются не материальные, а моральные мотивы и стимулы. Слияясь с непосредственно общественным трудом советского народа, он воплощает в себе всеобщую цель совокупного труда — совершенствование социалистического общества и организацию его защиты. Степень зрелости и полноты непосредственно общественного характера социалистического воинского труда, а значит и его коллективизма, будет повышаться вместе с трудом всего советского народа по мере реализации стратегического курса партии: через ускорение социально-экономического развития к достижению нового качественного состояния общества.

Коллективистский характер социалистического воинского труда проявляется также и в том, что в процессе данного труда рождается новая социалистическая дисциплина. Предпринимаемые партией энергичные меры по наведению должного порядка во всех сферах общественной жизни благоприятно сказываются и на дисциплине в армии и на флоте. Усиление дисциплины ратного труда, базирующейся на высокой идейной убежденности, общности коренных социально-политических и экономических интересов личного состава, сплачивает военнослужащих в прочный коллектив единомышленников.

В укреплении материальных основ развития и совершенствования коллективизма социалистического воинского труда существенное значение имеет тот факт, что воинская служба является почетной обязанностью советских граждан, достигших призывного возраста. В социальном плане такая обязанность означает общественное признание ратного труда важнейшим видом деятельности. В условиях обострения международной обстановки, безудержной гонки вооружений, подстегиваемой современным империализмом, значение ратного труда для судеб социализма и всего мира непрерывно возрастает. На наш взгляд, правомерно утверждать, что повышение роли воинского труда в жизни нашего общества выступает ныне моментом единого, целостного процесса совершенствования социалистического общества, сердцевиной которого является развитие труда совокупного работника. Коллективистский характер социалистического воинского труда определяет и коллективистские принципы его научной организации и принципы строительства армии нового типа, которые тесно связаны с общими принципами организации социалистического производства, партийного и государственного строительства. «Строительство нашей армии,— отмечал В. И. Ленин,— только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства...» [2, т. 40, с. 76—77].

Главным принципом советского военного строительства является партийное руководство Вооруженными Силами. Партия осуществляет политическое, экономическое и военное руководство

строительством Вооруженных Сил, оказывает организующее и направляющее влияние на усиление коллективистского характера социалистического воинского труда, идейно-политическое сплочение личного состава, укрепление единства армии и народа.

Возрастание коллективизма в воинской деятельности обеспечивается и другими принципами строительства армии нового типа классовым подходом к военному строительству, пролетарским интернационализмом, централизацией управления, единоначалием. Все эти принципы определяют социально-политические и организационные основы современной социалистической армии и вместе с тем создают необходимые объективные и субъективные предпосылки для ее превращения в единый социальный организм, в целостный и сплоченный коллектив вооруженных защитников мира.

Таким образом, усиление коллективистских основ воинского труда в социалистическом обществе обусловлено прежде всего социальной природой социализма, непрерывным изменением характера труда воинов. Членов больших и малых коллективов советских военнослужащих сплачивает ратный труд и его высокое предназначение — вооруженная защита завоеваний трудящихся. Отношения между народом, единым и безраздельным хозяином общественного богатства, и социалистической армией, неразрывной частью этого народа, характеризуются все более глубоким и органическим единством.

На конкретные проявления усиления коллективизма влияют характер и содержание ратного труда. Содержание социалистического воинского труда непосредственно определяет организационные формы связи между людьми по поводу эксплуатации оружия и военной техники. Указывая на объективную зависимость форм военной организации от технических средств вооруженной борьбы, К. Маркс отмечал, что «с изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия...» [1, т. 6, с. 441—442]. А поскольку «труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает» [1, т. 4, с. 152], оружие и боевая техника не могут не оказывать влияния на конкретные формы проявления в нем коллективизма. Более того, формы взаимодействия и связей людей нельзя уяснить достаточно глубоко без анализа конкретного содержания этого труда, используемой техники и уровня ее развития. Во взаимодействии человека и военной техники исследователи выделяют ряд закономерностей [8, с. 80—109]. Развитие военной техники рассматривается как процесс непрерывного совершенствования основных боевых функций ратного труда воина (поражения противника, доставки боевого средства, его транспортировки и управления им) и их последовательного овеществления, материализации в ней.

Современный технический прогресс позволяет передать военной технике и оружию практически все функции ратного труда чело-

века. Однако это не свидетельствует о полном освобождении человека от участия в вооруженной борьбе. Его роль в решении боевых задач неуклонно возрастает. Причем существенно изменяется содержание ратного труда воина: высвобождаясь от непосредственных энергосиловых, простейших счетно-измерительных операций, он берет на себя функции контроля, общего управления автоматизированными комплексными техническими военными устройствами.

В процессе воинского труда человек выступает как субъект, а военная техника и оружие — как специфическое орудие этого труда. Современная научно-техническая революция диктует новые формы функциональных связей между ними, что влияет на межличностное взаимодействие людей в рамках единой системы «человек — оружие и военная техника». Это взаимодействие можно рассматривать в двух аспектах — организационно-тактическом и организационно-технологическом [6, с. 42—48]. В первом случае речь должна идти о характере взаимодействия воинов, применяющих военную технику и оружие в интересах выполнения единой тактической задачи. Здесь результативность взаимодействия проявляется главным образом на конечной стадии «боевого цикла» применения техники и оружия (например, взаимная поддержка при поражении противника бомбовыми ударами авиацией). Второй аспект предполагает рассмотрение тех процессов взаимодействия, которые обеспечивают непосредственно боевой цикл, т. е. технологию его осуществления. В этом случае взаимодействие выступает как совокупность технологических операций по обслуживанию оружия и военной техники, используемых в бою.

Нынешний этап развития военного дела характеризуется переходом от применения отдельных образцов оружия и техники, автономно решающих ту или иную боевую задачу, к комплексам вооружения с большим количеством взаимосвязанных боевых и обеспечивающих элементов, которые конструктивно или функционально входят в единую систему оружия. Этот качественно новый уровень развития военной техники и оружия обуславливает и глубокие изменения в формах организации их обслуживания, а значит, и взаимодействия личного состава. Среди таких изменений прежде всего следует отметить резкое расширение сферы технологического взаимодействия личного состава, которое по масштабам и значимости можно сравнить с организацией взаимодействия воинов при решении тактических и даже оперативно-стратегических задач. Если раньше разрыв в технологической цепочке взаимосвязанных операций военнослужащих (например, при обслуживании артиллерийского орудия) не мог решающим образом повлиять на общий исход выполнения тактической задачи пехотного батальона или полка, то в современных условиях подобный технологический сбой может вызвать тяжелые последствия.

На усиление коллективизма ратного труда оказывает влияние не только развитие военной техники и оружия и связанные с ними изменения в характере технологического взаимодействия, но и

совершенствование субъективного фактора процесса ратного труда. В настоящее время более заметным становится процесс углубления интеллектуализации воинского труда, который в свою очередь выдвигает ряд новых проблем и в области технологического взаимодействия всех его участников. Навыки группового коллективного взаимодействия значительно легче формируются на уровне элементарных физических операций, нежели в сфере умственного труда. Регулирование и координация коллективного взаимодействия при совершении физических операций осуществляются на базе относительно простых форм психического отражения (ощущения, восприятия, представления), несложных и хорошо освоенных алгоритмов рабочего процесса. Несравненно более высокие требования к коллективу предъявляет совместный ратный труд, основанный на большом числе сложных мыслительных операций. Для того, чтобы наглядней убедиться в этом, достаточно, допустим, сравнить действия экипажа самолета времен второй мировой войны и современного летательного комплекса. Даже количество операций по обслуживанию и эксплуатации самолета здесь возрастает десятикратно. Значительно повышается и объем информации, уровень ее математической обработки при производстве штурманских и других расчетов.

Неуклонно возрастает и напряженность воинского труда, а вместе с нею повышаются и требования коллективного взаимодействия. Как известно, современные военно-технические комплексы насыщаются большим количеством приборов вождения, наблюдения и стрельбы, весьма сложных по устройству и требующих большого числа технологических операций по их эксплуатации, обслуживанию и ремонту. Если при этом принять во внимание чрезвычайно высокие скоростные показатели военной техники, быстротечность и динамичность боевых действий, все более жесткую регламентацию функций и нормативов ратного труда, то станут вполне очевидными причины повышения напряженности воинского труда, усиления его коллективизма.

Усиление коллективистских основ воинского труда связано с процессами его дифференциации. В сравнении с периодом второй мировой войны число боевых специальностей в армии возросло в 8—10 раз, а общее их количество превысило 2 тыс. [4]. Бурный процесс разделения воинского труда характерен для частей и подразделений, обслуживающих сложные системы оружия, где практически каждый специалист обладает комплексом знаний, навыков и умений. Организация взаимодействия в такой технологической цепочке представляет определенные трудности, но более сложной является проблема взаимозаменяемости специалистов, совмещения их функций. Последнее, как известно, составляет необходимое условие обеспечения высокой жизнеспособности, надежности системы оружия в целом. Отсюда объективно вытекает необходимость интеграции боевых профессий, а следовательно, и более гибкой организации функционального взаимодействия военнослужащих.

При анализе эффективности и усиления коллективного взаимодействия воинов нельзя не учитывать конкретных условий воинского труда, среды обитания. Типичным для личного состава, обслуживающего военную технику, являются действия в относительно замкнутых, изолированных пространствах — кабинах, отсеках, боевых постах, рубках. Боевая работа нередко протекает при повышенном или пониженном атмосферном давлении, в условиях кислородного голодания, перегрузок, вибраций, шумов и т. д. Дискомфортность среды обитания так или иначе сказывается на самочувствии людей и их работоспособности, подвергая серьезному испытанию на прочность складывающиеся между ними коллективистские отношения.

Наконец, решающее воздействие на прочность коллективистских основ воинского труда может оказать обстановка современного боя. Применение мощных и дальнобойных средств поражения, неизмеримое увеличение пространственного размаха боевых действий, нарушение процессов управления, массовые потери — все это значительно повышает требования к морально-политической и психологической стойкости войск, к духовным и волевым качествам воинов, их внутренней сплоченности, взаимной поддержке при решении сложных боевых задач.

Таким образом, в реальных условиях воинской деятельности перечисленные факторы коллективного взаимодействия воинов, вытекающие из специфики содержания ратного труда, выступают в комплексе с социальными факторами, обусловленными характером воинской деятельности, и образуют единую органичную систему. В настоящее время, когда «особое значение партия придает усилению творческого содержания и коллективистского характера труда» [3, с. 151], повышение эффективности функционирования этой системы представляет собой важную задачу укрепления боевого потенциала Советских Вооруженных Сил.

Коллективность всегда являлась одной из характерных черт воинской деятельности и демонстрировала открытый К. Марксом «эффект массовой силы». «...Сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты, — писал он, — существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы...» [1, т. 23, с. 337]. Масштабы действительного проявления этой силы определяются не только характером и содержанием ратного труда, но и классовым самосознанием, идейной убежденностью людей, владеющих боевым оружием. «Во всякой войне, — подчеркивал В. И. Ленин, — победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [2, т. 41, с. 121]. Положение о решающей роли социального фактора в усилении коллективистских основ современного ратного труда ориентирует нас на то, что решение любых задач — политических, боевых, технических — нужно начинать с подготовки людей, сосредоточивая внимание на их обучении и идейном воспитании.

В армии и на флоте служат представители всех классов и социальных групп, всех национальностей и народностей нашей страны. Непрерывно усиливающийся коллективизм ратного грядущего роднит их между собой, способствует выработке общих психологических черт, чувств дружбы, братства, товарищества, дальнейшего укреплению морально-политического единства и формированию полной социальной однородности социалистического общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Беленький Ю. Точный прицел // Комсомольская правда. 1986. 17 янв. 5. Воробьев К. А. Вооруженные Силы развитого социалистического общества. М., 1980. 6. Ковалев В. И. Социалистический воинский коллектив. М., 1980. 7. Коробейников М. П. Роль офицерских кадров в формировании и сплочении воинских коллективов. М., 1978. 8. Пупко А. Б. Сущность средств и способов вооруженной борьбы и закономерности их развития. М., 1982. 9. Средин Г. В., Волкогонов Д. А., Коробейников М. П. Человек в современной войне. М., 1981.

Поступила в редколлегию 11.03.86

В. А. КОЛОМИЙЦЕВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Вопрос о повышении уровня общественной активности носит принципиальный характер и рассматривается КПСС как одно из главных направлений политической жизни социалистического общества на этапе его всестороннего совершенствования.

В новой редакции Программы партии подчеркивается необходимость формирования гармонически развитой личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, проявляющей общественную активность, сознательно отдающую свои силы строительству нового общества [3, с. 51].

Философское понятие активности означает коренное свойство материи. Это — родовое понятие по отношению к общественной, социальной активности. Последняя же характеризует социальную форму движения материи, интенсивность ее развития, способность и меру реакции социальных субъектов на окружающие условия.

В широком смысле слова активность присуща всему живому и выражает способность организма приспосабливаться к окружающим условиям. В узком смысле слова — на уровне социальных форм движения материи, активность личности и ее общностей направляется уже не только на приспособление к среде, но и на приспособление среды к своим осознанным потребностям, т. е. носит осознанный социальный характер. Здесь движение становится деятельностью, приобретая субъективно-объективную форму.

Выражая интенсивность проявления социальной дееспособности человека, «меру развития сущностных сил социального субъекта» [12, с. 27], социальная активность составляет главное в характеристике личности как субъекта общественных отношений. Она выступает доминантой (мерой, уровнем, степенью) включенности человека в систему общественных отношений, показателем сознательного участия личности в решении общественных задач. Любые сферы практики субъекта по своей сущности — деятельность общественная, а личность — существо социальное, значит, любая активность носит общественный, социальный характер. Отсюда следует вывод, что видов общественной активности насчитывается столько, сколько существует видов социальной деятельности.

Рассматривая феномен социальной активности, советские философы и социологи по-разному подходят к определению ее видов, но все без исключения включают в их число политическую активность.

Политическая активность членов общества исследуется в трудах классиков марксизма-ленинизма и документах КПСС. Вопросы социальной и политической активности анализируются также в работах многих советских социологов и философов*. Им посвящены монографии и специальные статьи Е. А. Ануфриева, Л. М. Архангельского, Л. П. Бугеовой, Ю. Ф. Бухалова, Т. П. Богдановой, В. Х. Беленького, В. В. Варчука, Ю. Д. Воробьева, Ю. Е. Волкова, А. С. Капто, А. В. Ключева, Л. Н. Когана, Л. Т. Кривушина, В. Г. Мордковича, Д. З. Мутагирова, П. П. Станкевича, Е. Я. Якубы и др. Различные аспекты политической активности рассматриваются в работах Б. Г. Ананьева, В. Т. Афанасьева, А. К. Белых, Г. Е. Глезермана, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона, П. Н. Федосеева, А. Г. Харчева, Л. И. Уманского, В. А. Ядова и др.

Вместе с тем в научной литературе нет единого понимания категории «политическая активность», «общественно-политическая активность». Так, активность комсомольцев и молодежи исследуется путем анализа результатов выполняемых ими общественных поручений [9, с. 36], активность трудящихся — анализа их участия в работе различных общественных организаций, функционирующих, как правило, на основе оформленного членства и выборности руководящих органов [8, с. 67—68]. Ряд авторов, определяя общественную активность, делают акцент на управленческом аспекте

* Так, Е. А. Ануфриев в структуре социальной активности выделяет две основные формы: трудовую и общественно-политическую, соответствующие двум формам жизни — производственно-трудовой и гражданско-политической [4, с. 224]. Л. Н. Коган, рассматривая социальную активность с точки зрения субъективно-объективного отношения человека к объектам его социально-преобразующей деятельности, считает ее структурными элементами материально-преобразующую, социально-преобразующую (в состав которой он включает социально-политическую) и духовно-преобразующую активность [12, с. 57]. В. Г. Мордкович соотносит элементы структуры социальной активности личности с различными сферами человеческой деятельности и на этой основе выделяет следующие виды социальной активности: производственно-трудовую, политическую, познавательную и др. [16, с. 160].

политической деятельности [17, с. 64—65]; другие — на исполнительской деятельности трудящихся масс, направленной на совершенствование политической системы и реализацию общественно-политических задач современного этапа развития социалистического общества. Например, В. М. Кондораки определяет общественно-политическую активность в широком смысле как «деятельность трудящихся по развитию и совершенствованию всей политической системы социалистического общества», в узком — как «практическое участие масс в работе государственных и общественных организаций, в управлении делами общества» [12, с. 97]. По мнению Д. З. Мутагирова, общественно-политическая активность представляет собой «продиктованное внутренними прогрессивными побуждениями, социалистическими целями и коммунистическими идеалами участие в осуществлении исторической миссии рабочего класса и его руководящего авангарда — коммунистической партии», «деятельность, направленную на революционное преобразование общества, организацию социалистической общественной жизни и руководство ею, как правило, не преследующую получения непосредственной материальной выгоды» [18, с. 178—179]. Личностный аспект социальной активности подчеркнут и в определении А. Н. Кузьмина, который видит в ней характеристику «способности человека реализовать объективно существующие интересы для развития своих собственно человеческих форм жизнедеятельности» [14, с. 52]. Н. В. Витрук, А. В. Ключев, О. М. Соловьев рассматривают политическую активность личности как социальную деятельность человека в политической жизни общества, направленную на осуществление общественной власти и достижение общеклассовых государственных интересов, практическая реализация которых обуславливает соответствующие меру и степень политической деятельности [6, с. 61; 10, с. 59], К. Б. Валиуллин — как «непрофессиональную деятельность людей, участие в сфере политической жизни, участие в ней без вознаграждения и без расчета на вознаграждение» [5, с. 160].

При всей, на наш взгляд, правомерности каждое из приведенных определений социально-политической активности не является всесторонним. Во-первых, социально-политическая активность советских людей проявляется не только в участии в общественной жизни коллектива или в работе общественных организаций, но и в разнообразных формах общественно-политической деятельности. Во-вторых, деятельность, направленная на совершенствование политической системы, участие в управлении делами социалистического общества еще не свидетельствуют о политической активности трудящихся, ибо такая активность должна носить осознанный и творческий характер, а не обосновываться только внутренними прогрессивными побуждениями, не сопровождающимися стремлением к материальной выгоде. В-третьих, отождествление политической активности с интенсифицированной деятельностью или сведение ее к мере, степени такой деятельности сужает реальные рамки фактического проявления анализируемого феномена. И, на-

конец, политическая деятельность, как человеческая деятельность вообще, выполняет не только преобразовательную, но и ценностно-ориентационную функцию.

Политическая активность — один из важнейших видов социальной активности. И если социальная активность представляет собой «осознанную полезную деятельность граждан, направленную на преобразование социальной действительности в целях дальнейшего прогресса всех сторон общества и человека» [11, с. 10], т. е. охватывает весь спектр социальных отношений, то политическая активность в условиях социализма выступает как сознательная целеустремленная творческая деятельность субъекта (Коммунистической партии, широких народных масс, классов, трудовых коллективов, личности) по реализации общественно-политических интересов, определяющих цели и задачи общества в сфере его политической деятельности, т. е. носит политическую направленность. Политическую активность, по нашему мнению, следует рассматривать также как меру и степень осознанной политической деятельности и как общественно-политическое качество людей, их способность к политической деятельности.

Всякая деятельность человека, в том числе и политическая, обусловлена в первую очередь возникающими у него потребностями, интересами. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что ни один человек «не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей...» [1, т. 3, с. 245]. К. Маркс отмечал: «...все то, за что человек борется, связано с его интересом» [1, т. 1, с. 72]. В. И. Ленин также подчеркивал, что интерес движет жизнью народов [2, т. 29, с. 82].

Следует сказать, что проблема потребностей и интересов в последнее время стала одной из центральных в научных дисциплинах, изучающих общество и человека. Это объясняется тем, что потребности и интересы выступают внутренним источником социальной деятельности субъекта (будь то личность, социальная группа или общество в целом), лежат в основе его социальной активности. Действительно, структурный анализ деятельности человека позволяет сделать вывод о диалектической взаимосвязи ее преобразовательной, коммуникативной, познавательной и ценностно-ориентационной сторон. Причем своеобразие ценностно-ориентационной стороны деятельности состоит в том, что она не устанавливает отношения между объектом и субъектом, т. е. дает не чисто объективную, а объективно-субъективную информацию о ценностях, а не о сущностях.

В. И. Ленин, характеризуя значение практики, указывал, что она выступает не только как критерий истины, но и как «практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» [2, т. 42, с. 290]. Другими словами, отражение человеческим сознанием действительности не может осуществляться вне зависимости от потребностей, интересов, желаний, устремлений, целей, идеалов субъекта, т. е. вне оценивания, вне реальной связи объекта осознания с потребностями, интересами субъекта. Да и сами

потребности и интересы, выступая объектами направленности сознания личности, будут «мертвым» капиталом вне ее оценки и не превратятся в стимулы ее деятельности, не говоря уже о деятельности активной.

Как известно, человек в отличие от животных может сознательно выбирать объекты, способы, средства удовлетворения своих потребностей. Он оценивает свои запросы, взвешивает степень их насущности, задерживает удовлетворение одних потребностей с целью реализации других, представляющихся ему более важными в данный момент. Человек рассчитывает и прогнозирует (правильно или неправильно — это уже другой вопрос) возможности удовлетворения своих потребностей и интересов. Он сравнивает их с потребностями и интересами других социальных субъектов (коллектива, социальной группы, класса, общества в целом), т. е. «осознает не только сами по себе вещи, их свойства и отношения, но и их значимость для себя, общества» [21, с. 111], и на этой основе пытается согласовать свои потребности с потребностями той общности, членом которой он является.

Психолог С. Л. Рубинштейн, рассматривая ценность как психологический феномен (когда ценность носит личностный характер), подчеркивал, что «сознание человека включает в себя... не только знание, но и переживание того, что в мире значимо для человека в силу отношения к его потребностям, интересам и т. д.» [20, с. 149]. В. Н. Мясищев увидел в этом отношении основанную на индивидуальном опыте избирательную осознанную связь человека со значимым для него объектом, базирующимся на эмоциях, которые, по его мнению, придают отношению субъекта к объекту оценочный характер [19, с. 147—155]. Данное суждение не совсем верно, поскольку отношения явлений и процессов окружающего мира к потребностям индивида обнаруживаются на двух уровнях и могут выступать как биологический феномен (полезность) и феномен социальный (ценность), т. е. с одной стороны — в качестве отношений к потребностям индивида как живого биологического организма, с другой — отношений к потребностям и интересам личности как члена определенной социальной общности [15, с. 298—302]. В первом случае указанные отношения ведут к формированию у человека эмоций — различных переживаний, вызванных удовлетворением или неудовлетворением его потребностей как биологического организма; в другом — к формированию чувств, связанных со сложными переживаниями личности, в которых выражается обобщенное и устойчивое отношение человека к предметам своих потребностей и интересов, представляющих для него социальную, общественную ценность.

Эмоции и чувства — специфическая форма отражения действительности. В ней фиксируется отношение человека к объектам своих потребностей и интересов. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что данное отношение имеет объективную основу. В первом случае в ней фиксируется взаимосвязь между элементами системы «человек — окружающая среда»; во втором — системы

«человек — люди — общество в целом». Отражение этих объективных взаимосвязей приводит к тому, что индивид начинает рассматривать их как свое субъективное отношение к миру вещей и другим людям.

Следовательно, политическая деятельность, как и всякая другая человеческая деятельность, является следствием осознания личностью своих потребностей и интересов (в отношении политической деятельности — политических потребностей и интересов). Политические потребности и интересы, выступая источниками политической деятельности личности, становятся источниками ее политической активности только тогда, когда осознается их сущность и ценность для субъекта деятельности.

Политические интересы определяют собою всю систему политических знаний об обществе, но в наибольшей степени они выражаются в политической идеологии, которая непосредственно отражает и отстаивает коренные классовые интересы личности.

Природа идеологии аксиологическая, поскольку ее призвание заключается в выработке системы ценностей, в обосновании того, что должно быть и чего не должно быть в социальном мире. Анализ сущности категории «идея» как результата идеологической деятельности подтверждает это положение. Идея, по известному ленинскому замечанию, есть единство познания и стремления (хотения) человека [2, т. 29, с. 177]. Элемент стремления (хотения) человека здесь можно рассматривать как выражение субъективности (потребность, интерес), которая переводит понятийное отражение идеи в ценностную плоскость. В то же время идея, по словам К. Маркса, и сама может стать ценностью для личности, объектом чувств человека: «...Идеи же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [1, т. 1, с. 118].

Естественно, что без политических знаний, хотя бы поверхностных и примитивных, нельзя говорить о какой-либо политической деятельности. В первые годы Советской власти В. И. Ленин отмечал, что пока «мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, — кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Это низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы» [2, т. 38, с. 170]. По его словам, «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке» [2, т. 44, с. 174]. Но и политические знания сами по себе не могут быть тождественны политическим действиям и даже стимулам к этим действиям.

Стимулом к политическим действиям выступает политическая оценка, т. е. соотношение знаний об объекте с осознанными политическими потребностями и интересами субъекта. Уровень же политических знаний в свою очередь определяет степень научности

оценки (эмпирический и теоретический уровни оценки) и степень ее эмоционального утверждения или отрицания. Так, класс, получающий знания об условиях своего существования и политического положения непосредственно (т. е. на эмпирическом уровне), дает им политическую оценку, протестуя или негодуя, или, напротив, испытывая чувство радости и удовлетворения, личной причастности к реализации общественно значимых задач.

Примером научно обоснованных оценок является марксистско-ленинская характеристика империализма и социализма, данная в программных документах КПСС, братских коммунистических партий, мирового коммунистического движения. Здесь оценки империализма как загнивающего и умирающего капитализма, кануна социалистической революции и социализма, как общества, объективно приходящего на смену капитализму, выступают результатом строжайшего научного анализа природы капиталистического и коммунистического общества, а также исторической миссии рабочего класса в борьбе против капитализма за торжество коммунизма.

Субъективируясь в личности, эти оценки объективно определяют осознанную политическую борьбу широких народных масс во главе с пролетариатом и его партией против капитализма как политической системы; обуславливают активную политическую деятельность трудящихся под руководством рабочего класса и его авангарда — марксистско-ленинской партии, направленную на дальнейшее развитие политической системы социализма; рождают высшие социально-политические чувства — чувства классовой ненависти к империализму, пролетарской солидарности в борьбе за политическую власть, любви к социалистической Родине, преданности идеям социализма, социально-классового единства, в деле защиты идеалов коммунизма.

Следовательно, политические чувства, проявляясь в виде сложного эмоционального отношения личности к событиям и процессам политической жизни общества, активно влияют на степень ее политической деятельности и являются важным стимулом ее политической активности. Вместе с тем, субъективируя в индивидуальном сознании человека политические знания как продукт общественного сознания, политические чувства выступают своеобразным катализатором превращения этих знаний в убеждения.

В свою очередь направленность политических чувств определяется мировоззрением личности, т. е. сформированным в ее сознании идеалом, с которым соотносится объект направленности личности в процессе политической оценки. И здесь четко прослеживается диалектическая взаимосвязь материального и идеального в процессе познания. Политические чувства формируют политические убеждения, а последние, являясь структурным элементом мировоззрения личности, представляют собой объективную основу формирования самих политических чувств. Следовательно, процесс формирования политических чувств объективно предполагает развитие научного мировоззрения человека, а также создание таких

условий, которые позволяли бы ему выражать личные отношения к объектам общественно-политической жизни общества (переживать эти отношения) и тем самым вызывать, закреплять (формировать) политические чувства.

Следует сказать, что политические чувства как составной элемент политических убеждений человека оказывают большое влияние на формирование его веры. Конечно, верить в возможность осуществления поставленных задач и осуществлять их на практике — это не одно и то же. Но без веры нет надежды, а без надежды бессильна человеческая воля. Вера, рассматриваемая как способность восприятия человеком социальной информации, ценностей, норм и идеалов общественной жизни без предварительной их проверки через собственный опыт, очевидных фактов и характеристик объективной действительности — важнейшее средство освоения опыта предшествующих поколений поколениями последующими, осознания возможного и очевидного будущего — как осуществляющегося [22, с. 12—13].

В. И. Ленин считал чувство «исторического оптимизма», «бодрости духа», горячую веру в победу социалистической революции необходимыми чертами мировоззрения борцов за новое общество. «Марксизм, — писал он, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...» [2, т. 16, с. 23]. Вера в победу коммунизма, в правильность и осуществимость выдвинутых партией задач совершенствования социалистического общества выступает побудительным мотивом общественно-политической деятельности советских людей.

Таким образом, политическим чувствам принадлежит существенная роль в повышении политической активности личности. Вера в светлые идеалы коммунизма, чувства гордости за социалистическое Отечество и высокой ответственности за реализацию насущных задач совершенствования социализма — одно из главных условий повышения политической активности широких трудящихся масс во всех сферах общественной жизни страны [7, с. 1].

Страна Советов переживает ответственный, переломный момент своей истории. Стратегическая линия партии на ускорение социально-экономического развития страны, ее курс на активизацию человеческого фактора обуславливают необходимость повышения общественной активности советских людей. Поэтому проблема воспитания высоких политических чувств у советских людей, и в первую очередь у молодежи, является, на наш взгляд, актуальной и требует дальнейшего научного осмысления и практической реализации.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1986. 4. Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности. М., 1984. 5. Валиуллин К. Б. Общественно-политическая

активность рабочего класса в условиях развитого социализма. Уфа, 1981. 6. Витрук Н. В. Личность и ее политическая активность в условиях развитого социализма // Политика мира и развитие политических систем. М., 1979. 7. Воспитание чувств // Правда. 1984. 25 нояб. 8. Здравомыслов А. Г. Актуальные проблемы социальной политики КПСС. М., 1983. 9. Кайто А. Социальная активность молодежи. М., 1971. 10. Кляев А. В., Соловьев О. М. Социально-политические основы развития политической активности социалистической личности // Закономерности строительства социализма и коммунизма. Л., 1977. 11. Кляев А. В. Политическая активность личности: Сущность и факторы ее повышения. Л., 1980. 12. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. 13. Кондораки В. М. Возрастание социально-политической активности рабочего класса в условиях развитого социализма // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии и социологии. Кишинев, 1976. 14. Кузьмин А. Н. К вопросу о сущности социальной активности // Актуальные проблемы исторического материализма (Сборник научных трудов). Алма-Ата, 1982. 15. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. 16. Морозов И. К. Социальная активность личности // Социализм и личность / Под ред. П. М. Архангельского. М., 1979. 17. Морозов И. К. Политическая деятельность как социальное явление и ее функции // Социальная активность. Челябинск, 1981. 18. Мутагиров Д. З. Социалистический рабочий класс. Л., 1982. 19. Мясичев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960. 20. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. 21. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. 22. Шинкарук В. История развития культуры и религии // Наука и религия. 1985. № 10.

Поступила в редколлегию 14.04.86

С. В. КОНОВАЛОВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫХ ПРОЦЕССОВ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

Создание бесклассового общества и формирование всесторонне развитой личности — две внутренне взаимосвязанные цели коммунистического строительства. По мере их достижения эта взаимосвязь становится все более отчетливой, превращаясь в объект пристального внимания Коммунистической партии. Отличительной особенностью XXVII съезда КПСС является его непосредственная обращенность к человеку, человеческому фактору как решающему условию успешного осуществления задач ускорения социально-экономического развития страны [2, с. 140].

В изучении закономерностей становления бесклассовой структуры общества можно выделить, по крайней мере, три основных направления, которые, очевидно, и в будущем составят ядро подобных исследований. Первое анализирует объективные основы становления бесклассовой структуры, включающие в себя совокупность экономических, социально-политических и духовных предпосылок, а также деятельность субъективного фактора по их реализации. Второе направление, представленное наибольшим количеством работ, исследует процессы в самой социально-классовой структуре, отражающие взаимосвязь и взаимодействие различных социальных общностей. Ряд фундаментальных работ посвящен

ванию закономерностей сближения рабочего класса и колхозно-кооперативного крестьянства, а также указанных классов и остальных групп населения при ведущей роли в этом процессе рабочего класса. Наконец, третье направление изучает динамику внутри-классовых и внутригрупповых процессов на этапе становления социально однородного общества. В настоящее время многие ученые признают данное направление одним из наиболее перспективных, что обусловлено объективными тенденциями развития социально-классовой структуры. В условиях стирания граней между классами происходит относительное возрастание внутриклассовых, т. е. выходящих за рамки отдельных классов, а также неклассовых различий, имевших второстепенное значение [9, с. 177]. Внутриклассовая и неклассовая дифференциация между различными группами людей становится настолько ощутимой, что именно с ней связывают социальный прогресс, предлагают искать факторы, детерминирующие развитие самих классов и социальных групп в обществе [6, с. 37]. На преодоление внутриклассовых и неклассовых различий направлена социальная политика партии.

Вместе с тем необходимо выяснить, исчерпываются ли указанные различия только различиями между слоями, как нередко утверждается в литературе [9, с. 177], является ли их актуализация следствием тенденции к стиранию граней между классами. Актуализация различий между внутриклассовыми слоями при одновременном стирании граней между классами — результат единого процесса становления социальной однородности, предполагающего не только усложнение социальных связей в обществе, но и их разнообразие. На современном этапе развития общества ярко проявляются различия, обусловленные характером индивидуальной деятельности, количеством и качеством труда, расходуемого работником в процессе производства. Указанные тенденции связаны с изменением места самого человека в системе общественного производства и соответственно с преобразованной структурой его деятельности.

Следовательно, третье направление в изучении социально-классовых процессов перспективно еще и потому, что создает предпосылки перехода от формационного и среднего уровня социальной детерминации к анализу динамики социально-классовых процессов на уровне способа жизнедеятельности отдельного индивида. В этой связи представляется возможным выделить как самостоятельный «личностный» аспект в исследовании социально-классовых процессов. На наш взгляд, такой аспект позволит глубже понять исторический смысл и значимость смены типов социальных структур, показать реальную перспективу социальных процессов сегодняшнего социалистического общества. Вместе с тем самостоятельность названного аспекта относительна, ибо главная проблема заключается в глубоком теоретическом осмыслении единой сущности происходящих в обществе социальных перемен на различных уровнях социальной действительности. В этом плане важно проанализировать не только материальную структуру, базисные

отношения и групповую динамику в их взаимосвязи (единство экономического и социального), но и влияние индивидуализированных форм жизнедеятельности на процесс реализации единой сущности социального (единство социального и индивидуального).

Выделенный аспект в исследовании социально-классовых процессов не является новым в социологической науке. Его теоретические основы разрабатывались еще основоположниками научного коммунизма. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения» [1, т. 3, с. 440]. В этой же работе они указывали, что в любом общественном классе «совместными и всеобщими условиями становятся только развившиеся личные условия, при которых владеет и живет каждый отдельный член класса» [1, т. 3, с. 355]. Из содержания приведенных высказываний непосредственно вытекает вывод К. Маркса о том, что даже в социальных отношениях «отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности» [1, т. 46, ч. I, с. 107]. Как считали К. Маркс и Ф. Энгельс, социальная детерминация преломляется индивидуальным образом, но в той степени, в какой преломление обусловлено личной определенностью человека. Подобный взгляд на проблемы взаимосвязи социального и индивидуального в социально-классовых процессах не имел, однако, ничего общего с индивидуалистической или психологической трактовкой обусловленности общественных явлений, критикуемых К. Марксом и Ф. Энгельсом, например, в той же «Немецкой идеологии». Отрицая метафизический отрыв общества как «особой» сущности от жизнедеятельности составляющих его индивидов, основоположники научного коммунизма в то же время признавали глубоко индивидуализированный характер человеческой деятельности, усматривая в нем основу для практической реализации творческих способностей человека. В силу своих научных интересов К. Маркс и Ф. Энгельс первостепенное внимание уделили анализу движения экономических и иных общественных структур, а не выявлению закономерностей создания и функционирования последних в жизнедеятельности самих индивидов, что привело к известному отвлечению от «личностного» аспекта анализа общественных отношений. Закономерности развития индивидов в классовом (классово-антагонистическом) обществе, когда «класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу...» [1, т. 3, с. 54], обусловили создание единственно научного и возможного в этих условиях методологического принципа исследования («громадное приобретение общественной науки», по словам В. И. Ленина) путем сведения индивидуального к социальному. Данный принцип определил в качестве предмета социологии личность как социальный тип, как представителя той или иной группы людей. Однако такое определение снижает познавательные возможности социологического анализа. В литературе распространено мнение, что индивидуальные признаки, индивиду-

альное своеобразие человека не имеют непосредственного отношения к общественному положению личности, не вытекают из ее социальной сущности. Например, дискутируется вопрос, следует ли включать в социологический анализ показатели индивидуальных проявлений, прочно утвердившиеся в общей и отчасти в социальной психологии. На наш взгляд, Г. С. Батыгин правильно замечает, что в подобных дискуссиях «речь должна идти не об уровне обобщения, а о качественной специфике совместной деятельности людей в любых ее видах и формах» [3, с. 23]. Целью исследования, по мнению автора, должна выступать социальность, соединяющая в себе единство общего и единичного. При этом безразлично, что является предметом исследования: мотивация индивидуальных поступков или динамика социальных общностей. И в том и в другом случае предметом исследования должна выступать общественная связь людей, в частности, ее характер и содержание. Индивидуальные признаки человека, будучи по природе естественными, обретают именно социальное содержание, так как их существование (и существование человека) возможно как общественная связь, которая определяется не предметной наличием, а системностью общественного взаимодействия. Последнее приводит к тому, что в действительности человек «удваивает себя... не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [1, т. 42, с. 94].

Для осмысления дискуссионных моментов рассматриваемой проблемы важно еще одно высказывание К. Маркса: «...насилие надо мной совершает не нечто чуждое, а лишь моя собственная природа, являющаяся совокупностью потребностей и влечений (иначе говоря, мой интерес, выступающий во всеобщей рефлексированной форме). Но ведь это как раз и есть та сторона, посредством которой я подвергаю принуждению другого, втягиваю его в систему обмена» [1, т. 46, ч. I, с. 192]. По мысли К. Маркса, социальная связь может раскрываться и раскрывается посредством совместной жизни индивидов (как «эмпирического» показателя социальности), а также в бытии отдельного индивида, где эта социальная связь предстает как зависимость индивида от процесса реализации его собственных сущностных сил. В таком случае в качестве всеобщей формы существования социальной связи выступает та сторона в человеке, которая обычно «противопоставлялась» социальному как индивидуальное (природное, биологическое), а само же социальное представляется выражением (сущностным или абстрактным, в зависимости от характера общественных отношений) процессов реальной жизнедеятельности индивидов в обществе.

Вхождение личности в социальные общности различного уровня (класс, группа, коллектив, семья) порождает комплекс факторов, определяющих тип ее профессиональной деятельности, а значит, уровень и характер развития потребностей, форму участия в общественном труде и т. п. Оказываясь «точкой пересечения», «фо-

кусом» разнообразных социальных связей и отношений, личность воспроизводит себя не только как социальный тип, но и индивидуальным способом проявляет признаки различных социальных типов в различных отношениях. Поэтому «структура типов личности общества, его ... личностная структура в общем и целом соответствует его социально-классовой структуре» [11, с. 61]. Подобная система типов (следовательно, функций и ролей), которую в различных отношениях представляет личность, является специфической формой ее функционирования. В рамках данной формы проявляются все своеобразие и уникальность конкретного человека, что характеризует его как носителя типических и собственно индивидуальных признаков и свойств (например, способностей), которые традиционно относят к единичному в человеке и связывают с понятием его индивидуальности. На этом уровне анализа общественной детерминация личности дополняется детерминацией факторов внутреннего порядка, также составляющих существенную сторону структуры личности. Было бы явным упрощением связывать целостность личности как объективное явление только с объективными детерминантами (социально-необходимыми, типическими), упуская из виду влияние индивидуального. Подлинно материалистическое решение вопроса взаимосвязи социального и индивидуального в общественных отношениях предполагает, что индивидуальное включает в себя сознание и прочие внутренние компоненты не как свою специфическую сущность, а как момент материальной совокупности. В связи с этим важным представляется замечание П. Симонова, который пишет, что «потребности общества (группы) реализуются через потребности составляющих его индивидуальностей не столько путем привнесения чего-то внешнего в структуру личности, сколько путем отбора соответствующих задатков» [10, с. 83]. Главной функцией таких задатков (уже после отбора) является осуществление деятельности, обуславливающей поступательное развитие общества (группы), к которой принадлежит индивид. Следовательно, индивидуальные особенности, способности, имеющие большое значение в функционировании и развитии личности, только тогда начинают выполнять роль системообразующего фактора в формировании целостной личности, когда они правильно «подобраны» либо соответствуют определенному виду деятельности, в которую включена личность, или при совпадении общественных потребностей, адекватных социально-значимому виду деятельности и воплощенных в развитии тех или иных способностей, с внутренней доминирующей потребностью личности. Однако указанное совпадение происходит далеко не всегда. «...Как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям» [1, т. 3, с. 77]. Данный конфликт уже не назовешь индивидуальным, так как он представляет собой сущ-

ностную черту личностной и социально-классовой структуры антагонистического общества.

Социализм устраняет антагонистические противоречия развития общества и индивида. Вместе с тем он наследует и воспроизводит такие социальные формы жизни, как относительно постоянное закрепление отдельных групп общества за качественно неоднородными видами труда, являющееся пока единственно возможным путем развития производительных сил и удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей всех членов общества. В соответствии с происшедшими изменениями в социально-классовой структуре социалистического общества постепенно исчезает решающее воздействие классов и социальных групп на личность и ее судьбу. Наряду с совершенствованием общественных отношений социалистическая личность реализуется как самобытная индивидуальность, что ведет к повышению социальной значимости индивидуального стиля жизни. Индивидуальное бытие людей перестает быть их личным делом, становится важнейшим компонентом совершенствования всех сфер жизни советского общества [2, с. 51]. Изучение закономерностей этого процесса — одна из основных задач социологических исследований.

То, что первоначально представлялось несущественным (единичным) в личности, в конечном счете оказывается адекватным отражением места личности в системе общественного разделения труда, причем «индивидуальное может быть специфической формой проявления общего, может быть дополнением к нему» [5, с. 31]. В зависимости от характера социальных связей, типа социальной структуры, природы связи индивида с общностью особенное в личности, его специфика могут быть выделены в качестве типического (социально-необходимого) либо такого особенного, которое будет включать в себя не только социально-типическое, но и индивидуальное, приобретающее в данном случае активный (всеобщий) характер.

Следовательно, процессы социальной интеграции, составляющие существенную черту общественных отношений социалистического строя, отнюдь не обедняют, а наоборот, обогащают конкретное содержание индивидуальных форм своего проявления, и становление социально однородного общества не означает необходимости унификации социальной и личностной структуры общества. К последнему выводу можно было бы прийти, если становление социальной однородности понимать как процесс накопления неких общих признаков. Однако природа общего определяется не путем выделения общего признака, а на основе раскрытия той структурной организации, через которую каждое отдельное соотносится с другим отдельным [4, с. 5]. Такой «структурной организацией», соответствующей отношениям бесклассового типа, может быть система всеобщей социальной связи, в которую конкретная личность включается в своей непосредственной данности, сохраняющей все неповторимое богатство социально-необходимых и индивидуальных черт. Подобная связь представляется обменом деятельностью

и способностей свободных индивидуальностей [1, т. 46, ч. 1, с. 101]. Здесь объективным и общественно-необходимым выступает содержание не только материальных (социальных) отношений, определяющих производство и потребление индивидов, но и личных отношений, поскольку эти отношения вытекают из реального бытия участников общественного производства.

По мере совершенствования системы социалистических общественных отношений на базе непосредственно общественного характера производства решающей движущей силой социально-экономического прогресса становятся не формы экономической связи, основанные на различии в отношении к средствам производства (отношения собственности), а отношения распределения труда по способностям членов общества. Реальной предпосылкой указанного процесса является всеобщность труда при социализме, который во все большей степени определяет общественное положение работника, что обуславливает выдвижение на передний план социальных различий, выходящих за пределы классовых рамок. В результате «традиционный» социально-экономический механизм, воспроизводящий социальную структуру нашего общества как классово-дифференцированную, постепенно сменяется другим, в котором определяющую роль начинают играть структуры индивидуальных способностей [8, с. 44].

Таковой в общих чертах представляется перспектива становления социальной однородности общества, рассмотренная с точки зрения деятельного развития самих участников общественного производства. Однако основы будущей социальной структуры общества закладываются в настоящем. На современном этапе общественного развития существует немало проблем, связанных с «личностным» измерением социальных процессов. К ним относится прежде всего комплекс проблем по активизации человеческого фактора, совершенствованию форм и методов управления трудовой и общественной активностью масс, развитию личностных качеств работника в условиях ускорения социально-экономического развития страны.

Сегодняшнее отношение к человеческому фактору как решающему по сравнению с другими факторами производства отражает складывание новой социально-экономической реальности, когда с углублением общественного разделения труда усиливаются интеграционные процессы в технологии производства, происходит обогащение практически всех видов труда творческими элементами. На этапе интенсификации научно-технического прогресса нельзя не учитывать, а тем более игнорировать индивидуальные особенности личности трудящегося. С одной стороны, динамичность развития производительных сил обеспечивает разнообразие индивидуальных качеств людей в одинаковых общественных условиях, а с другой — человеку доверяются ответственные функции, выполнение которых дает эффект, выходящий далеко за пределы непосредственного процесса производства. В этом плане общественно-

значимым становится не просто человеческий фактор как таковой, а интеллектуально развитый человеческий фактор, необходимым условием и формой развития которого является соревнование умов и талантов на основе усилившегося многообразия интересов, потребностей и способностей советских людей [2, с. 51].

Подлинной гарантией ускорения социально-экономического развития страны служит проведение активной социальной политики, охватывающей всю совокупность условий труда и жизнедеятельности людей, многообразии их отношений. Важнейшим средством такой политики выступает действительно полное осуществление основного принципа социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду», составляющего суть социальной справедливости нового общественного строя [2, с. 46]. Утверждение социальной справедливости органично предполагает достижение социального равенства работников не только в пользовании материальными и духовными благами общества, но и распределении разнородного с точки зрения влияния на способности людей совокупного общественного труда. Следовательно, вопросы взаимосвязи социального и индивидуального можно выделить и в проблеме социального равенства и упрочения социальной справедливости. В частности, эти вопросы входят в само определение социального равенства, предусматривающего обеспечение одинакового общественного положения не только социальных групп и слоев, но и отдельных личностей.

Таким образом, мы попытались в рамках небольшой статьи осветить некоторые, в первую очередь методологические, проблемы «личностного» аспекта в анализе социально-классовых процессов. Реализовать его, «значит не просто возвратиться к первоначальному многообразию человеческих действий, а подняться в своем познании на новую ступень — на ступень понимания индивидуального как конкретного выражения социального» [7, с. 163]. Вместе с тем указанный аспект можно назвать «личностным» условно, поскольку он не «замыкается» на личности как таковой. Напротив, с позиций личностного подхода постановка вопроса как об идеале гармонического развития, так и о каждом конкретном человеке, приобретает смысл в контексте социальных реальных связей, отражающих происходящие в обществе социально-классовые процессы.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. 4. Босенко В. А. Актуальные проблемы диалектического материализма (теоретический очерк). К., 1983. 5. Бугева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. 6. Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы развития. М., 1985. 7. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981. 8. Мазур В. К непосредственно-общественному производству — сущность скачка и этапы становления // Коммунист. 1984. № 15. 9. Развитой социализм: проблемы теории и практики. М., 1981. 10. Симонов П. Достоевский и современная психология // Наука и жизнь. 1977. № 11. 11. Смирнов Г. Л. Советский человек (Формирование социалистического типа личности). М., 1973.

Поступила в редколлегию 14.04.86

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО КАК КАТЕГОРИЯ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Размышления о богатстве — это размышления о человеческих возможностях, об их достигнутых пределах и принципиальной безграничности. Богатство общества и личности, хотя и по-разному, всегда было и, очевидно, будет определяющим объектом отношений между людьми, всеобщей и необходимой предпосылкой, фактором и результатом развития общества любой формационной, культурной или региональной принадлежности. Оно — общий предмет осмысления всех без исключения типов, форм и уровней сознания. Интерес к нему не только незыблем и вечен, но и заметно обостряется в переломные периоды.

На нынешнем этапе совершенствования советского социалистического общества ускорение социально-экономического и духовного развития предполагает всемерную интенсификацию воспроизводства, качественное обновление и оптимизацию структуры общественного богатства. Другими словами, практически актуализируется необходимость научно-теоретического исследования общественного богатства. Не случайно в материалах XXVII съезда партии категория общественного богатства получила новую, более глубокую и конкретную содержательную разработку, да и терминологически она представлена в них широко и разносторонне [3, с. 7, 21, 40, 126, 138, 164, 169]. В Политическом докладе ЦК КПСС определены главное направление борьбы в современных условиях и одновременно главный объект мирного соревнования с системой капитализма: «создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возможностям» [3, с. 21].

Допустимо ли в таком случае, чтобы теория научного коммунизма, взятая в качестве особой дисциплины, не определила своего отношения к человеческому богатству? Уже сама по себе риторическая постановка вопроса не оставляет никаких надежд на оправдание сложившегося положения. Принятая интерпретация научного коммунизма почти полностью игнорирует эту проблему, что выражается в отсутствии или недостатке специально посвященных ей исследований, соответствующего места в предлагаемых классификациях категорий, должного внимания в вузовской программе, учебниках, лекционных курсах.

Традиционно богатство — предмет специального изучения экономической науки, прежде всего политической экономии. Но это не означает, что правомерна некая «экономическая монополия» на исследование общественного богатства. Оно настолько богато по своему содержанию и значению, что не может быть исчерпывающе охвачено только специально-экономическим анализом.

Кроме того, сама экономическая наука вряд ли выиграет от присвоения подобного безраздельного права на его познание. Марксистско-ленинское наследие свидетельствует, что неперенным условием научного понимания богатства является отказ от узкоэкономического подхода к нему, высвечивание его сущности и роли в более широком социально-классовом, политическом, идеологическом и, наконец, мировоззренческом контексте.

В притязаниях на исключительное владение познавательным ключом к богатству (отметим справедливости ради) меньше всего замечены экономисты. Некоторые из них стремятся установить точные границы его экономического анализа. Вместе с тем они не без основания полагают, что за пределами такого анализа остается немало вопросов, решение которых входит в компетенцию других наук. Так, недостаточно разработана проблема общественного богатства в философско-социологическом плане.

Общественное богатство вполне удовлетворяет совокупности критериев, обычно предъявляемых категориям исторического материализма. Выражая диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии и наиболее общие законы общественного развития как естественно-исторического процесса становления, функционирования и смены общественно-экономических формаций, категории исторического материализма отличаются в первую очередь всеобщностью, универсальностью и целостным, интегративным характером. В этом отношении категория общественного богатства, рассматриваемого как совокупность материальных и духовных предпосылок-результатов воспроизводства общественной жизни в целом, совершенно необходима для теоретического воспроизведения универсальности и целостности общественного развития на всем протяжении человеческой истории. Поэтому не подлежит сомнению ее принадлежность к системе категорий исторического материализма. По верному замечанию И. Н. Сиземской, марксизм, включив понятие общественного богатства в структуру диалектико-материалистической теории общественного производства, под которым понимается производство социальной формы человеческой индивидуальности, придал данному понятию статус социально-философской категории [8].

Несмотря на то, что положение о правомерности рассмотрения общественного богатства в качестве центральной категории научного коммунизма в принципиальном плане было высказано уже два десятилетия назад [5] и с тех пор не раз указанная категория привлекалась при освещении близких тем*, по-прежнему остро ощущается потребность в специальной и систематической разработке этого вопроса.

Обсуждая специфику научно-коммунистического подхода к изучению богатства, никак не избежать терминологических трудностей. Феномен богатства настолько сложен, подвижен и многооб-

* Вызывает интерес плодотворная попытка Г. Г. Квасова использовать научно-коммунистическую концепцию богатства для определения общенсторических, социально-философских критериев развития личности [5].

разен, что его непосредственное научное выражение связано со множеством различных, относительно самостоятельных, специфичных и в то же время тесно переплетающихся, взаимопересекающихся терминов. Наглядное представление об этом может дать далеко не полный перечень терминов, благодаря которым общественное богатство в словаре Марксова «Капитала» дифференцируется как общественное, социальное, национальное, народное, экономическое, денежное, потребляющее, природное, естественное, материальное, предметное, истинное, реальное, действительное, мнимое, превращенное, практическое, нематериальное, духовное, идеальное, абстрактное, всеобщее, непреходящее, абсолютное, буржуазное, докапиталистическое, патриархальное, отчужденное, человеческое... При столь необычайной полисемантичности тщетно пытаться определить категориальный статус богатства в системе научного коммунизма путем последовательного «перебора» имеющихся терминологических значений, выявления тех из них, которые прямо относятся к научному коммунизму, и отделения тех, которые прямо не относятся к нему. Сделать это не удастся до тех пор, пока не будет определен объективный критерий, выступающий в качестве основания для искомого различения.

Таким объективным критерием является Марксово определение действительного богатства, или богатства как такового, под которым понимается неограниченное развитие производительных сил общественного труда, образующее материальный базис свободного человеческого общества [1, т. 46, ч. II, с. 217; т. 49, с. 47]. В этом случае понятие богатства наполняет конкретно-историческим содержанием традиционное философское понимание универсальности человека, связывая воедино материалистическое объяснение истории с политико-экономическим анализом объективных тенденций развития капиталистических производственных отношений в качестве основания научной теории коммунизма. Рассмотренное приведенное положение подробнее.

Довольно распространена точка зрения, отождествляющая капиталистический способ производства с «производством ради производства». С ней решительно нельзя согласиться. И какие бы субъективные намерения при этом ни преследовались, фактически любое подобное воззрение означает превращение исторически преходящей капиталистической формы производства в абсолютную форму общественного производства.

«Производство ради производства» — отнюдь не формула только капиталистического способа производства. В чистом виде она выражает развитие производительных сил человеческого труда, не стесненного никакими иными границами, помимо собственных предпосылок, достигнутых в предшествующей истории. Это — «производительная сила человеческого труда, развитая вне всяких предопределяющих и предопределенных пределов потребностей» [1, т. 48, с. 20]. Лишь одна потребность — потребность безграничного развития человеческих способностей — выступает как самоцель; все остальное — необходимые предпосылки, факторы и

средства ее действительного осуществления. Поэтому, по К. Марксу, «производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. *развитие богатства человеческой природы как самоцель*» [1, т. 26, ч. II, с. 123].

Хотя капитал и не является «такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил» [1, т. 46, ч. I, с. 393], нельзя забывать, что именно капитализм — это исторически первый способ производства, которому «присуща тенденция к абсолютному развитию производительных сил» [1, т. 25, ч. I, с. 273]. Перед нами антагонистическое противоречие, выражающее, с одной стороны, объективно непреодолимую историческую ограниченность капитализма, а с другой — его прогрессивную всемирно-историческую миссию.

Чтобы стать объектом производства, реальное богатство, или безграничное развитие производительных сил труда, сначала «должно принять *определенную*, отличную от него самого, т. е. не абсолютно тождественную с ним форму» [1, т. 46, ч. I, с. 393]. Прежде чем утвердиться в качестве самоцели, абсолютное развитие производительных сил вынуждено принять форму средства для достижения иной, ограниченной цели — самовозрастания капитала, или производства прибавочной стоимости. Капиталистическое производство — это не производство ради производства, а производство исключительно ради капитала. Но его цель действительно «достигается только *производством ради производства*» [1, т. 49, с. 93], хотя и в порядке такой объективной стихийной тенденции, которая выступает как прямая противоположность природе капитала. Последний развивает богатство человеческих способностей не ради их производства и воспроизводства в неограниченных масштабах, а ради их присвоения и утилизации с целью своего собственного безграничного расширения. Безудержная жажда самовозрастания капитала становится пределом развития богатства производительных сил человеческого труда. И это «такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства как таковым» [1, т. 25, ч. I, с. 265]. Капиталистический способ производства имманентно антагонистичен, так как он не может функционировать, не выявляя все новые и новые продуктивно-творческие силы человека, однако не ради их самих, не для их беспрепятственного развития, а лишь с единственной целью их использования в качестве средства для своего собственного самовозрастания.

«*Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокого способа производства*» [1, т. 48, с. 294]. Поскольку безграничное развитие производительных сил, т. е. действительное богатство как таковое, являющееся высшей целью среди возможных целей, низводится капиталом до уровня средства, подчиненного другой, ограниченной цели, постольку сам капитал является необходимым, но исторически преходящим средством для становления богатства

человеческой природы как самоцели. Поэтому капиталистический способ производства есть постоянное противоречие между его исторической задачей по всестороннему развитию производительных сил и свойственными ему общественными отношениями производства, возводящими непреодолимую преграду на пути осуществления этой задачи. Посредством разворачивания названного противоречия капиталистического способа производства «создаются материальные условия его разложения и тем самым упраздняется его *историческое правомочие* как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства» [1, т. 49, с. 119]. Одновременно формируются «реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства» и подготавливается «материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации» [Там же].

В указанном противоречии выражена крайняя форма противоположности между субъективным и объективным, социальным и природным, личным и вещественным, актуальным и опредмеченным, духовным и материальным, теоретическим и практическим факторами производства общественного богатства. Действительное богатство человеческих производительных сил оказывается разорванным на противостоящие друг другу элементы, каждый из которых получает обособленное существование и вследствие этого теряет органическую связь со всеми остальными. Не актуальная трудовая деятельность возрождает к жизни прошлый, опредмеченный труд, а мертвый, присвоенный капиталом труд господствует над живым, эксплуатируя и опустошая его. Поэтому по мере роста общественных производительных сил труда расширяется и противостоящий его носителю — рабочему — мир вещного богатства как чуждый ему, высасывающий его жизненные соки мир капитала. Производство развивается в прямом противоречии с производителем и не только не заботится о нем, но и находится по отношению к нему во все более враждебной противоположности. «Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещное богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет» [1, т. 49, с. 92].

Отчужденный мир вещного богатства, обособившегося в виде господствующей над производителем внешней силы, может существовать только благодаря принуждению к прибавочному труду. Если в докапиталистическом обществе это принуждение является непосредственным, то при капитализме оно опосредованно и принимает форму наемного труда. Буржуазное богатство в его правильном, т. е. специфически историческом определении, есть прибавочный труд как избыток над необходимым трудом для воспроизводства рабочей силы. Взятое же в абстракции от преходящей буржуазной формы и, следовательно, со стороны своей всеобщей социальной определенности богатство как таковое выступает в ка-

честве безвозмездного труда для общества, или непосредственно общественного труда, превышающего предел необходимого для воспроизводства жизни его субъекта. При капитализме этот непосредственно общественный, безвозмездный труд в качестве прибавочного труда присваивается капиталистом от имени общества и выдается за природную функцию капитала. Выходящий за пределы потребностей воспроизводства производителя, непосредственно общественный, безвозмездный труд представляет собой «базис свободного времени», а значит и «материальный базис всего общественного развития и всей культуры вообще» [1, т. 47, с. 251].

Таким образом, действительно общественное богатство как таковое, не завуалированное его предысторически антагонистической формой, или формой прибавочного труда, выступает как непосредственно общественный, безвозмездный труд, возвышающийся над потребностью воспроизводства средств существования людей и являющийся базисом их свободного творческого развития. Категория общественного богатства выражает объективно закономерное общественное отношение материальной обусловленности (обоснованности) способа развития человека способом воспроизводства его непосредственной жизни, или свободного времени необходимым временем, или сущности человека его природой.

При таком подходе проясняется связь богатства с культурой. Богатство выступает как базис культуры, а культура — как свободное развитие богатства человеческих потребностей, способностей, творчески-созидательных сил. Культура расцветает только на основе необходимого для воспроизводства непосредственной жизни, но как таковая она есть творческое возвышение над освоенной необходимостью, поиск и обретение новых горизонтов жизни, собственно процесс развития свободы человека.

Богатство и культура различимы лишь в контексте диалектики необходимости и свободы. Но не таким, конечно, образом, что первое остается всецело в лоне железной необходимости, а вторая — в эфире «дистиллированной» свободы. Подобный взгляд ограничен объективными основаниями, корнящимися в классово-антагонистическом способе возвышения культуры над определяющей ее в последнем счете противоположностью богатства и бедности. Культура, мнящая о себе, будто она есть единственно свободный творческий дух, только потому может «свысока» смотреть на богатство как на окостеневший мир вещей, что они оба (и культура, и богатство) основаны на бедности. Культура действительно процветает благодаря тому, что необходимые человеческие потребности удовлетворены, и это было понято еще Аристотелем [4, т. 1, с. 69]. Но не следует забывать, что необходимые потребности эволюционируют и должны быть удовлетворены культурным образом и длящаяся многие века и тысячелетия тенденция свести жизнь основной массы людей в лучшем случае к удовлетворению потребностей их воспроизводства, а не развития — определяющая примета предыстории, а не собственно истории человечества. Это свидетельство того, что человек становится человеком, а не живет

собственно человеческой жизнью. Однако вопреки всем усилиям предыстории заключить абсолютное трудящееся большинство в оковы жестокой необходимости и вознести особо избранную элиту на небеса свободы, не запятнанной прозой жизни, реальная история никогда не поддавалась «делению без остатка» на необходимость и чистую свободу.

Диалектика бедности и богатства такова, что творец второго оказывается носителем первой. Второе же, будучи отчужденным от своего творца и в силу этого став чужим богатством, лишается своего культурно-творческого начала. Капитал доводит дело до той крайности, когда, с одной стороны, пауперизм выступает как результат развития самой производительной силы труда, а с другой — обладание богатством теряет всякую связь со способностью его производить. Однако из того, что прибавочный труд одних как труд сверх меры необходимого для воспроизводства необходимых средств жизни высвобождает время для творческого самосовершенствования личности других, следует, что базисом свободного времени является не абстрактно взятое рабочее время вообще, а рабочее время, принявшее ту или иную конкретно-историческую форму противоположности между прибавочным и необходимым временем. И только выяснение исторических условий упразднения самого предысторического способа развития культуры, покоящегося на свободном времени в качестве превращенной формы прибавочного и необходимого времени, впервые раскрывает действительное отношение культуры и общественного богатства как «встречных» форм взаимопревращения свободы и необходимости.

В основополагающей марксистской идее о взаимопревращении необходимости и свободы следует различать два смежных аспекта. Первый связан с взаимоотношением необходимости и свободы как всеобщих сфер общественной жизни. Второй — с решающим историческим скачком из царства необходимости в царство свободы, знаменующим переход от предыстории к подлинной истории. Однако каждый из этих аспектов может быть верно понят лишь во взаимном отношении с другим при определяющей роли второго. Только в свете второго аспекта становится ясным, что в предыстории отношение между сферами необходимости и свободы далеко не исчерпывается внешней связью. Хотя истинное царство свободы по природе вещей и «лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1, т. 25, ч. II, с. 387], диктуемого нуждой и внешней целесообразностью, нельзя упустить из виду, что, во-первых, сфера свободы базируется на сфере необходимости и, во-вторых, сфера необходимости, все более расширяющаяся по мере развития человека и его потребностей, никогда не была избавлена от тех или иных элементов свободы. Продолжая обоснованное Н. Б. Шулевским различие движения свободы в сфере необходимости по форме «необходимость — свобода — необходимость» и движение необходимости в сфере свободы по форме «свобода — необходимость — свобода» [9], можно заключить, что как внутрисферное, так и межсферное взаимопревращение необходимости и

свободы с преобладанием вектора необходимости выражает категория **общественного богатства**; взаимопревращение свободы и необходимости (и внутрисферное, и межсферное) с преобладанием вектора свободы выражает категория **культуры**, а взаимопревращение свободы и необходимости в целом, указывающее на конкретно-историческое соотношение общественного богатства и культуры, выражает категория **цивилизации**. Поэтому в принципе разделяя данное Л. И. Новиковой определение цивилизации как собственно социальной формы организации общественной жизни и культуры на основе и в целях воспроизводства общественного богатства, мы считаем взаимно не согласующимися с ним и между собой два других ее суждения: «Культура старше цивилизации и в определенном отношении является ее предпосылкой» и «На стадии цивилизации происходит обособление культуры в относительно автономную область общественного производства...» [7, с. 61]. Культура только в том смысле может считаться старше цивилизации, когда она тождественна богатству общества и находится в синкретическом единстве с ним. Но если это так, то тогда, строго говоря, цивилизации предшествует не культура, а нерасчлененность культуры и богатства, т. е. то, что называется варварством.

Всемирно-исторический скачок из царства необходимости в царство свободы, с выяснением условий и природы свершения которого пролетариатом Ф. Энгельс связывал задачу научного социализма [1, т. 20, с. 215], окончательно срывает камуфлирующую суть дела покрывало с действительного отношения общественного богатства и культуры. Превращение действительного богатства во всеобщее, непосредственно общественное достояние как по способу производства, так и по способам индивидуального присвоения, означает достижение на практике свободы в сфере необходимости, когда ассоциированные производители ставят обмен веществ и энергии с природой и обмен способностями и деятельностью друг с другом под свой рационально регулируемый, общественно планомерный контроль. Источником роста общественного богатства становится не увеличение прибавочного времени за счет необходимого времени, а устранение противоположности между ними и превращение прибавочного времени в общественно необходимое время реализации первой жизненной потребности человека в воспроизводстве всего богатства предпосылкой своего всестороннего развития. Тем самым богатство окончательно утверждается в качестве необходимого непосредственно общественного базиса человеческой культуры. Систематическое выяснение закономерностей этого процесса — не только одна из центральных задач теории научного коммунизма, но и важный фактор ускорения социально-экономического развития реального социализма, более полной реализации его преимуществ как нового, превосходящего капитализм типа человеческой цивилизации.

Исходя из проведенного анализа категории общественного богатства, представляется правомерным уточнить ее место в концеп-

туальной системе научного коммунизма с точки зрения взаимосвязи указанной категории с движением социально-классовой сферы в процессе строительства нового общества.

Ключевым и наиболее принципиальным в методологическом плане является раскрытие критериальной функции категории богатства в составе ленинского определения классов. На наш взгляд, явно недостаточно ограничиться указанием на такой классообразующий признак, как «способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой классы располагают» [2, т. 39, с. 15]. Подобное ограничение по сути было бы данью распределительной концепции классов. Критерий «отношение к общественному богатству» пронизывает все ленинское определение классов, а не касается какой-либо одной его составляющей. Любое социально-классовое отношение так или иначе есть отношение между людьми по поводу производства, присвоения, распределения, обмена и потребления общественного богатства. И если мы справедливо считаем «отношение к средствам производства» основным в системе классообразующих отношений, то не в последнюю очередь потому, что этот признак указывает на источник производства и характер присвоения общественного богатства в целом. Непонимание или недооценка интегральной функции отношения к общественному богатству в процессе формообразования классовой структуры конкретно-исторического общества — рудимент экономического материализма, не поднимающегося до уразумения того кардинального обстоятельства, что за господством в экономической сфере кроется господство в сфере культуры, что присвоение прибавочного продукта есть конечная социально-классовая подоснова всего человеческого прогресса, что борьба за вещное богатство в конечном счете есть борьба за обладание условиями развития человеческой личности. Вульгарно-экономическая трактовка классов, не ведающая пути распознавания в тех или иных экономических определениях их социально-культурной значимости, как раз и покоится на игнорировании органической слитности социально-классового отношения с отношением присвоения прибавочного труда (продукта) и, стало быть, с отношением к общественному богатству в целом как базиса человеческого развития. Тот же факт, что социализм устраняет такое положение вещей, когда господствует класс, присваивающий себе чужой труд, да и вообще кладет конец частному присвоению чужого труда, вовсе не означает утверждения некой полнейшей индифферентности социально-классовой структуры по отношению к движению прибавочного продукта (труда). Без сознания классового начала в самом отношении между производством культуры и производством ее необходимой основы — общественного богатства — не может быть реализован в необходимом и достаточном соответствии с объективными условиями реального социализма принцип социальной справедливости. Высокий гуманистический смысл ориентации на постепенное сближение классов и социальных групп социалистического общества, на утверждение бесклассовой структуры в рамках первой, социа-

листической фазы коммунистической формации заключается в преодолении пока еще неизбежных ограничений и элементов неравенства в реальных возможностях присвоения общественного богатства и культуры, деятельного развития личности всех и каждого, культивирования человеческих способностей в согласии с достигнутым социальным опытом, интенсификации взаимного обогащения плодами человеческой цивилизации.

Обнаружение интегральной функции категории общественного богатства в определении социально-классовой структуры общества служит важным методологическим аргументом в пользу сближения двух традиционно устоявшихся подходов к предмету научного коммунизма. Как известно, представители первого подхода оттеняют социально-политический характер закономерностей, изучаемых научным коммунизмом, его особый интерес к социально-классовой сфере и динамике ее развития; представители второго — целостность процесса становления и развития коммунистического общества. Особую методологическую ценность в этом отношении приобретает положение XXVII съезда КПСС о закономерном возрастании роли социальной сферы в процессе совершенствования социализма. Будучи сферой приложения общественного богатства в соответствии с социалистическим принципом социальной справедливости, она превращается в конечном счете в главную сферу реализации целей и ценностей нового общественного строя, в котором богатство человеческого развития переходит из возможности в действительность. Таким образом, осуществляется самоопределение человека как субъекта исторического творчества и наиболее полно выражается гуманистическая природа и призвание нашего общества. Диалектически снимая достижения материальной, непосредственной жизни и в то же время превращаясь в активный фактор ускорения общественного прогресса, социальная сфера становится интегративным основанием практического утверждения органической целостности коммунистического типа. Поэтому исследование социально-политических закономерностей строительства социализма и коммунизма — необходимый ключ к теоретическому пониманию закономерностей становления и развития коммунистической формации как целостной системы.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976—1983. 5. Волков Г. Н. Научный коммунизм и политическая экономия // Проблемы научного коммунизма. М., 1966. 6. Квасов Г. Г. Диалектика развития личности в социалистическом обществе. М., 1985. 7. Новикова Л. И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопр. филос. 1982. № 10. 8. Сиземская И. Н. Человек как главное общественное богатство при социализме. М., 1986. 9. Шулевский Н. Б. Диалектика необходимости и свободы в творческой деятельности // Творчество и социальное познание. М., 1982.

Поступила в редколлегию 07.03.86

**СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ**

В условиях ускорения экономического и социального развития страны возрастает значение человеческого фактора. Намеченная XXVII съездом КПСС программа коренных преобразований во всех сферах жизни общества требует от каждого советского человека творческого, новаторского подхода к своей деятельности и вместе с тем критического осмысления ее результатов. Курс на ускорение социально-экономического развития диктует необходимость перестройки мышления, отказа от сложившихся стереотипов, ясного понимания партийным активом, хозяйственными кадрами, широкими массами трудящихся новых задач [3, с. 104].

Сама жизнь, практика хозяйствования свидетельствуют о важности известного перелома «в умах и настроениях кадров сверху донизу», осуществления психологической перестройки, выработки у людей «желания и умения мыслить и работать по-новому» [5, с. 29]. Без развития у всех работников умения экономически грамотно мыслить, искать нетрадиционные решения, обеспечивающие конкретные экономические результаты с учетом социальных последствий, становится невозможной высокоэффективная производственная деятельность.

В связи с этим особую научную и практическую актуальность приобретает изучение современного экономического мышления трудящихся, выяснение его сущности и характеристики. Данная тема активно разрабатывается обществоведами, причем в последнее время наметился переход от публицистического и описательного метода ее исследования к теоретико-аналитическому. В ряде работ сделана попытка раскрыть сущность и основные черты экономического мышления, определить условия его формирования и развития. Так, К. Улыбин считает, что экономическое мышление «представляет собой отражение в сознании людей в виде определенной системы понятий разнообразных явлений, процессов, отношений и закономерностей общественного производства» [10, с. 27]. По мнению А. Нестеренко, «это такое мышление, которое связано с осмыслением экономических процессов, их закономерностей и направлено на лучшее и более полное использование хозяйственных возможностей и форм управления экономикой» [7, с. 29].

В курсе лекций «Теория и практика идеологической работы» экономическое мышление определяется как способность «глубже познавать сущность экономических процессов, осмысливать различные экономические понятия, категории, производить соответствующую оценку существующей экономической практики и на этой основе более осознанно достигать экономических целей» [9, с. 179]. Наиболее полным является определение, сформули-

рованное В. Д. Поповым: «Это, с одной стороны, процесс воспроизведения сознанием людей их экономических отношений в форме экономических теорий, понятий, идей, категорий и т. п. в определенной логической последовательности... А с другой стороны, экономическое мышление — это процесс осмысления и усвоения людьми накопленных обществом экономических знаний (в учебниках, статьях и т. п.), а также переработки оперативной экономической информации, поступающей через каналы средств пропаганды и агитации. Следовательно, экономическое мышление — это есть и интеллектуальное свойство человека, социальной общности осмысливать экономические явления, познавать их, усваивать и соотносить экономические понятия, категории, теории с реальностью и соответствующим образом ориентироваться в экономической жизни» [8, с. 146].

В приведенных определениях родовое свойство экономического мышления раскрывается через познание сущности экономических отношений, которые являются базой для формирования указанного феномена. В то же время нам представляется неправомерным отождествление отдельными авторами сущности экономического мышления и экономического сознания. Для выяснения этого вопроса следует обратиться, учитывая общепризнанное положение об органической взаимосвязи мышления и сознания, к всесторонне доказанной, на наш взгляд, точке зрения о выделении экономического сознания как самостоятельного, специфического вида общественного сознания. Данной точки зрения придерживаются А. К. Уледов, В. П. Фофанов, А. В. Дроздов, В. А. Медведёв, А. И. Пашков, В. Д. Попов и др. Отметим, что отдельные авторы, изучающие природу экономического сознания, выделяют в его структуре экономические взгляды, представления как самостоятельную разновидность сознания.

Основоположники научного коммунизма, рассматривая мышление в качестве процесса отражения объективной действительности, подчеркивали, что оно позволяет получать знания об отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты человеком [1, т. 20, с. 554—555]. Мышление выступает как особый продукт общественно-исторического развития, специфическая форма человеческой деятельности. Поэтому теоретики марксизма указывали на изначальную связь мышления с практической деятельностью. Понятие «экономическое мышление» К. Маркс считал необходимой предпосылкой экономической деятельности людей [1, т. 26, ч. III, с. 181]. «Образование представлений,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»,— мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [1, т. 3, с. 24]. Следовательно, сущность современного экономического мышления надо раскрывать через сущность реальных экономических отношений. Мышление же, отражая совокупность этих отношений, адекватно результативной деятельности людей. Оно будет проявляться в таком уровне и характере практической

деятельности, которые соответствуют современным требованиям общественного производства.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС была поставлена задача формирования современного экономического мышления трудящихся, которая уточнялась в последующих партийных документах. Постановка данной задачи обуславливалась качественно новой стадией развития экономики, необходимостью обобщения накопленного опыта хозяйствования. Рассмотрим условия становления характерных черт экономического мышления, дающих основание для определения его современного стиля.

Отражая сложившиеся в социалистическом обществе производственные отношения, экономическое мышление, тесно связанное с общественным сознанием, определяется в значительной мере степенью их совершенства, уровнем развития социалистического способа производства в целом. Безусловно, в экономическом мышлении отражаются и присущие социалистическому способу производства неантагонистические противоречия, а также существующие трудности и диспропорции в развитии экономики. В научных публикациях последних лет преобладает точка зрения, согласно которой в социалистическом экономическом мышлении проявляются особенности определенного этапа развития экономики социализма, зрелость экономических отношений. Не вдаваясь в дискуссию по этой узкой проблеме, имеющей вместе с тем глубокие теоретические корни, укажем, что широкое использование понятия «тип мышления» не всегда оправдано. По нашему мнению, при рассмотрении динамики развития мышления более приемлемо употребление понятия «стиль мышления».

Стиль мышления как интегральная характеристика мыслительной деятельности отдельного человека, отражающая личностные особенности субъекта, всегда индивидуален, более вариативен, хотя и воплощает в себе определенные черты того или иного типа общественного мышления. В докладе на Всесоюзной научно-практической конференции в Москве 10 декабря 1984 г. М. С. Горбачев подчеркивал: «Утверждение современного стиля экономического мышления — жизненная необходимость» [4, с. 41].

Природа экономического мышления отражает сущность экономической действительности, проявляющуюся через преодоление противоречий. Экономическое развитие, как и всякое другое развитие, противоречиво и представляет собой диалектическое единство и борьбу противоположностей. Переход одного явления в другое, его отрицающее, но вместе с тем включающее в себя, обеспечивает преодоление противоречий уходящего из жизни старого и утверждение нарождающегося нового, в котором старое содержится в известном объеме.

Осуществление интенсификации общественного производства предполагает создание в системе развивающихся экономических отношений новых, более эффективных форм ведения общественного хозяйства. Их внедрение сталкивается с противоречиями экстенсивного развития экономики. В этих условиях необходимо

изменять привычные методы хозяйствования, поддерживать новаторские решения, способствующие дальнейшему прогрессу экономики. Новые подходы к развитию производства, связанные с его ориентацией на реконструкцию и постоянное техническое переоснащение, внедрение прогрессивных ресурсосберегающих технологий, требуют повсеместной перестройки существующей системы управления, ее организационной структуры, а также психологии людей как субъектов хозяйствования. Преодоление противоречий в экономическом развитии находится в прямой зависимости от степени понимания людьми важности осуществляемых преобразований, их сознательного отношения к реальным процессам в экономике, что составляет содержательную сторону понятия «современное экономическое мышление». Направленное прежде всего на критическое осмысление противоречий экономической практики, выбор наиболее эффективных путей их разрешения, экономическое мышление должно быть всегда современным, отвечать характеру объективных требований экономических законов социализма, специфически проявляющихся на различных этапах развития социалистической экономики, в соответствующих им экономических условиях.

В докладе на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. прямо указывалось: главная причина ощущающихся с начала 70-х годов трудностей в экономическом развитии страны кроется в отставании экономического мышления хозяйственных кадров от требований времени, «в том, что не было в должной мере учтено коренное изменение экономической ситуации и не было проявлено необходимой настойчивости в перестройке структурной политики, форм и методов управления, самой психологии хозяйственной деятельности» [5, с. 5]. Черты экономического мышления 60—70-х годов отражают преобладавшие в тот период экстенсивные методы хозяйствования. Существовавшим экономическим условиям вполне соответствовала оценка результатов хозяйственной деятельности по количественным показателям, что приводило к недооценке ресурсных затрат. Негативные черты сложившегося тогда экономического мышления проявлялись в ведомственных и местных тенденциях, которые выражались в стремлении отдельных предприятий и ведомств завышать, не считаясь с интересами общества, потребности в производственных фондах, трудовых и сырьевых ресурсах, капитальных вложениях и т. п. «Пожалуй, в нашей экономической жизни,— пишет П. А. Игнатовский,— нет других явлений, которые сравнились бы с ними по силе негативного воздействия на результаты и эффективность хозяйствования, на весь процесс общественного развития» [6, с. 216].

Наиболее характерные черты определенного стиля мышления утверждаются и действуют годами, а порой десятилетиями. Те или иные представления, понятия, логические схемы прочно закрепляются в сознании людей, превращаются в стереотипы, передаются от одних поколений к другим. Такая «традиционность»

мышления, когда оно развивается вслед за рождаемыми хозяйственной практикой новыми экономическими условиями, а не предвидит их возможные качественные изменения, возникновение новых явлений, может превратиться с течением времени в сдерживающий фактор общественного прогресса. Экономическое мышление, с одной стороны,— результат преобразований, которые происходят в нашей экономике, а с другой — необходимая их предпосылка. Она формируется под воздействием экономических отношений, всего комплекса социально-экономических и производственно-хозяйственных условий, но не копирует их изменения, обладая относительной самостоятельностью и определенной устойчивостью по отношению к ним.

Важно подчеркнуть, что степень зрелости экономического мышления зависит в значительной мере и от достигнутого уровня общей культуры, развития науки в обществе, состояния экономического воспитания. Складывание новых черт мышления происходит под воздействием организаторской, хозяйственной и идейно-воспитательной работы КПСС и Советского государства, различных общественных организаций, коллективов трудящихся, а также в процессе самовоспитания личности. Формирование экономического мышления как важнейшая задача экономического воспитания не может и не должно рассматриваться вне целостной системы коммунистического воспитания. Решение данной задачи не может ограничиваться локальными мероприятиями, превращаться в разовые кампании. Это — перманентный и многогранный процесс, требующий всестороннего, комплексного подхода.

Становление черт современного экономического мышления связано, во-первых, с совершенствованием хозяйственного механизма в целом, расширением участия трудящихся в управлении производством. «Ведь нет никакого иного пути совершенствования человеческой деятельности помимо совершенствования в конечном счете производительных сил и производственных отношений. И нет никакого иного пути совершенствования самого человека вне и в отрыве от развития производительных сил и производственных отношений» [11, с. 11]. Следует учитывать, что влияние экономических отношений на общественное сознание и формирование мышления отдельной личности происходит не непосредственно, а опосредованно, через конкретные организационно-экономические формы и процессы. Такими формами являются, в частности, звенья механизма социалистического хозяйствования: план, финансы, цены, системы оплаты труда, различные формы организации производства и т. п. В условиях конкретных коллективов экономическое мышление должно формироваться и поддерживаться самим укладом производственной жизни, системой внутриколлективных отношений — рациональной организацией производства, четким ритмом работы, действенными принципами стимулирования труда, высокой дисциплиной и ответственностью работников.

Во-вторых, становление черт экономического мышления связано с повышением действенности экономического воспитания

трудящихся, которое в современных условиях должно быть всецело подчинено потребностям интенсификации народного хозяйства, задачам ускорения научно-технического прогресса. Процесс формирования экономического мышления затрагивает все категории трудящихся, ибо все люди в той или иной степени причастны к экономической деятельности, определенной форме экономических отношений, складывающихся на нынешнем этапе развития социалистического общества.

Какие же черты характеризуют современное экономическое мышление? Можно ли определить их «обязательный минимум», позволяющий судить об экономической грамотности современного работника? На наш взгляд, совокупность таких черт объективно существует, как существует совокупность политических и социально-экономических качеств современного человека, ибо человек, по словам К. Маркса, не есть нечто абстрактное. Его сущность является выражением всей совокупности общественных отношений [1, т. 3, с. 3].

В широком смысле экономическое мышление как одна из активных сторон общественного сознания выступает в качестве важнейшей предпосылки эффективной экономической деятельности трудящихся масс. Ускорение социально-экономического развития страны, определившее коренные перемены во всех сферах нашего общества, объективно обусловило обогащение мышления новыми чертами. «Именно та конкретная экономическая и политическая обстановка, в которой мы находимся, именно та особая полоса исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир, требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений» [3, с. 6]. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что сегодня необходимо формировать у каждого советского человека ясное понимание остроты переживаемого момента, масштабности и сложности встающих задач, готовности и умения решать их, действуя энергично, инициативно, с максимальным результатом. Формирование нового, адекватного современному уровню требований экономического мышления трудящихся заключается в становлении и закреплении таких его черт, которые в наибольшей степени будут способствовать реализации стратегического курса партии на ускорение социально-экономического развития страны.

В узком смысле экономическое мышление служит характеристикой деятельности хозяйственных кадров (их различных категорий — руководителей, экономистов, инженерно-технических работников, рабочих и т. д.). В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. содержится вывод о важности «настойчиво воспитывать у кадров деловитость, перестраивать экономическое мышление и психологический настрой людей на работу по-новому, повышать ответственность за порученное дело» [3, с. 334].

Современный стиль экономического мышления кадров неразрывно связан со стилем их практической деятельности и проявляется в конкретных чертах последнего. В. И. Ленин указывал, что только по действиям людей можно судить об их реальных помыслах и чувствах [2, т. 1, с. 423—424]. Таким образом, формировать современное экономическое мышление — значит утверждать новый стиль партийной и хозяйственной работы. «Стиль, который сейчас нужен, — отметил при закрытии XXVII съезда КПСС М. С. Горбачев, — это конкретность, деловитость, последовательность, единство слова и дела, выбор наиболее эффективных методов и средств, тщательный учет мнений людей, умелое координирование действий всех общественных сил» [3, с. 345]. Являющиеся необходимым условием такого стиля новаторские идеи, перспективные подходы, эффективные способы выработки и реализации хозяйственных решений, основанные на критическом осмыслении экономических отношений, составляют неотъемлемые черты современного экономического мышления.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Горбачев М. С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюз. науч.-практ. конф. «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», 10 дек. 1984 г. М., 1984. 5. Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июля 1985 г. М., 1985. 6. Игнатовский П. А. Экономическая жизнь социалистического общества. М., 1983. 7. Нестеренко А. О новом типе экономического мышления // Экономика Сов. Украины. 1985. № 1. 8. Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1983. 9. Теория и практика идеологической работы: Курс лекций. М., 1984. 10. Улыбин К. Современное экономическое мышление: сущность, формирование и развитие // Политсамообразование. 1985. № 4. 11. Федосеев П. Н., Ильичев Л. Ф. Некоторые методологические проблемы исторического материализма // Вопр. филос. 1984. № 6.

Поступила в редколлегия 05.03.86

Л. Я. ДЯТЧЕНКО, канд. филос. наук, А. М. КУЦ, канд. ист. наук,
В. Н. ВЯЗМИТИНОВА

ФОРМИРОВАНИЕ У ТРУДЯЩИХСЯ КЛАССОВОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ УСИЛЕНИЯ НАСТУПАТЕЛЬНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Положенные в основу решений XXVII съезда КПСС задачи всестороннего совершенствования социализма путем ускорения социально-экономического развития страны обуславливают необходимость активизации человеческого фактора, углубленного исследования методологических и теоретических аспектов процесса воспитания трудящихся. Следуя ленинскому указанию «брать за

основу не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных течений и идейно-политическое исследование их главных, существенных принципов» [2, т. 26, с. 151], партия разработала глубоко научную концепцию формирования гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство, определила задачи по воспитанию у советских людей умения с классовых позиций оценивать проблемы социальной действительности, в том числе и в сфере национальных отношений.

Актуальность исследования процесса формирования у трудящихся классового подхода к проблемам национальных отношений в современных условиях детерминируется совокупностью внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относится изменение объективных условий, в которых проходит процесс интернационального воспитания советского человека. Интернационализация всех сфер жизни советского общества, дальнейший расцвет и сближение наций и народностей нашей страны, усиление интенсивности межнационального общения и повсеместное развитие многонациональных трудовых коллективов — все это способствует осознанию каждым человеком своей принадлежности не только к определенному классу, нации или народности, но и к советскому народу как новой исторической общности. Следует добавить, что в жизнь вступают новые поколения советских людей, не прошедшие суровой школы классовой борьбы, которые, с одной стороны, имеют все возможности для сознательного формирования классового подхода к любым национальным проблемам, выработки активной жизненной позиции в решении интернационалистских задач построения коммунизма; с другой — их взгляды и настроения формируются под воздействием достижений, а также недостатков и трудностей в социально-экономическом развитии страны, пережитков прошлого в психологии. Воспитанию трудящихся иногда наносит вред отход от четкой классовой оценки отдельных исторических событий.

Внешние факторы определяются усилением идеологической борьбы на современном этапе, вызванным углублением противоречий капиталистической системы, в том числе по проблемам национальных отношений; нарастающими нападками буржуазной пропаганды, пытающейся принизить значение решения национального вопроса в СССР, возбудить неприязнь и недоверие во взаимоотношениях наций и народностей нашей страны. В отличие от периода утверждения и упрочения социализма, когда в центре классовой борьбы стоял открытый враг, в настоящее время невозможно четко определить границы и стороны противоборства. Теперь классовый враг вынужден маневрировать и маскироваться, используя огромный пропагандистский потенциал и новые средства для идеологических диверсий и психологической войны. Нельзя не учитывать тот факт, что буржуазная пропаганда имеет широкие возможности непосредственно обращаться к гражданам социалистического общества, влиять на оживление националистиче-

ских настроений и проявление отдельных черт потребительской психологии. «В этих условиях, — подчеркивал М. С. Горбачев, — как никогда, необходимы партийная принципиальность, последовательный классовый подход к оценке происходящих событий и явлений, политическая бдительность и непримиримость к чуждым нам взглядам, творческий, наступательный характер идеологической работы, деловитость, смелость и настойчивость» [5, с. 38].

Творческая направленность, глубина действия классового подхода особенно ярко проявляются в теории и практике идеологической работы, где классовый подход выступает как один из важнейших принципов ее функционирования и где происходит процесс его реализации. Выдвинутая июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС задача повсеместного создания хорошо продуманной единой системы контрпропаганды является дальнейшим развитием теории идеологической работы и ее основного принципа — классового подхода. Установившееся в литературе мнение о диалектическом единстве и взаимосвязи пропагандистского и контрпропагандистского содержания классового подхода позволяет определить его в качестве главного принципа контрпропаганды, что обуславливает необходимость выяснения сущности контрпропаганды и ее места в системе идеологической работы. Для этого целесообразно обратиться к трудам Н. М. Кейзерова и Е. А. Ножина, которые в числе первых предприняли анализ теоретико-методологических проблем контрпропаганды, рассматривая ее как составную часть системы идеологической работы. Основным содержанием контрпропаганды, по их мнению, является вскрытие классовой, политической, идеологической направленности враждебной пропаганды, выявление целей идеологических противников, разоблачение способов и приемов пропаганды идей, враждебных социалистическому строю [6, с. 11].

По определению Ж. Т. Тощенко, контрпропаганда представляет собой теоретико-организационную форму идеологической работы, направленную на выработку у каждого советского человека непримиримости к буржуазной идеологии, глубоких мировоззренческих знаний, позволяющих занимать наступательную позицию в борьбе против враждебной пропаганды, понимания закономерностей общественного развития, умения сопоставлять истинное и ложное и принимать самостоятельное решение при оценке жизненных проблем современности [7, с. 149].

Анализируя приведенные точки зрения, можно сделать вывод, что контрпропаганда — это неотъемлемая, составная часть коммунистической пропаганды, имеющая специфические функции и содержание. Находясь в диалектической взаимообусловленности и взаимодействии, отражая целостность и единство идеологического процесса, контрпропаганда и пропаганда соотносятся как особенное и общее. Это единый комплексный процесс идеологического воздействия на людей. Безусловно, идеологическое наступление партии рабочего класса нельзя рассматривать как работу только ее центральных органов, научных учреждений, средств массовой

информации. Идеологическая работа должна вестись на каждом политзанятии, лекции, в ходе споров по насущным вопросам современной действительности.

Чтобы полнее уяснить данную проблему, рассмотрим ее на примере проведения контрпропагандистской работы в области теории и практики национальных отношений, пронизывающих все сферы общественного развития. При этом для раскрытия процесса формирования классового подхода к проблемам национальных отношений особую значимость имеет освещение проблемы взаимосвязи классового и национального применительно к личности, сущность которой, по образному выражению К. Маркса, «составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество...*» [1, т. 1, с. 242]. Личность — носитель общественных отношений: классовых, политических, национальных, семейных, нравственных, эстетических; она выступает как воплощение единства многообразия. Однако человек не рождается личностью, ибо он не рождается рабочим или капиталистом, русским или немцем — он становится представителем определенного класса и определенной нации только в процессе исторического развития общества. Именно под воздействием общественных отношений формируются его классовые и национальные интересы, сознание, чувства, привычки, традиции, а также его индивидуальные, неповторимые черты, способности оценивать социальные явления, которые в совокупности с общей социальной сущностью характеризуют человека как личность.

Марксизм-ленинизм в полном соответствии с логикой общественного развития исходит из того, что нация не может определять социальные качества людей. Их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу определяет только класс [1, т. 3, с. 54]. В этом процессе особенно важно формирующееся на основе опыта политической борьбы осознанное понимание личностью противоположности классовых идеалов и интересов, классового самосознания, приоритет классового самосознания по отношению к национальному самосознанию, которое выражает лишь принадлежность человека к данной национальной общности, отличающейся от других наций. Примечательно, что среди советских ученых продолжается дискуссия о соотношении социально-классового и этнического в нации. В центре дискуссии — тезис о преодолении классового в национальном самосознании [8, с. 190]. Не вдаваясь в детали существующих разногласий, отметим правомерность суждения о том, что принадлежность личности к нации, к ее ценностям проявляется прежде всего через призму социально-политической ориентации человека. Такая точка зрения полностью совпадает с ленинским положением — при любом серьезном политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям [2, т. 24, с. 134].

Установить, какой класс на том или ином этапе общественного развития является ведущей силой нации, правильно применить классовый подход ко всем национальным проблемам можно только на основе марксистско-ленинской методологии, включающей

в себя следующие требования: подчиненность национального вопроса интересам классовой борьбы пролетариата, интересам социализма; конкретно-историческую оценку национальных факторов, постановку их в определенные исторические рамки, четкий классовый анализ всякого национального требования; строгий учет национальных и интернациональных факторов при ведущей роли последних; решительную борьбу с буржуазно-националистической идеологией [9, с. 7]. Выделяется еще и требование глобального подхода: чтобы обозреть действительно совокупность сведений о национальных движениях, надо учесть все население планеты [10, с. 14]. Данные требования указывают на то, что формирование классового подхода к национальному вопросу — это конкретно-исторический процесс в смысле изменения условий функционирования классов и наций, общества в целом, появления на разных этапах новых явлений и тенденций. В то же время совокупность перечисленных требований отражает необходимость учета национальной специфики того или иного региона, коллектива, личности как важнейшего условия процесса осуществления этого принципа.

На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин подчеркнул, что национальный вопрос из Программы партии можно было бы вычеркнуть, если бы люди были без национальных особенностей [2, т. 38, с. 134]. Можно сделать вывод, что учет национальной специфики является условием, определяющим процесс формирования классового подхода к национальным проблемам, а также соотношение конечной цели реализации интересов рабочего класса в национальном вопросе — слияния всех наций в высшем единстве [2, т. 24, с. 131] — с конкретными целями и задачами каждого этапа развития дружбы, братства и равенства между народами. Внимательный учет интересов представителей всех наций, их вклада в ускорение общественного прогресса Коммунистическая партия выдвигает в качестве главного требования при решении социально-экономических, политических, идейно-воспитательных и кадровых вопросов как в целом в стране, так и в каждом ее регионе. При этом определяющим является классовый фактор, в основе содержания которого лежит интернационализм, выражающий глубокое единство интересов рабочего класса в национальных рамках, в государственном и международном масштабе. Именно через классовое самосознание происходит процесс привнесения интернационального в национальное. Выступающее в диалектическом единстве с национальным интернациональное тем самым отражает и общезначимое национальное и классовое в национальном. Усвоение этой диалектики служит исходной позицией рассматриваемого процесса. Только через признание приоритета классового, интернационального начинается формирование классового подхода к национальным проблемам.

Следует подчеркнуть, что формирование классового подхода к проблемам национальных отношений нельзя представлять как процесс пассивного восприятия личностью принципов пролетар-

ского интернационализма. В реальной жизни классовый подход выражается в борьбе противоположностей, разрешении противоречий, которые проходят через миропонимание конкретных людей и отражаются в определенной оценке, действии. Такая борьба всегда требует анализа новых обстоятельств, тенденций в национальных отношениях, связана с вытеснением и преодолением всего косного, архаичного, всяческих остатков национальной исключительности и предубежденности, сдерживающих процесс упрочения дружбы и сближения народов. Не случайно искоренение разного рода отклонений от норм социалистической жизни, в том числе и в сфере национальных отношений, партия назвала одним из ключевых условий совершенствования социализма. Формирование у трудящихся классового подхода к национальным проблемам немыслимо без всестороннего учета реальностей социально-политической и духовной жизни общества, возросшего уровня образованности, информированности и культуры советских людей, накопленного огромного опыта в их воспитании. Кроме того, между проявлением национализма людьми неграмотными и суеверными на начальных этапах социалистического строительства и современным советским человеком, имеющим среднее или высшее образование, живущим в условиях интернационализации и воспитываемым на общенародных традициях,— большая разница.

Безусловно, данные проявления не носят массового характера, но тем не менее нельзя согласиться с появляющимися в литературе рекомендациями осторожнее использовать термин «национализм» применительно к современной действительности из-за опасения задеть национальные чувства и т. д. [11, с. 335]. Здесь важна открытая постановка вопроса о конкретных проявлениях национализма — будь то на собрании, политзанятии или в частной беседе. Вместе с тем необходимо соблюдать тактичность и внимательность при анализе сущности и особенностей национализма. Определяющими принципами в такой работе должны быть четкий классовый анализ, бескомпромиссность и решительность.

По нашему мнению, в идеологической работе еще много неиспользованных резервов и возможностей, которые следует привести в действие. Это подтверждается выводами социологического исследования, проведенного среди группы пропагандистов партучебы Харькова. Многие из них недостаточно активно и разносторонне используют в своей работе приемы контрпропаганды. Так, на вопрос «Приходилось ли Вам в ходе дискуссий на занятиях опровергать домыслы буржуазной пропаганды о внутренней и внешней политике КПСС?» утвердительно ответили 50 % опрошенных, отрицательно — 8 %, а около 40 % пропагандистов подчеркнули, что такие дискуссии не возникали. Анализ утвердительных ответов показывает, что половина респондентов в ходе дискуссий убеждает значительную часть слушателей, каждый пятый — немногих слушателей. Можно предположить, что подобные дискуссии возникают на занятиях у наиболее подготовленных пропагандистов, которые владеют искусством полемики, используют

активные методы проведения занятий. Вместе с тем еще немалая часть пропагандистов не умеет разоблачать идеологические диверсии врага, занимает пассивную позицию. По мнению каждого четвертого из опрошенных слушателей, большинство пропагандистов сами недостаточно владеют приемами разоблачения.

Нас интересовало также, какие меры принимают пропагандисты в случае, если им не удалось убедить слушателей в не Достоверности, фальсификации тех или иных фактов. Выяснилось, что 40 % таких пропагандистов специально готовятся к дополнительному разъяснению и дают его на следующем занятии, 29 % делают подборку фактов и советуют слушателям познакомиться с ними, 10 % — поручают слушателям подготовить рефераты по затронутой проблеме, 22 % — советуют посмотреть телепередачи, а 47 % — стараются больше не затрагивать данную проблему, т. е. практически уходят от острых вопросов. Приведенные данные не только позволяют судить о приемах борьбы с буржуазной националистической пропагандой, но и характеризуют отношение пропагандистов к этой работе.

Следует подчеркнуть, что наибольших результатов в проведении контрпропагандистской работы добиваются те активисты, которые заинтересованно, с большой ответственностью относятся к ней. Неслучайно около 80 % пропагандистов, специально готовящихся к беседам по разоблачению буржуазных фальсификаторов, убеждают своих слушателей. В то же время почти половина пропагандистов, не затрагивающих острых вопросов, не достигают поставленной на занятии цели. Характерны показатели зависимости эффективности контрпропагандистских усилий того или иного пропагандиста от форм проведения занятий, которым он отдает предпочтение. Так, пропагандисты, излагающие материал в форме лекции или рассказа, оценивают эффективность своих контрпропагандистских усилий на 20 % ниже, чем эффективность работы пропагандистов, организующих споры и дискуссии по волнующим слушателей вопросам. Результаты исследования свидетельствуют также, что пропагандисты, убеждающие немногих слушателей в разоблачении буржуазных фальсификаций, используют сравнительно узкий арсенал средств для подготовки к занятиям. Более 70 % из них пользуются в основном учебным пособием по курсу, мало интересуются первоисточниками и дополнительной общественно-политической литературой. Примерно к таким же выводам о готовности пропагандистов к занятиям приходят другие авторы социологических исследований.

Партия ставит задачи по перестройке всех звеньев идеологической работы, в том числе и партийной учебы. Особую значимость их реализация имеет в ходе повсеместно развернувшейся работы по созданию и совершенствованию системы контрпропаганды. На наш взгляд, партийная учеба занимает ведущее место в организации этой сложной работы и в ее методическом обеспечении. Партийные пропагандисты должны прежде всего научиться сами, научить коммунистов, а следовательно, и весь идеологический актив вла-

деть приемами разоблачения националистической пропаганды, которые в целом отражают механизм выработки и практического применения классового подхода к национальным проблемам.

В связи с изложенным представляются следующие пути усиления эффективности и контрпропагандистской направленности партийной учебы в исследуемом плане: актуализация содержания всего учебного процесса; улучшение его информационно-методического обеспечения на основе совершенствования учебных программ и пособий, обобщения передового опыта пропагандистской работы; внедрение наиболее активных, наступательных приемов разоблачения буржуазной пропаганды, стремящейся фальсифицировать или извратить ту или иную проблему национальных отношений в социалистическом обществе; укрепление связи марксистско-ленинского образования с жизнью многонациональных трудовых коллективов через создание четко работающего механизма обратной связи всей идеологической работы, систематическое изучение информационной обстановки, общественного мнения среди различных категорий населения; повышение теоретического и методического уровня подготовки пропагандистских кадров путем улучшения работы факультетов общественных профессий вузов всех профилей, университетов марксизма-ленинизма и постоянно действующих семинаров при партийных комитетах, включения в их планы спецкурсов по контрпропаганде по единой программе, отражающей наряду с другими вопросы теории и методики борьбы с буржуазным национализмом, внедрения в практику партийной учебы новых приемов сочетания пропаганды и контрпропаганды.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1986. 5. Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1985. 6. Кейзеров Н. М., Ножин Е. А. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. М., 1984. 7. Тощенко Ж. Т. Идеология и жизнь: социологический очерк. М., 1983. 8. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 9. Куц А. М. Взаимосвязь классовых и национальных отношений в развитом социалистическом обществе. Х., 1982. 10. Баграмов Э. А. Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982. 11. Развитие национальных отношений в СССР. М., 1982. 12. Глобус.

Поступила в редколлегию 03.03.86

Николаев В. М., Куц Ю. А. XXVII съезд КПСС о совершенствовании социально классовых и национальных отношений в советском обществе	3
Авксентьев А. Л., Фисун А. А. К вопросу об историческом призвании социализма	8
Рубан Л. С. Объективные факторы повышения роли рабочего класса в ускорении социально-экономического развития села	13
Волошан М. М., Лычко Б. Т. Формирование социально-политического облика сельскохозяйственной интеллигенции в условиях межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции	21
Тихонова Л. А. Основные социальные характеристики и структура слоя «служащие-неспециалисты» на этапе совершенствования социалистического общества	29
Демина Л. А. О социальной зрелости производственного коллектива	38
Малахова Н. Б. Всеобщий труд и становление социальной однородности общества	45
Бабичев Е. Р. О классификации социальных факторов повышения производительности труда в сельскохозяйственном производстве	51
Тихонова Л. А. Активная жизненная позиция молодого служащего как объект изучения и совершенствования	57
Батюшко С. В. Усиление коллективистских основ социалистического воинского труда	64
Коломийцев В. А. К вопросу о роли политических чувств в повышении уровня политической активности личности	72
Коновалов С. В. К вопросу о взаимосвязи социально-классовых процессов и развития личности в условиях социализма (методологический аспект проблемы)	80
Мамалуй А. А., Власенко Т. Т. Общественное богатство как категория научного коммунизма	88
Головки В. В. Сущность и характеристика современного экономического мышления	98
Дятченко Л. Я., Куц А. М., Вязмитинова В. Н. Формирование у трудящихся классового подхода к проблемам национальных отношений — важнейшее направление усиления наступательности идеологической работы	104

(14) еб - 1^ч

2/3 ч - 1^ч

учб - 3^ч

муз. хгг - 1^ч